КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

И. В. ЯГИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1889.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА

И. В. ЯГИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1889.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1889 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ поручило мнѣ, какъ своему члену, написать разборъ труда профессора А. И. Соболевскаго, появившагося въ свѣтъ въ прошломъ году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ „Лекціи по исторіи русскаго языка“ и представленнаго въ академію на соисканіе преміи имени графа Д. А. Толстаго. Всегда готовый поддерживать научные интересы этого высшаго ученаго учрежденія, я тѣмъ охотнѣе взялъ на себя порученіе его, что трудъ профессора Соболевскаго, вполнѣ заслуживающій внимательнаго разбора, затрогиваетъ предметъ, которому я и самъ посвятилъ не мало времени въ бытность мою профессоромъ Императорскаго с.-петербургскаго университета. Такимъ образомъ и у меня нашлось подъ рукою не мало матеріаловъ, которыми я считалъ возможнымъ отчасти восполнить пробѣлы разбираемыхъ здѣсь „лекцій“, отчасти выставить и оправдать свои особые взгляды.

Глубоко запали мнѣ въ душу тѣ незабвенные годы, когда я передъ многочисленною авдиторіею русской молодежи читалъ лекціи о русскомъ языкѣ, старомъ и новомъ, какъ въ университетѣ такъ на высшихъ женскихъ курсахъ; съ тронутымъ сердцемъ вспоминаю также отношеніе ея ко мнѣ, всегда полное вниманія и довѣрія. Пусть эти „критическія замѣтки" будутъ выраженіемъ моей благодарной памяти за прошлое, пожеланія же еще болѣе блестящихъ успѣховъ моему преемнику.

И. В. Ягичъ.

Моимъ бывшимъ

ученикамъ и ученицамъ

на память.

ВВЕДЕНІЕ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ вышелъ первый трудъ, имѣющій прямое отношеніе къ исторіи русскаго языка. Это было не систематическое изложеніе въ видѣ знаменитой исторической грамматики Якова Гримма, не было также нѣчто похожее на «исторію нѣмецкаго языка», написанную тѣмъ же Гриммомъ, лѣтъ тридцать спустя послѣ его грамматики. Это были пока только «Мысли» объ исторіи русскаго языка, предварительныя соображенія И. И. Срезневскаго[1]). Предметъ, затронутый въ этихъ «Мысляхъ», заключалъ въ себѣ столько любопытныхъ и важныхъ вопросовъ по отношенію къ русской старинѣ, что талантливому, молодому тогда еще профессору, обладавшему, какъ извѣстно, большимъ остроуміемъ и немалою долею краснорѣчія, не трудно было, и не входя въ подробности, представить читателю нѣсколько очень живо написанныхъ картинъ изъ жизни языка вообще, изъ взаимныхъ отношеній между славянскими нарѣчіями и наконецъ изъ

[1]) «Мысли объ исторіи русскаго языка Измаила Срезневскаго, доктора славяно-русской филологіи, экстраординарнаго профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета» напечатаны какъ приложеніе къ «Годичному торжественному акту въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ, бывшему 8 февраля 1849 года» С.-Пбгъ 1849, на стр. 61—186. «Дополнительныя примѣчанія» обнимаютъ стр. 187—280.

историческихъ судебъ русскаго языка. «Мысли» И. И. Срезневскаго, надо полагать, читались съ тѣмъ большимъ интересомъ[1]), чѣмъ рѣже появлялись въ русской литературѣ подобнаго рода общія разсужденія о языкѣ, о ходѣ и развитіи его въ связи съ исторіею народа.

Книжка И. И. Срезневскаго и до сихъ поръ не потеряла своей прелести. Вторая глава ея «о первоначальномъ образованіи языковъ» отличается поэтичностью изложенія, взамѣнъ положительныхъ данныхъ являются яркія краски разсказа. Но и третья глава, рисующая типъ русскаго праязыка, и часть пятой, въ которой излагается «общій ходъ» измѣненій въ русскомъ языкѣ, выдерживаютъ съ нѣкоторыми поправками критику нашего времени. Менѣе всего удовлетворяютъ насъ теперь два главныхъ положенія, легшія въ основаніе разсужденій нашего незабвеннаго академика. Первое положеніе гласитъ, что въ началѣ исторической жизни русскаго народа господствовало еще полное единство русскаго языка, такъ что «части народа отличались болѣе мѣстными нравами, обычаями, степенью образованности, чѣмъ строемъ и составомъ языка» (стр. 96), и что «русскій языкъ X — XIV вѣка, точно такъ же какъ и другія славянскія нарѣчія этого времени, былъ въ состояніи переходномъ» (ib. 90). Тутъ не все ясно. Какъ мы должны понимать единство языка и въ то же время переходное состояніе его? Когда же это переходное состояніе началось. Почему мы знаемъ, что не было его и раньше X—XIV вѣка? Такая же неопредѣленность замѣтна въ отзывахъ И. И. Срезневскаго объ отношеніи языка русскаго къ церковнославянскому. Онъ говоритъ, что русскій языкъ «въ первобытномъ своемъ состояніи ближе всего подходитъ къ нарѣчію старославянскому и вмѣстѣ съ нимъ всего болѣе сохранялъ черты первообразнаго общаго славянскаго строя» (стр. 89) и что онъ «къ старославянскому былъ

---

[1]) «Мысли» И. И. Срезневскаго были перепечатаны въ Библіотекѣ для Чтенія 1849 года, но безъ «Дополнительныхъ примѣчаній».

гораздо ближе всѣхъ другихъ нарѣчій славянскихъ и по составу и по строю» (стр. 153), что русскій народъ, когда онъ обратился къ христіанству, «нашелъ уже всѣ книги, необходимыя для богослуженія и для поученія въ вѣрѣ, на нарѣчіи, отличавшемся отъ его народнаго нарѣчія очень немногимъ» (стр. 98), и все-таки въ томъ же сочиненіи допускается существованіе въ древней Россіи двухъ отдѣльныхъ языковъ «собственно народнаго» и языка «книгъ и людей, образуемыхъ книгами» (стр. 96). Трудно согласить эти положенія. Если бы въ IX — X вѣкѣ между церковнославянскимъ и русскимъ языками существовала дѣйствительно такая поразительная близость, какую изображалъ здѣсь покойный академикъ, то нѣтъ сомнѣнія, при громадномъ вліяніи языка церковнаго на общественную и государственную жизнь древней Россіи, вмѣсто дѣйствительнаго дуализма развилось бы и образовалось скорѣе полное единство, одинъ языкъ не то литературный, не то народный. Существованіе же наоборотъ двухъ языковъ, вѣрно подмѣченное И. И. Срезневскимъ, свидѣтельствуетъ лишь о невѣрности посылокъ его. Слишкомъ большой, чуть ли не до полнаго единства доходившей близости между обоими языками не было, но не было и того идеальнаго единства русскаго языка, о которомъ думалъ И. И. Срезневскій. Напротивъ, существовали нарѣчія и говоры съ переходами другъ въ друга, иногда еле замѣтными, иногда довольно рѣзкими, въ особенности если сопоставить рядомъ противоположные концы. Что же касается быстраго распространенія церковнославянскаго языка у славянъ, конечно не у всѣхъ, какъ неточно выражался авторъ «Мыслей», — то причина этому заключалась вовсе не въ томъ, какъ онъ говоритъ, что проповѣдники «могли проповѣдывать на своемъ мѣстномъ нарѣчіи всюду куда ни заходили, оставаясь всюду совершенно понятными» (стр. 153), а въ различныхъ бытовыхъ и культурно-политическихъ условіяхъ; самъ же языкъ былъ только относительно близокъ и понятенъ, именно въ сравненіи съ окружавшими славянъ и навязывавшими имъ свое господство чужими языками:

нѣмецкимъ, латинскимъ и греческимъ. На счетъ совершеннаго пониманія всѣми и всюду не надо слишкомъ увлекаться и преувеличивать дѣйствительность.

И второе главное положеніе «Мыслей» объ исторіи русскаго языка въ настоящее время должно быть отвергнуто. Если не было полнаго единства русскаго языка въ X столѣтіи, если не было очень близкаго отношенія къ нему языка церковнаго, то нѣтъ разумной причины относить «образованіе книжнаго языка русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ» (стр. 155) только къ XIII — XIV вѣку. Невѣрно было бы говорить о XIV столѣтіи какъ той эпохѣ, въ которую впервые «элементъ народный уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ» (стр. 156); еще же менѣе позволительно было бы считать это позднее время — XIII — XIV вѣка — началомъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. Нѣсколько лѣтъ позже И. И. Срезневскій считалъ, правда, возможнымъ допустить болѣе раннее существованіе говоровъ, но не нарѣчій (Изв. V, 68), но и отъ этой оговорки вопросъ не выигрываетъ. Провести границу между говоромъ и нарѣчіемъ всегда было и будетъ очень трудно. Если считать нарѣчіе по отношенію къ говорамъ болѣе крупною единицею, обособленной множествомъ одинаковыхъ, но характерныхъ отступленій, то можно бы спросить, не будетъ ли слишкомъ рано постановить даже XIII — XIV вѣкъ какъ крайній предѣлъ для сложившагося будто бы уже окончательно полнаго различія между нарѣчіемъ великорусскимъ и малорусскимъ? Развѣ слѣдующіе вѣка, XV — XVII, протекли безслѣдно, не затронувъ больше этого отношенія? едва ли!

Послѣдователи И. И. Срезневскаго развивали его мысли далѣе. Самый выдающійся изъ нихъ, П. А. Лавровскій, коснувшись въ подробномъ изслѣдованіи языка сѣвернорусскихъ памятниковъ [1]), сдѣлалъ уже маленькую уступку: онъ призналъ

---

[1]) О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. С.-Пбгъ 1852.

существованіе новгородскихъ особенностей древнерусскаго языка уже задолго до XIV столѣтія. Такимъ образомъ теоріи о первоначальномъ единствѣ нанесенъ первый ударъ. Разнообразіе въ иныхъ чертахъ языка стали допускать по крайней мѣрѣ по отношенію къ сѣверу, но все еще указывали какъ на фактъ не подлежащій сомнѣнію, что до XIV столѣтія въ письменныхъ памятникахъ «не обнаруживается того раздѣленія на два нарѣчія, великорусское и малорусское, какое мы встрѣчаемъ впослѣдствіи и въ настоящее время». Само собою наблюденіе это вѣрно: до XIV столѣтія дѣйствительно не было, да и въ XIV столѣтіи еще не могло быть въ языкѣ древнерусской письменности того различія, какое выходитъ наружу въ позднѣйшее время, но оттуда выведено совсѣмъ невѣрное заключеніе, что вообще никакого различія не было. При этомъ умозаключеніи упущены изъ виду слѣдующія обстоятельства: вопервыхъ, отыскивая слѣды русскаго языка, чѣмъ дальше пробираемся въ старину, тѣмъ слабѣе замѣтно въ памятникахъ древнерусской письменности присутствіе и участіе элемента народнаго; въ особенности же на югѣ Россіи, гдѣ духовное просвѣщеніе поддерживало болѣе тѣсныя сношенія съ Константинополемъ и южными славянами, господство чистаго церковнаго языка продолжало быть сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ, завязавшемъ очень рано сношенія съ западнымъ иноземствомъ. Вовторыхъ, вслѣдствіе тяжелой судьбы, постигшей югъ Россіи, число южнорусскихъ памятниковъ, сохранившихся, несравненно меньше чѣмъ сѣвернорусскихъ, да и тѣ памятники, о южнорусскомъ происхожденіи которыхъ можно догадываться, по большей части сохранились въ спискахъ, не то передѣлкахъ, неюжныхъ. Наконецъ въ то время, когда вопросъ о старобытности русскихъ нарѣчій выступилъ впервые въ русской литературѣ какъ предметъ достойный серьезнаго изслѣдованія, памятниковъ древней письменности было издано еще очень не много, да и то ограниченное число не было подвергнуто тщательному анализу; въ особенности же относительно южно- или малорусскаго нарѣчія не была сдѣлана хоть бы такая попытка

историческаго анализа, какая по отношенію къ сѣверу представлена въ сочиненіи П. Лавровскаго.

При такихъ условіяхъ извѣстная полемика пятидесятыхъ годовъ—между Погодинымъ и Максимовичемъ—оказалась нѣсколько преждевременною; она не выяснила спорнáго вопроса, потому что вращалась на почвѣ не филологическихъ аргументовъ, а личныхъ впечатлѣній. Однакожъ и этотъ споръ имѣлъ свою хорошую сторону: онъ указалъ на пробѣлы въ свѣдѣніяхъ какъ по исторіи языка, такъ и по отношенію къ живымъ нарѣчіямъ. Въ то время этнографическое изслѣдованіе западныхъ окраинъ Россіи доставило уже довольно богатый и для діалектологіи очень важный матеріалъ, научная разрáботка котораго была на очереди. Съ другой же стороны явился Вл. Даль со своимъ словаремъ, со своею характеристикою живыхъ нарѣчій или говоровъ великорусскихъ. Заслуги Даля оцѣнены по достоинству со стороны нашей академіи, по этому теперь уже не повредитъ его памяти откровенное признаніе, что нерасположеніе въ немъ этнографа къ филологу и грамматику не было въ прокъ его изслѣдованіямъ по великорусскимъ говорамъ. Вотъ какъ онъ самъ отозвался о себѣ въ сравненіи съ Максимовичемъ: «онъ (Максимовичъ) владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила; у меня данныхъ много, есть замѣтки и образцы нарѣчій почти всѣхъ уѣздовъ, не только каждой губерніи; я рѣдко затрудняюсь узнать по говору родину крестьянина, не только по четыремъ главнымъ нарѣчіямъ, но и нѣсколько ближе или точнѣе, *но я не сумѣю привести примѣтъ этихъ подъ общія грамматическія правила*».

Чего недоставало Далю, по его собственному признанію, тѣмъ въ высокой степени владѣлъ глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и выдающійся діалектологъ, профессоръ А. А. Потебня. Его статьи «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (1866) и «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» (1871) представляютъ собою поворотъ къ чисто научному направленію

въ изслѣдованіяхъ діалектологическихъ. По его стопамъ шелъ также незабвенный труженикъ въ этой области М. Колосовъ. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ, вышедшемъ лѣтъ десять тому назадъ, онъ подвелъ итоги своимъ и чужимъ діалектологическимъ разысканіямъ въ очень полезномъ сочиненіи: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» (Варшава, 1878). Но Колосовъ сдѣлалъ уже раньше шагъ впередъ также по исторіи русскаго языка. На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ ему изданіями Востокова, Срезневскаго, Буслаева и другихъ, онъ составилъ въ 1872 году «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка». Эту небольшую книжечку можно назвать первымъ опытомъ, сдѣланнымъ въ мало изслѣдованной области, въ исторической грамматикѣ русскаго языка, такъ какъ изданное уже раньше сочиненіе Ѳ. И. Буслаева (историческая грамматика) касалась болѣе церковнославянскаго языка на почвѣ русской, чѣмъ древнерусскаго, затрогивала болѣе особенности нынѣшнихъ народныхъ говоровъ, чѣмъ проявленіе ихъ же въ древнерусскихъ памятникахъ. Колосовъ взялся за дѣло съ очень скромными средствами. Не располагая другимъ запасомъ кромѣ того, что было издано, не имѣя возможности восполнить пробѣлы или хоть бы провѣрить то, что возбуждало сомнѣніе, по подлинникамъ, хранящимся въ богатыхъ собраніяхъ рукописей, въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ сдѣлалъ все-таки очень много, исполнилъ свою скромную задачу очень добросовѣстно. Онъ изобразилъ въ своемъ сочиненіи не исторію русскаго языка съ XI по XV вѣкъ — такъ далеко его желанія не простирались — а только главныя особенности въ звукахъ и формахъ того языка, который, судя по памятникамъ, былъ употребляемъ въ древнерусской письменности съ XI по XV вѣкъ. Выводы изслѣдованія сгруппированы, довольно механически, по столѣтіямъ, и при немногочисленности и неполнотѣ источниковъ не отличались конечно полнотою. Все содержаніе книжки производитъ впечатлѣніе отрывочности, нуждающейся въ поправкахъ и дополненіяхъ. Но этого мало. Въ сочиненіи Колосова кромѣ того не принято

въ расчетъ нѣсколько важныхъ вопросовъ, которые въ настоящей исторіи языка никакъ не должны быть обойдены. Объ одномъ изъ нихъ самъ авторъ упомянулъ въ предисловіи къ своей книжкѣ (на стр. VIII), о времени раздѣленія русскаго языка на два главныя нарѣчія, о чемъ онъ отозвался нѣсколько самонадѣянно такъ: отвѣтить рѣшительно на этотъ вопросъ «мы не считаемъ возможнымъ со стороны кого бы то ни было». Допустимъ, что удачные отвѣты на столь сложные вопросы даются дѣйствительно не такъ легко, но это не избавляетъ изслѣдователя отъ обязанности войти въ обсужденіе вопроса: попытками, хоть бы не сразу достигающими цѣли, прокладывается мало по малу дорога къ раскрытію истины. Впрочемъ это не единственный вопросъ, отъ обсужденія котораго уклонился Колосовъ. Еще важнѣе, пожалуй, то, что у него источники, по которымъ дѣлается характеристика языка, не распредѣлены по мѣсту происхожденія; нужды нѣтъ, точно ли оно извѣстно или же опредѣляется только гадательно. Много неточностей прокрадывается такимъ образомъ въ выводы. Наблюденія надъ памятниками ведутся абсолютно и безусловно, добытые результаты распространяются на всю область русскаго языка, какъ будто бы всѣ особенности, отмѣченныя въ томъ или другомъ памятникѣ, непремѣнно выражали качества общія всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ русскаго языка. По моему это самый существенный недостатокъ сочиненія Колосова. Онъ намъ показываетъ, въ какомъ состояніи находилась исторія русскаго языка въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области должны были двигаться не въ одномъ только направленіи: желательно было не только прибавленіе новыхъ матеріаловъ (изданія текстовъ, разборовъ отдѣльныхъ памятниковъ), но также болѣе обдуманное примѣненіе ихъ къ стоящимъ на очереди вопросамъ. Исторіи русскаго языка предстояла задача съ подобающею осторожностью вникнуть глубже въ вопросъ объ отношеніи языка письменныхъ памятниковъ къ языку живому народа своего времени, съ точ-

нымъ по возможности опредѣленіемъ той области русской земли, изъ которой тотъ или другой памятникъ, та или другая группа ихъ вышла, и тѣхъ чертъ или особенностей, которыя, судя по памятникамъ, каждой отдѣльной области свойственны. Эта нелегкая задача выпала на долю новѣйшихъ изслѣдованій, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ труды профессора А. И. Соболевскаго, къ оцѣнкѣ которыхъ я теперь и приступаю.

I.

Уже первый трудъ молодого ученаго «Изслѣдованія въ области русской грамматики» (Варшава, 1881) отличался нѣкоторыми достоинствами, которыя сразу обратили на него вниманіе критики: обширное знакомство съ памятниками древнерусской письменности, богатая сообразительность, хотя въ то же время и нѣкоторая смѣлость въ попыткахъ объясненія разныхъ сторонъ русской грамматики, которыхъ нельзя всегда назвать удачными, — смѣлость извинительная усердіемъ или увлеченіемъ молодости. Хотя далеко не со всѣмъ можно было согласиться, что тутъ предложено авторомъ — отъ иныхъ объясненій, должно быть, онъ и самъ уже отказался, — но нѣкоторыя части труда явились дѣйствительно новымъ вкладомъ, внесеннымъ въ будущую историческую грамматику русскаго языка. Напр. разборъ окончанія род. пад. един. ч. ж. рода на *ѣ*, и такихъ же окончаній имен. и вин. падежей мн. ч., если и не можетъ имѣть притязанія на окончательное рѣшеніе этого вопроса, все-же впервые вывелъ эти окончанія изъ тьмы забвенія.

Гораздо важнѣе былъ слѣдующій трудъ А. И. Соболевскаго: «Очерки изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884). Я

позволю себѣ на этомъ сочиненіи нѣсколько подробнѣе остановиться, отчасти потому, что считаю его главнымъ трудомъ автора и дѣйствительнымъ обогащеніемъ нашихъ свѣдѣній по исторіи русскаго языка, отчасти же и потому, что съ нѣкоторыми выводами я несогласенъ, а такъ какъ они безъ существеннаго измѣненія вошли и въ новѣйшее сочиненіе автора, о которомъ рѣчь впереди, то кстати будетъ подвергнуть ихъ разбору здѣсь по поводу сочиненія, въ которомъ они впервые высказаны. «Очерки» А. И. Соболевскаго задались похвальною цѣлью внести въ хаотическую массу памятниковъ древнерусской письменности, описанныхъ и неописанныхъ, нѣкоторый порядокъ, провести извѣстную сортировку ихъ, и на основаніи этого выдѣлить нѣсколько типовъ. Попытки подобнаго рода были уже раньше его сдѣланы другими. Какъ извѣстно, типъ новгородскій давно уже опредѣленъ П. Лавровскимъ. Указанія на типъ южнорусскій имѣются въ изслѣдованіяхъ Буслаева, Потебни, Житецкаго. Въ особенности же важною я считаю статью Ал. Шахматова, напечатанную въ моемъ «Архивѣ»[1]), гдѣ впервые затронутъ вопросъ о примѣненіи примѣтъ древнерусскихъ памятниковъ къ опредѣленію древнерусскихъ нарѣчій и объ отношеніи отдѣльныхъ памятниковъ къ этимъ примѣтамъ. На одну не мало важную примѣту, переходъ окончанія *тъ* въ *ти*, здѣсь даже впервые указано какъ на признакъ южнаго происхожденія памятника. Итакъ желаніе осмыслить различныя данныя древнерусскихъ рукописей, привязавъ ихъ къ почвѣ русскихъ нарѣчій, замѣтно уже раньше появленія «Очерковъ». Несмотря на все то, сочиненіе профессора Соболевскаго сдѣлало значительный шагъ впередъ, оно расширило рамку наблюденій, внесло новыя примѣты въ характеристику древнерусскихъ памятниковъ, освѣтило историческій фонъ удачнымъ сопоставленіемъ древнерусскаго употребленія буквы *ѣ* съ нѣкоторыми звуковыми особенностями нынѣшняго малорус-

---

[1]) Archiv für slavische Philologie B. VII «Beiträge zur russischen Grammatik» von Al. Schachmatoff, стр. 57—77.

скаго нарѣчія. Изучивъ около пятнадцати рукописей, отчасти доселѣ мало извѣстныхъ, сопоставивъ ихъ и открывъ въ нихъ много общаго въ пріемахъ правописанія по отношенію къ звукамъ и формамъ, авторъ построилъ на этомъ основаніи типъ «галицко-волынскаго» нарѣчія XII—XIV вѣковъ. Вотъ результатъ добытый имъ въ первой части «Очерковъ». Но я считаю только часть этого результата не подлежащею возраженіямъ. Только тамъ, гдѣ рядомъ съ особеннымъ употребленіемъ буквы *ѣ* вм. *е*, напоминающимъ случаи нынѣшняго малорусскаго *і* (изъ протяжнаго *е*), имѣются еще другія замѣчательныя особенности, какъ напр. замѣна начальнаго *въ* чрезъ *у* и наоборотъ, замѣна сочетанія *жд* черезъ *жч*, переходъ окончанія *ть* передъ *и* въ *ти* —въ этакомъ случаѣ нѣтъ повидимому причины сомнѣваться въ томъ, что тѣ памятники дѣйствительно принадлежатъ не только къ одной и той же группѣ, а также стояли подъ вліяніемъ одного и того же древнерусскаго нарѣчія. Придерживаясь начала a potiori fit denominatio, можно согласиться съ авторомъ и въ выбранномъ имъ названіи для этого нарѣчія: пусть оно будетъ «галицко-волынское», такъ какъ иныя рукописи этой группы несомнѣнно указываютъ на предѣлы Галиціи и Волыни какъ на мѣсто ихъ происхожденія. Но гдѣ нѣтъ всѣхъ выше приведенныхъ примѣтъ, а есть только одно особенное употребленіе *ѣ* вм. *е* (какъ напр. въ Добриловомъ евангеліи или въ Хутынскомъ служебникѣ), тамъ принадлежность памятника къ галицко-волынской области подлежитъ для меня еще большому сомнѣнію. Не хочу утверждать, что эти памятники сѣверные — отсутствіе въ нихъ главнѣйшей новгородской примѣты, смѣшенія *ц* съ *ч*, рядомъ съ одною положительною чертою, отзывающеюся чѣмъ-то южнорусскимъ, не допускаетъ считать ихъ новгородскими — но въ то же время не могу согласиться съ мнѣніемъ, что всѣ эти памятники, и знающіе не только *ѣ* вм. *е*, но также еще *в* вм. *у*, *жч* вм. *жд*, *ти* вм. *ть*, и не знающіе послѣднихъ замѣнъ, представляютъ одинъ и тотъ же типъ «галицко-волынскій». Мнѣ кажется необходимымъ въ этой постановкѣ сдѣлать маленькую по-

правку. Надо будетъ или замѣнить названіе «галицко-волынскій типъ» болѣе широкимъ терминомъ «южнорусскій типъ», или же изъ «галицко-волынскаго типа» нѣкоторые памятники выдѣлить и постановить для нихъ особую группу. Прошу только сопоставить особенности волынскаго Ефрема Сирина или Вѣнскаго октоиха съ Хутынскимъ служебникомъ или хоть бы съ Добриловымъ евангеліемъ; врядъ ли можно допустить, что всѣ эти памятники произведеніе одной школы; трудно также повѣрить, что въ нихъ отразилось вліяніе той же мѣстности, того же народнаго элемента. Конечно правильности нашихъ выводовъ сильно мѣшаетъ важный въ исторіи русскаго языка факторъ — случайность. Надо вѣдь допустить, что признаки народныхъ нарѣчій въ иныхъ памятникахъ случайно совсѣмъ отсутствуютъ, въ другихъ же ихъ очень мало присущихъ, въ третьихъ довольно много. О каждомъ отдѣльномъ памятникѣ надо бы, такъ сказать, предварительно рѣшить вопросъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ: къ разряду ли памятниковъ строго сохраняющихъ книжное преданіе или же къ памятникамъ по отношенію къ церковному языку невнимательнымъ, уступающимъ много мѣста вліянію живого народнаго нарѣчія. Отъ этого общаго характера памятника существенно зависитъ сила аргументовъ, почерпаемыхъ изъ него. Такъ напр. зная, что Остромирово евангеліе памятникъ новгородскій, хотя въ немъ нѣтъ ни одного случая самой главной примѣты новгородскаго нарѣчія, смѣшенія *ц* съ *ч*, я никакъ не могу раздѣлять мнѣніе тѣхъ, кто хочетъ Мстиславово или Юрьевское евангеліе непремѣнно сдѣлать южнымъ, на основаніи только отсутствія той же примѣты. Оба памятника представляютъ собою тщательное сохраненіе церковнославянскихъ пріемовъ правописанія; поэтому не удивительно, что въ нихъ нѣтъ чертъ діалектическихъ, нѣтъ сѣверныхъ, но нѣтъ и южныхъ. Я говорю такъ, насколько можно судить по отрывкамъ этихъ не вполнѣ еще изданныхъ памятниковъ. Другое дѣло такой памятникъ какъ Добрилово евангеліе. Оно очевидно не стѣснялось дѣлать большія уступки живому нарѣчію. И вотъ въ немъ все-таки нѣтъ или почти нѣтъ ни

одного примѣра смѣшенія *в* съ *у*, нѣтъ *жч* вм. *жд*, — двухъ очень выдающихся чертъ «галицко-волынскаго» типа. Какъ это понимать? Можно конечно и здѣсь прибѣгнуть къ прежнему аргументу — случайности, но при такомъ «развязномъ» памятникѣ не совсѣмъ удобно ссылаться на случайность; лучше будетъ, я полагаю, выводить изъ него такое заключеніе, что отсутствіе въ немъ примѣровъ для замѣны *в* черезъ *у* и наоборотъ, или замѣны *жд* черезъ *жч*, свидѣтельствуетъ лишь о особенномъ характерѣ народнаго говора, вліявшаго на этотъ памятникъ; тотъ же не могъ отпечатлѣться на памятникѣ тѣмъ, чего въ немъ не было, т. е. повидимому не было перехода *в* въ *у*, и вѣроятно не было также *жч* вм. *жд*, хотя насчетъ этой послѣдней примѣты я еще нѣсколько колеблюсь, не допустить ли ее все-таки нѣсколько дальше на юговостокъ, т. е. въ область Кіевскую. Кажется, что такихъ памятниковъ въ древнерусской письменности существовало не малое число. Къ нимъ я причисляю Изборникъ Святослава 1073 г. — по крайней мѣрѣ ради перехода *ть* въ *ти*; — сборникъ Успенскаго собора — тоже ради *ти* вм. *ть*; — сборникъ Вяземскаго, въ которомъ житіе св. Савы, —ради *ѣ* вм. *е*, *ти* изъ *ть*; — служебникъ Хутынскій, Типографское евангеліе № 7, Прологъ Погодинскій № 60, Ирмолой Погодинскій № 55, и т. д. Куда намъ помѣстить подобные памятники? Въ группу галицко-волынскую по видимому такъ же мало, какъ въ новгородскую. Такъ какъ эти памятники все-таки ближе примыкаютъ къ галицко-волынскимъ, чѣмъ къ новгородскимъ, обнаруживая то *и* вм. *ѣ*, то южнорусское употребленіе *ѣ* вм. *е*, то *ти* вм. *ть*, изрѣдка даже *жч* вм. *жд*, то я не прочь видѣть въ нихъ типъ кіевскій, т. е. южнорусскій восточный говоръ, соприкасавшійся кое въ чемъ уже съ центральнымъ великорусскимъ, къ которому здѣсь находился естественный переходъ. Такимъ образомъ мы избѣгаемъ фальшивое положеніе, въ которомъ должны очутиться тѣ, кто толкуетъ о нарѣчіи Галиціи и Волыни и при этомъ молчаніемъ обходитъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ находящійся Кіевъ.

Профессоръ Соболевскій говоритъ о своихъ пятнадцати рукописяхъ: «ни одна изъ описанныхъ нами выше рукописей не имѣетъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ ближайшимъ къ Кіеву мѣстамъ». Едва ли это такъ. Нѣтъ, конечно, прямого указанія на Кіевъ, но не о всѣхъ можно утверждать также противоположное, т. е. что онѣ уже непремѣнно некіевскія. Выходитъ такъ, что приблизительно двѣ трети его матеріала или источниковъ несомнѣнно рукописи галицко-волынскія, послѣдняя же треть (Добрилово евангеліе, Типографское евангеліе № 7, Ирмолой В. И. Григоровича, Хутынскій служебникъ, Часословъ XIV вѣка), не раздѣляющая всѣхъ особенностей «галицко-волынскаго» типа, по моему представляетъ особенную южнорусскую отрасль, которую я такъ и назову восточной или кіевской, имѣя въ виду естественное отношеніе этихъ рукописей съ одной стороны къ древнѣйшимъ кіевскимъ памятникамъ (Изборнику Святослава 1073 г.), съ другой къ вышеупомянутымъ галицко-волынскимъ. Профессоръ Соболевскій отстаиваетъ свой взглядъ указаніемъ на то обстоятельство, что памятники XII—XV вѣковъ, которые съ большею или меньшею достовѣрностью могутъ быть признаваемы за писанные въ Кіевѣ, не имѣютъ въ своемъ правописаніи главной изъ особенностей, отмѣченныхъ въ Добриловомъ евангеліи и проч.— систематическаго употребленія *ѣ* вм. *е*. Противъ этого аргумента можно возразить вопервыхъ то, что памятниковъ навѣрно писанныхъ въ Кіевѣ мѣстными жителями мы почти не знаемъ. Этого мнѣнія и самъ авторъ, смягчившій въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи (на стр. 15) рѣзкость прежнихъ выраженій, относительно кіевскихъ старинъ, въ слѣдующее изреченіе: «достовѣрные памятники кіевскаго говора имѣются только за XI-й и отчасти за XII-й вѣкъ; далѣе мы почти теряемъ слѣды этого говора». Мнѣ же кажется, что мы снова откроемъ потерянный слѣдъ кіевской старины, какъ скоро повнимательнѣе всмотримся въ такъ названную «галицко-волынскую» группу и выдѣлимъ изъ нея то, что туда не идетъ. Вовторыхъ же спрашивается, вправѣ ли мы придавать такое исключительное значеніе особенному «системати-

ческому» употребленію *ѣ* вм. *е*, что «галицко-волынскій» типъ безъ него и немыслимъ? Если считать галицкое евангеліе 1144 г. памятникомъ «галицко-волынскимъ», въ чемъ трудно сомнѣваться (см. мои соображенія въ «Четырехъ статьяхъ» на стр. 85—98), то видно въ немъ постепенное развитіе типа, не обнаружившаго сразу всѣ признаки, между прочимъ и замѣна *е* черезъ *ѣ* тутъ еще не существуетъ. Точно такъ было бы, какъ мнѣ кажется, преждевременно теперь уже, пока еще исторія русскаго языка очень мало разработана, отрицать существованіе «систематическаго» употребленія *ѣ* вм. *е* въ памятникахъ кіевскихъ, по той только причинѣ, что этого нѣтъ въ изборникѣ 1073 года. Чего не было въ концѣ XI столѣтія, могло существовать въ концѣ XII-го. Съ этими знаменательными признаками вообще большая бѣда. Вопервыхъ ихъ пока отыскано очень немного, — не всѣми воспользовался даже профессоръ Соболевскій, напр. онъ не обратилъ вниманія на форму «скербь» — примѣту южнорусскаго памятника; — вовторыхъ же они не выступаютъ послѣдовательно, то нѣтъ одного, то нѣтъ другого, то преобладаетъ одинъ, то другой, однимъ словомъ — они сбиваютъ насъ съ толку. Смотря по тому, которому изъ нихъ дать предпочтеніе, воззрѣнія наши по неволѣ расходятся. У автора «Очерковъ» на первомъ планѣ конечно выдвинутое имъ особенное, скажемъ южнорусское, употребленіе буквы *ѣ*; поэтому онъ не много заботится о томъ, что памятники, подогнанные имъ подъ одну мѣрку, не совпадаютъ относительно нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ; въ угоду своему *ѣ* онъ предпочелъ лучше исключить изъ своего канона галицкое евангеліе 1144 года, чѣмъ нарушить стройность системы. Кто наоборотъ придаетъ значеніе такимъ признакамъ, какъ смѣшеніе начальнаго *в* съ *у*, какъ замѣна *жд* черезъ *жч*, и только рядомъ съ этимъ также употребленію *ѣ* — для того вопросъ становится иначе. Я напр., не отрицая важности примѣты, выдвинутой профессоромъ Соболевскимъ, нахожу все-таки очень знаменательнымъ также смѣшеніе *в* съ *у*. Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отсутствіе этой черты въ такихъ рукописяхъ, которыя знаютъ

«южнорусское» *ѣ*, которыя знаютъ *жч* и *ти* (вм. *тъ*), обозначало что другое, какъ вѣрное отраженіе особенности говора, не знавшаго этой черты. Я согласенъ съ Соболевскимъ, когда онъ на стр. 88 своего новѣйшаго сочиненія говоритъ, что «въ древнихъ памятникахъ кіевскихъ *у* изъ *в* нѣтъ»; по крайней мѣрѣ и мнѣ кажется, что этотъ переходъ въ Кіевскихъ памятникахъ стараго типа не былъ распространенъ. Но какъ разъ это соображеніе заставляетъ меня думать, что памятники, располагающіе впрочемъ всѣми чертами «галицко-волынскаго» типа (употреблю терминъ «Очерковъ»), не смѣшивающіе же *в* съ *у* — должны быть вынуты изъ «галицко-волынской» среды, и перенесены на почву другую, сосѣдственную, ближе къ тому типу русскаго языка, который не зналъ и не знаетъ этой смѣны, стало быть дальше на востокъ — въ землю Кіевскую и Черниговскую древней Россіи. Чѣмъ дальше я изучаю памятники, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что это такъ. Вотъ напр. въ скоромъ времени предстоитъ изданіе замѣчательнаго памятника древнерусской письменности подъ редакціею профессора И. В. Помяловскаго. Благодаря его любезности, я могъ уже познакомиться съ большею частью текста этого памятника и засвидѣтельствовать фактъ, что «Житіе св. Савы», въ рукописи пергаменной, принадлежавшей прежде князьямъ Вяземскимъ и подаренной покойнымъ княземъ Павломъ Петровичемъ Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности, заключаетъ въ себѣ текстъ южнорусскаго извода, со всѣми прочими особенностями «галицко-волынскаго типа», только безъ смѣшенія *у* съ *в*. Тутъ имѣется большое число примѣровъ «южнорусскаго *ѣ* (напр. камѣнию 125. 177. 501, корѣнию 37. 59. 87. 177, весѣлию 231. 385, много другихъ существительныхъ на -ѣние: гонѣние, молѣние, извѣщѣние, смѧтѣние, срѣтѣние, хоулѣние, послоужѣние, осоужѣния, наслажѣния, исъшѣние, знамѣние, ѩвлѣние, поклонѣние, погыбѣние, оуклонѣние, приложѣние, падѣние, оуспѣние, и т. д.; потомъ: вѣльблоудъ 461—463, зѣмныхъ 73, зѣмное 209, зѣлие 237, сѣдьло 235, осѣдьлати 127, срѣбро

289. 387. 453, **трѣтьѭ** 463, **трѣтиѥмоу** 419; **словѣсную** 3, **камѣньноѥ** 51, **сѣвѣрьнѣи** 83, **сѣвѣрьскъıи** 75. 195, **сѣлнаꙗ** 345, **насѣльникъ** 183. 267. 289. 329. 333, **защититѣль** 511, **слоужитѣль** 425, **свидѣтѣльствоуюуть** 491, **мѧтѣжь** 327. 331, **дъщѣрь** 365; **нѣмь** 11. 47. 49 и т. д., **нѣи** 27. 67. 85. 119. 151. 229 и т. д., **сѣмь** 77. 99. 131. 135 и т. д., **сѣи** 325. 327. 333 и т. д., **всѣи** 485, **чѣмь** 89, **нашѣмь** 5. 101. 251. 277 и т. д., **нашѣи** 267; часто **нѣ**); имѣется также жч (изрѣдка): **побѣжченоу** 41, **дъжча** 345, **одъжчивъ** 409, **бездожьчьıѥмь** 375. 378 (но также **дождь** 383, **дъждю** 465, **бездождию** 345), **ижченѧхѹ** 499, **ижченоуть** 311, **ражчегъсѧ** 311; встрѣчается ти (вм. ть): **дондеже обавити и б҃ъ** 169, **да поустити и** 239, **изѣсти и** 259, **молѧхоути и** 391; а также ы - и: **да бы поꙗлы и съ собою** 91; попадается характерная форма слова **скербь**: **скербемъ** 145. 507, **скербѧщема** 45, и несомнѣнно южное **ꙗблыко** 19. 25. Всѣ эти примѣты слишкомъ громко говорятъ, что текстъ писанъ на югѣ Россіи, но смѣшенія в съ у въ немъ мнѣ не встрѣтилось, за исключеніемъ примѣра **оупрашаше ѥго** 381 (и въ галицкомъ ев. 1444 года только этотъ примѣръ и есть, сл. Чет. стат. 88). Не указываетъ ли эта отрицательная черта памятника на другую среду его происхожденія, чѣмъ та, которая повліяла напр. на нынѣшній списокъ кіевской и волынской лѣтописи слѣдующими примѣрами: **у сь лѣто** (возлѣ: **к се лѣто**), **у своꙗ си** (возлѣ: **въ своꙗ си**), **не въспѣша** вм. **не успѣша**, **владивъ**, **владившисѧ**, возлѣ: **уладити**, и т. д.

Кромѣ «галицко-волынскаго» типа авторъ «Очерковъ» попытался еще уловить черты нарѣчія или говора Псковской области. Онъ подобралъ до десяти памятниковъ, принадлежащихъ этой области. Потомъ недавно сдѣлана имъ же попытка опредѣлить смоленско-полоцкій говоръ. Какъ бы ни неполными выходили первыя попытки подобнаго рода, мы принимаемъ ихъ съ радостью. Надо вѣдь наконецъ приступить къ дѣлу серьезно. Конечно и кой-кто другой занимался подобными вопросами уже раньше — укажу на свои лекціи, — но всѣ мы охотно уступаемъ автору

«Очерковъ» ту заслугу, что онъ смѣло рѣшился поставить эти вопросы въ филологической литературѣ на очередь, не испугавшись незаконченности своихъ наблюденій.

II.

Новѣйшій трудъ профессора А. И. Соболевскаго, представленный имъ на премію, касается тѣхъ же вопросовъ. Онъ озаглавленъ: «Лекціи по исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1888); его значеніе, въ сравненіи съ предыдущими, не столько чисто научное, сколько дидактическое. Это курсъ университетскаго преподаванія, въ который сообразно съ уровнемъ слушателей попало кое-что элементарное рядомъ съ подробностями очень спеціальными. Это еще не «исторія», и также не «историческая грамматика» русскаго языка, а нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. Въ изложеніи предмета руководящею нитью послужилъ порядокъ, указанный грамматикою. Послѣ общаго введенія и перечня источниковъ излагаются то звуковыя, то формальныя особенности древнерусскаго языка. Обѣимъ частямъ (звукамъ и формамъ) предпослана общая характеристика языка русскаго въ средѣ славянскихъ нарѣчій, а также краткій очеркъ древнерусскихъ говоровъ. Съ этой очень незамысловатой системою изложенія я вполнѣ согласенъ, такъ какъ и самъ придерживался ея въ своихъ лекціяхъ въ послѣднее время, между тѣмъ какъ прежде, подражая Колосову, я излагалъ предметъ хронологически, но потомъ убѣдился, что удобнѣе такъ, оставаясь въ рамкѣ грамматики. Я долженъ только замѣтить, что у меня общая характеристика русскаго языка нарисована нѣсколько иначе. Мнѣ казалось, да и теперь еще кажется необходимымъ, приступая къ

исторіи русскаго языка, опредѣлить прежде всего, что̀ такое русскій языкъ. А для этого хочется выставить на первый планъ все то, что этому языку даетъ отпечатокъ органическаго цѣлаго и что обособляетъ его по отношенію къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Поэтому тѣ черты русскаго языка, которыя онъ раздѣляетъ съ нѣкоторыми другими славянскими нарѣчіями, напр. потеря носовыхъ гласныхъ, отсутствіе *д* передъ *л*, *н*, мягкое *л* послѣ губныхъ вм. *j* — по моему не могутъ для него имѣть такое значеніе, какъ то, что ему исключительно свойственно, напр. русское полногласіе или замѣна сочетанія *dj* черезъ *ж*. И у профессора Соболевскаго выступали бы «главныя звуковыя особенности» русскаго языка гораздо рельефнѣе, если бы онъ началъ изложеніе именно съ тѣхъ исключительныхъ чертъ русскаго языка, значитъ съ полногласія, съ перехода ъ — ь въ *о* — *е*, ѧ — ѫ въ *я* — *у*, *dj* — *tj* въ *ж* — *ч*, и т. д. Напирать на совокупность отличительныхъ чертъ русскаго языка тѣмъ важнѣе, что дѣйствительно еще до сихъ поръ въ различныхъ сочиненіяхъ высказываются сбивчивыя воззрѣнія на взаимныя отношенія русскихъ нарѣчій между собою и къ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Такими приговорами, какъ «эти лица дѣлаютъ крупную ошибку» (стр. 2), ошибочныя мнѣнія не исправляются, въ особенности когда они опираются на авторитетъ лицъ громкой извѣстности въ славянской наукѣ. Надо было показать, что даже наиболѣе удаленные другъ отъ друга говоры или нарѣчія русскія по научной классификаціи представляютъ цѣлый рядъ характерныхъ чертъ, общихъ всѣмъ нарѣчіямъ этого языка, въ различіе отъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій или языковъ. Авторъ замѣчаетъ справедливо, что «первое полногласіе въ главной части своихъ явленій свойственно исключительно русскому языку и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ его особенностей» (стр. 26), но почему онъ самъ умаляетъ значеніе этой «самой важной» особенности, излагая ее только надъ пятымъ пунктомъ? Нужно ли нарочно прибавить, что при всѣхъ чертахъ единства русскаго языка, выводимыхъ научной классификаціею, все-же

остается большой просторъ и для различій, совокупность которыхъ можетъ тому или другому нарѣчію придать особое значеніе. Научное изложеніе такого нарѣчія рядомъ съ другимъ, выдвинутымъ исторической судьбою въ общій литературный языкъ, обусловлено потребностями практическаго свойства. Нѣтъ причины удивляться, еще же менѣе быть недовольнымъ тѣмъ, что въ сравнительной грамматикѣ Миклошича возлѣ русскаго языка рядомъ излагается также малорусское нарѣчіе. Его отношеніе къ русскому языку этимъ не измѣняется, въ сравнительную грамматику оно попало несомнѣнно потому, что на западной окраинѣ русскаго народа та часть малороссовъ, которая живетъ въ предѣлахъ Галиціи, пользуется своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, какъ органомъ мѣстной литературы.

Выразивъ желаніе, чтобы авторъ при новомъ изданіи передѣлалъ эту главу своихъ лекцій, соотвѣтственно выше упомянутымъ замѣчаніямъ, укажу еще на нѣкоторыя объясненія, съ которыми не могу согласиться. На стр. 21 приведены исключенія будто бы изъ правила, по которому церковнославянскому жд (вм. *dj*) соотвѣтствуетъ *ж*: «досаждать, обиждать, прохлаждаться, пригождаться, урождай». Согласенъ, что эти формы не церковнославянскія, а народныя русскія; но для объясненія слѣдовало прибавить, что тутъ видна комбинаторная аналогія: изъ существующихъ рядомъ словъ: «обида, обидный, обидѣть» съ одной и «обижать» съ другой стороны народъ образовалъ комбинаторную форму «обиждать», и т. д. Къ формамъ прилагательныхъ на -ущій, -ящій, *щ* которыхъ авторъ хотѣлъ бы выводить изъ *stj*, укажу на соотвѣтствующую параллель чешскаго языка, гдѣ имѣются многочисленныя прилагательныя на -*úcí* (ср. статью Гебауера въ Filol. listy 1887. XIV. 360—372). Чешское окончаніе -*úcí* конечно не допускаетъ словопроизводства, предлагаемаго въ «лекціяхъ»; относительно предпочтенія церковнославянскаго щ передъ русскимъ *ч* можно сослаться на сербскія аналогіи, какъ: «лѐтӯштӣ нѐмӯштӣ», но настоящей причинѣ этого предпочтенія я не умѣю догадаться. Не вѣрится мнѣ также,

чтобы существующія въ русскомъ языкѣ формы «младъ, сладокъ, мразъ» или «время, трѣзвъ» и т. д. происхожденіемъ своимъ обязаны были какимъ либо другимъ факторамъ, помимо вліянія церковнославянскаго языка. Отдѣльные случаи съ *ло*, *ро* вм. *оло* — *оро* принадлежатъ западнорусскимъ говорамъ и вѣроятно полонизмы въ родѣ слова «строгъ», но въ формѣ «время» не вижу надобности искать польскаго сочетанія, такъ какъ здѣсь несравненно ближе вліяніе церковной формы. Прилагательное «плохъ» не совпадаетъ этимологически съ «полохъ», «плахъ», а «трѣба», «потрѣба» должно быть церковныя формы. Если слово «упрекъ» не различнаго происхожденія отъ «поперекъ», такъ оно осталось въ церковнославянской формѣ вслѣдствіе ствоего отвлеченнаго значенія.

Къ случаямъ «перваго полногласія» отнесены также русскія формы съ *о*: «лодья, ровный, розъ» и т. д. Едва ли это такъ. Гдѣ нѣтъ формы «олодья», не можетъ быть рѣчи о полногласіи; слово же «ровьнъ» уже потому не принадлежитъ сюда, что въ зендскомъ языкѣ существуетъ съ краткимъ *а* слово «ravan»: долина, равнина; тамъ же есть и ravanh, объясняющее наше «ровесьникъ». Гласная *о* менѣе нуждается здѣсь въ объясненіи, чѣмъ *а* формы церковной и южнославянской «равьнъ». Спрашивается, не на сторонѣ ли послѣднихъ нарѣчій здѣсь отступленіе отъ правильной вокализаціи, происшедшее подъ вліяніемъ перехода or, ol со согласною въ ra, la со согласною? Въ послѣднее время Миклошичъ не производитъ уже частички «раз» отъ «рѣзати», а отъ коренного «орз-», стало быть и здѣсь «роз-» болѣе оправдано, чѣмъ южнославянское «раз-». Для «роз-» можно бы по аналогіи съ «без-», «из-» довольствоваться корнемъ *er*, существующимъ въ литовскомъ глаголѣ ìrti, дальше ardýti, слав. «орити». У Соболевскаго не указана форма «розвѣ», встрѣчающаяся въ древнерусскихъ памятникахъ, напр. въ словѣ Ипполита о антихр. 19. 37.

Относительно примѣровъ какъ «молоко», при общеславянскомъ *мелко, надо было сослаться на извѣстную наклонность русскаго языка къ сочетанію ол (ъл), гдѣ этимологія предполагаетъ

el (ьл): «молоко» образовалось изъ meľko такимъ же движеніемъ вокализма, какимъ изъ vьlkъ вышло «вълкъ — волкъ». Напрасно Соболевскій говоритъ (на стр. 29), что здѣсь русскій языкъ «сохранилъ» ър, ъл; если бы о сохраненіи дѣло шло, то русскій языкъ долженъ бы произносить и писать «вьлкъ — велкъ». Такіе случаи, единичные, какъ «д о л о т о», не должны служить образцомъ для всѣхъ русскихъ словъ съ *оло*; здѣсь дѣйствительно и чешскій языкъ имѣетъ форму dláto и польскій dłóto, стало быть уже для общаго славянскаго надо предположить двойную форму deľto и doľto (при суффиксахъ -тъ, -то бываютъ такіе случаи, сл. «мостъ» при «метѫ», «тенето» и «тоното», «хоботъ» при «ошибь» и т. д.).

Не вижу надобности вносить въ «главныя звуковыя особенности» совокупнаго русскаго языка такъ называемое «второе полногласіе», значеніе котораго въ лекціяхъ сильно преувеличено. Не отрицая второго полногласія для нынѣшняго русскаго языка, какъ діалектической черты нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говоровъ, я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что въ древнерусской письменности всякое удвоеніе слабой гласной при слоговомъ р или л выражало звуковые оттѣнки. Если бы въ написаніи Остромирова евангелія «скъръбь» или «мълъвѧще» дѣйствительно отражалось произношеніе двухъ слабыхъ гласныхъ одинакого достоинства, скажемъ двухъ очень краткихъ, нѣсколько закрытыхъ о, то мы ожидали бы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ памятникахъ, положимъ въ тѣхъ, которые любятъ этотъ орѳографическій пріемъ, нѣкоторую послѣдовательность, чего уже никакъ нельзя сказать, такъ какъ одно и то же слово въ томъ же памятникѣ пишется и такъ и сякъ [1]). Потомъ же, съ конца XII сто-

---

[1]) Я указывалъ въ моихъ лекціяхъ на такіе факты, что въ одномъ и томъ же памятникѣ, при участіи различныхъ писцовъ, господствуютъ различные пріемы (для примѣра приведу изборникъ 1073 года, слова Григорія по списку Импер. публ. библіотеки XI в., Успенскій сборникъ XII в.). Кромѣ того я сравнивалъ памятники того же содержанія и той же мѣстности, гдѣ несмотря на все то видна въ пріемахъ разница сообразно съ личнымъ расположеніемъ писавшаго. Для примѣра я взялъ минею 1096 г. и минею праздничную Импер. публ. библ. XI—XII вѣка. Оба памятника — новгородской области, и все-таки

лѣтія, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ слабая гласная передъ плавною замѣнялась уже и въ письмѣ (въ устномъ произношеніи несомнѣнно гораздо раньше) гласною о или є, мы ожидали бы въ замѣнъ прежнихъ формъ «скърьвь», «мълъвѧщє» переходъ обѣихъ слабыхъ гласныхъ въ полныя, т. е. такія формы, какъ «скоровь», «моловѧщє». Такихъ формъ нѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, обусловленныхъ по большей части накопленіемъ согласныхъ въ слѣдующемъ слогѣ, такъ напр. при «чєрный», «чєрнєць» въ косвенныхъ падежахъ вм. «чєрнцѧ» встрѣчается и «чєрнєцѧ» и «чєрєнцѧ», при «торжокъ» въ косв. падежахъ возлѣ «торжкѧ», «торжку» также «торожкѧ», «торожку», при «волгѧ» возлѣ «поволжиє» также «поволожьє». Это «второе» полногласіе въ сущности совпадаетъ съ общею наклонностью облегчить слишкомъ сложныя сочетанія согласныхъ внесеніемъ гласной, какъ напр. «огонь» при «огнь», «огнѩ», «дологъ» при «долга», «остеръ» вм. остръ и т. д. Старый языкъ былъ въ этомъ отношеніи подвижнѣе и гибче нынѣшняго: при именит. «розчєтъ» въ старину говорилось «по розочту» (моск. грам. 1388. 1389).

Кто съ Соболевскимъ ищетъ слѣда второго полногласія въ мягкомъ произношеніи слова «верхъ» какъ «верьхъ», долженъ будетъ допустить, что и въ польскомъ языкѣ существовало когда-то полногласіе, потому что и тутъ до сихъ поръ произносится wierzch, такихъ же словъ прежде было еще больше.

Не могу похвалить автора «лекцій» за то упорство, съ какимъ онъ все-еще продолжаетъ отрицать знаменательность одной черты русскаго языка, допускаемую всѣми; я говорю о началь-

---

первый изъ нихъ пишетъ стълъпъ, кърьмило, кърьмьникоу, търъжство, немълъчьно, второй же: стълпъ, кърмило, кърмильникоу, тържьство, немълчьно; первый пишетъ: дьрьжитъ, ѡтвьрьгъша, мьрьтвьци, оумьрьщвенꙑ, отъвьрьзѣмъ, пьрькаго, второй же: дьржимъ, отъвьргъша, мьртвци, оумьрщвенꙑ, отъвьрзѣмъ, пьркаго и т. д. Наконецъ я обращалъ вниманіе на палеографическій пріемъ древнихъ памятниковъ, по которому прерывая слово и перенося часть его въ слѣдующую строку, любили въ концѣ предыдущей строки послѣ согласной ставить еще ъ или ь. Многіе примѣры такъ называемаго второго полногласія обязаны своимъ существованіемъ именно этой случайности.

номъ *о* въ иныхъ словахъ русскаго языка, взамѣнъ общеславянскаго ѥ. Не буду повторять того, что сказано мною уже давно въ «Архивѣ», гдѣ нарочно приведено нѣсколько примѣровъ съ начальнымъ *о* изъ другихъ славянскихъ нарѣчій: но что изъ этого слѣдуетъ? теряетъ ли отъ этого весь вопросъ значеніе для характеристики русскаго языка? Ни чуть не бывало. Если бы не было другихъ примѣровъ, а только слѣдующіе три: «одинъ», «озеро», «олень» при общеславянскихъ «єдинъ», «єзеро», «єлень» (є пусть обозначаетъ извѣстную долю мягкости, не доходившей еще до ѥ) — я думаю, и этого сопоставленія было бы достаточно для доказательства, что тутъ русскій языкъ расходится со всѣми остальными славянскими нарѣчіями, а больше намъ и не нужно. Параллели, приводимыя авторомъ теперь уже второй разъ изъ нѣкоторыхъ говоровъ греческаго языка, полезны, пожалуй, и могутъ пригодиться для освященія фактовъ русскаго языка, но ими нисколько не устраняется значеніе самого факта для русскаго языка. Не греческій же языкъ повліялъ на образованіе русскихъ формъ «одинъ», «озеро», «олень»! Что же касается личныхъ именъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, то не надо забывать, что въ южнославянскихъ памятникахъ только съ трудомъ можно подыскать тотъ или другой примѣръ съ начальнымъ о вм. є (есть же и наоборотъ съ ѥ вм. о), тогда какъ въ русскомъ языкѣ, въ особенности народномъ, такихъ словъ довольно много, причемъ замѣчательно вотъ что: судя по письменнымъ памятникамъ, «народныя» формы съ о попадаются не сразу, а мало по малу; потребовалось не мало времени, пока произошла передѣлка этихъ словъ на народный ладъ. Не отрицаю, что иныя формы греческихъ словъ у южныхъ славянъ сложились подъ вліяніемъ простонароднаго греческаго произношенія, но такихъ словъ вообще могло быть очень мало; для нашего же случая какъ разъ различіе между южнославянскимъ и русскимъ произношеніемъ тѣхъ же словъ доказываетъ, что русское начальное о вм. є (ѥ) обязано своимъ существованіемъ не грекамъ и не южнымъ славянамъ, а самому себѣ. Если

бы произношеніе подходящихъ сюда словъ съ начальнымъ о вм. є, заимствовано было отъ грековъ южными славянами, или хоть бы самими русскими, но сообразно съ произношеніемъ тѣхъ, оно непремѣнно должно бы развернуться съ полной силой уже на страницахъ древнѣйшихъ памятниковъ.

Ни малѣйшей убѣдительности не нахожу въ аргументаціи профессора Соболевскаго въ пользу существованія носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, въ то время, когда были заимствованы слова «варѧгъ», «кълбѧгъ», «соудъ», «оугринъ» (на стр. 20). Въ формахъ съ ѧ и оу я вижу только доказательство, что русскій языкъ вслѣдствіе своей чуткости, свойственной каждому языку въ раннія эпохи его, не могъ вынести сочетаній ing, ung, und, а замѣнилъ ихъ по своему — и больше ничего.

Очень коротенькою и мало содержательною вышла слѣдующая глава «о главныхъ звуковыхъ особенностяхъ древнерусскихъ говоровъ» (33 — 37). Читая эти нѣсколько страницъ, чувствуешь какъ все это еще шатко, неопредѣленно, какъ не далеко еще ушла наука въ этой области. Заботливость автора объ исторіи русскихъ нарѣчій заслуживаетъ полнаго признанія, только напрасно онъ ломаетъ себѣ голову даже о говорѣ «тмутороканской земли» (стр. 15)! Я не беру серьезно также попытку его упрочить слабые проблески прочихъ древнерусскихъ говоровъ за кой-какими племенами древней Руси, перечисляемыми въ первоначальной лѣтописи. Это сопоставленіе только своего рода игра въ Кривичи, Дреговичи, и т. д.

Примѣтъ діалектическаго значенія и безъ того очень мало, а указанія на попадающееся иногда смѣшеніе *в* съ *у* я все-таки не встрѣтилъ, какъ будто бы оно въ самомъ дѣлѣ ничего не доказывало! По отношенію къ говору «Полянъ» авторъ и здѣсь крайне молчаливъ, несговорчивъ. «Можно думать, говоритъ онъ, что этотъ говоръ имѣлъ изрѣдка замѣну ѣ черезъ и». Вотъ и все. Мнѣ же сдается, что какъ разъ замѣны ѣ черезъ и въ древнѣйшее время Кіевская земля еще не знала. Въ житіи св. Савы, о которомъ была рѣчь выше, гдѣ есть и «южно-

русское» ѣ и жч и ти (вм. ть), замѣны ѣ черезъ и еще нѣтъ, зато есть случаи, гдѣ ѣ передается черезъ е. Не придаю большого значенія формамъ, какъ «делеса» 47. 169, «делесъ» 101, «делесы» 27. 79. 99. 183, или «телесныи» 133. 145. «телесныимь» 137 — это могли быть не народныя формы, а церковнославянскія—но тутъ же мы читаемъ «старешимь» 43, «севера» 119, 431, «наместѣхъ» 365, «изеденъ» (вм. изѣденъ) 169, «въскоре» 431, «вѣде» (οἶδα) 383, 439, «сповѣде» 469. Какъ хотите, примѣры эти не говорятъ въ пользу ѣ=и. Взамѣнъ этой черты, довольно сомнительной, лучше указать на переходъ «ть-и» въ «ти-и», о которомъ самъ авторъ теперь уже допускаетъ, что эта «ассимиляція» существовала «преимущественно въ кіевскомъ говорѣ».

Я сказалъ уже, что при опредѣленіи діалектическихъ различій иныя формы словъ выступаютъ какъ отличительныя черты. Въ начинающей только что развиваться исторической діалектологіи не слѣдуетъ пренебрегать и такими мелочами. Я постоянно указывалъ въ своихъ лекціяхъ на форму слова «скербь», она нашла широкое распространеніе, если не исключительно, такъ по крайней мѣрѣ преимущественно въ южнорусскихъ памятникахъ[1]). Я обращалъ вниманіе также на форму слова «сѣсьць», попадающуюся тоже преимущественно въ южнорусскихъ памятникахъ (сл. напр. въ погодинскомъ прологѣ № 60: сесцѣ имъ мечемь

---

[1]) Пока еще не выходило наружу е, писалось ь въ этомъ словѣ: «скрьбьныихъ» 1073. 100 а. «сьрбин», «скьрби» въ типогр. минеѣ № 195 (не новгородской, сл. въ моемъ изданіи 066. 080), «скрьби» въ типогр. минеѣ № 203 (не новгородской, сл. въ моемъ изданіи 358), «не скрьби», «о скьрьбѣхъ» усп. сб. XII в. (въ библ. листахъ А. Попова I. 16. 17); скьрбить, скьрби патер. син. XI—XII в. у Срезн. малоиз. пам. № 82. Сличи примѣры съ ер изъ Добрилова евангелія у Соболевскаго, Очерки 4, изъ типогр. ев. 7, тамъ же 9 (съ ьр), изъ типогр. ев. 6, тамъ же (съ ер), изъ вѣнскаго октоиха «скерби» 26 б. 83 б., «скербящихъ» 42; изъ гал. ев. 1266—1300 у Соболевскаго 23, Срезн. малоизв. пам. № 69; изъ Ефрема Сирина волынскаго у Соболевскаго 56, изъ Поликарп. ев. тамъ же 37; изъ пролога Погодинскаго № 60 (южнаго происхожденія) «скерби» 4 б; изъ Троицк. сборника XIV в. у Тихонравова пам. отреч. лит. I. 22. 23 «скербьно», «скіерби».

оурѣзаша). Недавно я наткнулся на случай подобнаго рода въ житіи св. Савы: «никакоже врѣженъ бешью» (μηδὲν βλαβεὶς τὸ σύνολον), гдѣ «бешью» стоитъ вм. «бошью»; впрочемъ это слово пишется съ ь также въ новгородскомъ памятникѣ, сл. въ Р. достопам. II. 197: бьχъма. Давно уже указывается также на форму «свѣдительство», свойственную преимущественно южнорусскимъ памятникамъ. За этими и другими подобнаго рода формами (припомнимъ выше приведенное «ıаблъко» и примѣры у Соболевскаго на страницѣ 52: «дрыва» и т. д.), знаменательными для происхожденія памятниковъ, надо зорко слѣдить; иныя изъ нихъ потомъ вышли изъ своихъ первоначальныхъ предѣловъ и съ того времени конечно перестали имѣть значеніе діалектическихъ примѣтъ. Такъ напр. свѣдительство сдѣлалось потомъ очень распространеннымъ словомъ; точно такъ «сесь» первоначально выступаетъ только въ южныхъ и югозападныхъ памятникахъ, но потомъ встрѣчается также въ московскихъ грамотахъ.

Перехожу къ главѣ пятой, тоже очень небольшой. Она толкуетъ о звукахъ древнерусскаго языка вообще, т. е. о физіологическихъ свойствахъ гласныхъ и согласныхъ. Если уже говорить объ этихъ свойствахъ отдѣльно, то было бы полезно разработать эту главу подробнѣе. Напр. для опредѣленія звукового значенія буквы ъ кстати было бы воспользоваться многочисленными описками въ древнерусскихъ текстахъ, смѣшивающими то о съ ъ, то ъ съ о. Очень часто выходитъ такъ, что писецъ написалъ было о, но спохватившись тотчасъ же передѣлалъ о въ ъ. Иногда же, наоборотъ, осталось ъ для этимологическаго о, сл. напр. «къньць» мин. 1096 г. 39 а., «ръгъ спсениꙗ» пс. XI в. Срезн. № 42. Вполнѣ соглашаюсь, даже еще рѣшительнѣе, чѣмъ сказано на стр. 45, настаиваю и я на томъ, что ъ уже въ XI столѣтіи не было вездѣ выраженіемъ звука, а иногда только знакомъ; но если такъ, то желательно было бы поближе коснуться вопроса, гдѣ ъ-ь уже въ первое время исторической, намъ доступной, жизни русскаго языка представляли только знаки, твердый

и мягкій. Переносить пріемы новаго языка на языкъ XIII—XIV, или даже XI—XII вѣка, было бы нѣсколько поспѣшно. Примѣры, какъ въ изб. 1073 «золобоу», или въ жит. Ѳедосія «золодѣи», или въ грамотѣ Мстислава 1130 г. «изоостанеть», въ словахъ Григ. бог. «изо обоѭ» 154β, или въ житіи св. Савы «безо оуспѣха» 507, или «отоимуть», «подоиметь» въ моск. грамотахъ 1327. 1362. 1388 годовъ и т. д., свидѣтельствуютъ о бывшей тогда еще бóльшей чуткости языка по отношенію къ слабымъ гласнымъ, чѣмъ нынѣ.

Я вполнѣ согласенъ и давно уже самъ излагалъ, что древнерусское є не было нынѣшнее малорусское или южнославянское твердое *е*, а скорѣе великорусское мягкое *е* (приблизительно); иныя слова, судя по древнѣйшимъ памятникамъ, встарину произносились еще съ чистымъ є, какъ «єда», «єдъва», «єзеро», «єи», «єтеръ», на это указалъ уже Козловскій въ Изслѣдованіяхъ о языкѣ Остр. евангелія 18; но тамъ же упомянуто, что въ Остр. евангеліи чаще пишется «ѥще» чѣмъ «єще», стало быть про это слово нельзя съ положительностью утверждать, что оно тогда произносилось «эще». Жаль, что Соболевскій не воспользовался замѣчаніемъ того же Козловскаго (тамъ же на стр. 29), по которому «во всемъ Остромировомъ евангеліи нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы было написано ѥ послѣ р». Это замѣчаніе имѣетъ силу и для разныхъ другихъ памятниковъ. Такъ въ Евгеніевской псалтыри пишутъ лѥ, нѥ, но только «море», «съмиренъıѩ», «съмѣренъıихъ»; въ Чудовской псалтыри употребляется знакъ смягченія для сочетанія л҄е, н҄е, но слогъ ре пишется безъ знака; въ Путятиной минеѣ при правильномъ лѥ, нѥ (напр. «банѥѭ» 14, «съгнѥтенъ» 12, «селѥнию» 15 и т. д.) пишется «море», «заре», «боурѥѭ» и т. д. Я полагаю, что между «боурѩ» и «боурею» или «озарити» и «зарею» существовало приблизительно такое же отношеніе, какъ между «отьцю», «сьрдьцю» и «отьца», «сьрдьца», т. е. іотація или мягкость слышалась въ различныхъ сочетаніяхъ въ различной степени. Сличи нынѣшнее малорусское морэ — моря.

Гдѣ о ѣ рѣчь идетъ, я считалъ бы не лишнимъ напомнить, что эта буква подчасъ передавала по южнославянскому книжному преданію звукъ ꙗ. Въ Остромировомъ евангеліи читаемъ «славлѣаше», «срамлѣѭ сѧ» или «вышьнѣаго», «послѣдьнѣꙗ» и т. д., гдѣ лѣ, нѣ передаютъ сочетаніе *ля, ня.* Эту мелочь надо имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки такихъ формъ, какъ въ Остром. евангеліи «покажѣте сѧ» (сличи тамъ же «съвѧжате»), или «ищѣте» рядомъ съ «ищате» (Козловскій, Изслѣд. 84).

Предполагая, что когда-то существовала разница между единственнымъ числомъ иже и множественнымъ числомъ иже, приблизительно такая же, какъ между и въ «имѫ» и «възимаѭ» — только первое и выходитъ въ извѣстныхъ случаяхъ наружу какъ ь: «вь-нь», «възьмѫ» — я думаю, что «богатыи» (ὁ πλούσιος) никогда не произносилось «богатъјі», какъ это поясняетъ г. Соболевскій (на стр. 45); по моему только въ множ. числѣ «богатии» (οἱ πλούσιοι) можно бы пояснить черезъ «богатији», а въ «богатыи» конечное и уже издавна было і, чѣмъ и объясняется окончаніе ъи или ои. Сочетаніе ъ + и переходило въ ъи (уі, не ујі), и внутри слова въ ы (ср. «вы истовънихъ» ἐν τοῖς καιρίοις Григ. богосл. 29 γ, «вы іконѣ» мин. 1096. 35[б] или «възыграимъ» мин. 1097. 79[а]); сочетаніе же ъ + й оставалось ъй или переходило въ ой. Я не вижу теперь больше достаточной причины считать окончаніе ой въ прилагательномъ именительнаго падежа заимствованіемъ изъ церковнославянскаго (стр. 159). Изрѣдка такія формы попадаются уже въ памятникахъ XI вѣка: «день судьнои» Евг. псалт. $160_а$, «да не хвалить сѧ сильнои» ib $164_а$, «възьметь сѧ нечьстивои» $164_б$; «тѣлообразнои видъ» мин. 1096. $36_а$ и т. д.

III.

Въ двухъ слѣдующихъ главахъ излагается «исторія» звуковъ: гласныхъ на стр. 45—80, согласныхъ на стр. 81—104. Эта часть лекцій должна бы объемомъ и содержательностью превышать всѣ остальныя, въ ней мы желали бы видѣть центръ тяжести всего изслѣдованія. Признаюсь откровенно, обѣ главы не произвели на меня такого впечатлѣнія. Это скорѣе сухое извлеченіе, безъ системы, изъ несуществующаго пока еще цѣлаго, чѣмъ плавное изложеніе. Здѣсь какъ-то особенно замѣтна спѣшность труда. Прочтя эти двѣ главы, въ которыхъ должна быть изложена многовѣковая судьба русскихъ звуковъ, то продолжающихъ свое существованіе до сихъ поръ, то смѣнявшихся въ теченіе столѣтій, по неволѣ спрашиваешь, дѣйствительно ли здѣсь изложена «исторія звуковъ русскаго языка»? не заключается ли въ ней ничего болѣе важнаго, чѣмъ то, что содержатъ эти двѣ главы? Или же все это можетъ быть и важно, но разсказано какъ-то не важно, не увлекательно!

Авторъ отчасти самъ ослабилъ эфектъ своего изложенія не совсѣмъ удачнымъ распредѣленіемъ матеріала и вопросовъ, подвергнутыхъ изслѣдованію. Такъ онъ началъ (на стр. 45) исторію гласныхъ съ «исчезновенія глухихъ», а черезъ нѣсколько страницъ (на стр. 51) рѣчь идетъ о «переходѣ глухихъ въ чистыя». Но не идутъ ли «исчезновеніе» и возобновленіе глухихъ, или лучше, слабыхъ гласныхъ по большей части рука объ руку, такъ что между обоими явленіями существуетъ взаимодѣйствіе? Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что разница между ъ въ «сънъ» и между ъ въ «съна» становилась тѣмъ болѣе замѣтною, чѣмъ болѣе улетучивалась слоговая дѣятельность второго ъ въ «сънъ». Итакъ — исчезновеніе и возобновленіе слабыхъ гласныхъ, это только различные фазисы одного и того же событія, важнаго въ исторіи славян-

скихъ нарѣчій настолько, что стоитъ остановиться на подробномъ разборѣ причинъ его. У профессора Соболевскаго говорится только, «что во второй половинѣ XI вѣка какъ въ многихъ случаяхъ глухіе, такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и конечное и исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ говорѣ». Но почему перестали слышаться, что могло вызвать это прекращеніе жизни одного звука въ словѣ, объ этомъ не говорится прямо, только косвеннымъ образомъ мы узнаемъ, что тутъ причастно было — удареніе. Но играло ли оно главную роль или только мимоходомъ вліяло — этотъ вопросъ такъ и остался невыясненнымъ. Не сказано также ничего о томъ, на сколько былъ уже самими «глухими» подготовляемъ этотъ послѣдній шагъ языка — исчезновеніе ихъ? не затронутъ вопросъ о томъ, было ли звуковое и слоговое значеніе «глухихъ» во всѣхъ положеніяхъ слова одинаково? Повидимому нѣтъ, въ этомъ я вполнѣ убѣжденъ. Я уже намекнулъ, что полное равенство обѣихъ гласныхъ въ словѣ «сънъ» заходитъ далеко за предѣлы историческаго существованія отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Не для всѣхъ былъ ъ или ь одинъ и тотъ же звукъ уже тогда, когда создавалась церковно-славянская письменность. Если бы основателямъ древнеславянской письменности пришлось прислушиваться къ древнѣйшему произношенію слова «сънъ» у предковъ нынѣшнихъ русскихъ славянъ, въ теченіе IX — X вѣка, я убѣжденъ, они не остановились бы на правописаніи «сънъ», а придумали бы разницу между первымъ и вторымъ ъ. Авторъ полагаетъ (стр. 51), «что переходъ ъ и ь въ о, е произошелъ не одновременно съ исчезновеніемъ ъ и ь»; я согласенъ съ этимъ относительно стоявшихъ въ концѣ словъ неслоговыхъ ъ, ь, исчезнувшихъ въ смыслѣ слоговой службы дѣйствительно уже издавна; но несомнѣнно также то, что слоговое ъ уже въ XI столѣтіи очень незначительно различалось отъ обыкновеннаго о, какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя описки древнихъ рукописей, гдѣ писцамъ постоянно приходилось передѣлывать о въ ъ, чтобы попасть въ тонъ и въ правописаніе церковнославянскаго, литературнаго

языка. Внятнѣе произносилась, должно быть, звуковая окраска гласной ь, ее легче было различать отъ чистаго е и отъ чистаго и. Это былъ звукъ среднiй между *е* и *и*. Поэтому попадаются сплошь да рядомъ замѣны ь то черезъ е, то черезъ и. Напр. «въ дене» Евг. псалт., «алеѳесова», «келесиа», «несоуменьнымь разоумъмь» 1096, «срдценѣи очи», «питателеницю», «къ съпасенѣи стьзи» мин. праздн. XII в. 30. 45, «кесемоу» жит. Бор. Гл. XII в., «кожедо» жит. св. Савы 375, побѣдоносеци» ib. 521, «кисн» Остр. ев., «питицами», «различинъ» изб. 1073. 20—21, 94 d, «нощинжж» Григ. бог. 3а, «нечистиемь» ж. Б. и Гл., «обицимь» жит. св. Савы 479. Близость гласныхъ ь и е засвидѣтельствована также противоположною замѣною: зват. пад. «родительниць» (вм. — це), «кольсница» мин. 1096. 4 б. 25 б, «проповѣдатьль», «родитьль» мин. праздн. 11 а. 18 а и т. д.

Множествомъ примѣровъ легко доказать, что въ древнерусскомъ языкѣ слабая гласная ь не всегда тамъ исчезала и тамъ переходила въ е, гдѣ въ нынѣшнемъ языкѣ, въ особенности литературномъ. Гибкость языка распространилась встарину дальше чѣмъ нынѣ. Авторъ коснулся этого вопроса лишь слегка (на стр. 47), и не совсѣмъ точно. Нельзя, я думаю, утверждать, что формы «жерца» и «жреца» шли рядомъ; рядомъ шли долгое время чуть ли не исключительно «жрець» и «жерца» и т. д., форма же «жреца» — явленіе позднѣйшее, вызванное вліяніемъ установившагося уже прочно именительнаго падежа «жрець». Слово напр. «чтець» въ старину (скажемъ въ XIII столѣтіи) въ косвенныхъ падежахъ переходило въ «четца» (Истор. библ. VI. 105); слово «игрець» въ косвенныхъ падежахъ склонялось «игрьца», еще не полное «игреца» (ibid. 104. 107). Нынѣшнія формы названій городовъ «Смоленскъ», «Полоцкъ» — это послѣдніе выводы изъ косвенныхъ падежей «Смоленска», «Полотьска» вм. болѣе древнихъ именительныхъ «Смолнѣскъ» пск. лѣт. II. 17, «Полтескъ» ипат. лѣт. 412, пск. лѣт. II. 2. 8 (сл. ипат. 412 «Полотьска» и т. д.). Разница между стариннымъ и модернымъ языкомъ видна иногда и внутри слова, такъ вм. нынѣшняго

«менѣе» въ старину писалось также «мне»: «не мне» Ист. библ. VI. 92; возлѣ «день», косв. пад. «дни» и т. д. существовала также форма «денью»: «тою денью» Истор. библ. 17. 44. Тогда еще писалось и говорилось «льжаю» рядомъ съ «легчаю» ib. 58. 62, говорилось «конь не потокнеться» Паис. сб. Срезн. 274, говорилось «тъкомо» (возлѣ «токмо») златостр. 150 а, и т. д.

Рядомъ съ исчезновеніемъ глухихъ авторъ вычисляетъ «слѣдствія» этого факта. Первымъ «слѣдствіемъ» онъ считаетъ «возникновеніе новыхъ глухихъ» (стр. 48). Такъ, безъ оговорки, это изреченіе поражаетъ. Для того ли глухія исчезли, чтобы взамѣнъ ихъ появились опять новыя глухія?! У первоначальныхъ глухихъ было этимологическое значеніе, это были когда-то полныя гласныя, сдѣлавшіяся «глухими» только послѣ продолжительнаго постепеннаго ослабѣванія, обусловленнаго положеніемъ этихъ гласныхъ, чаще всего въ концѣ слова, но иногда и внутри, въ неударяемыхъ, безъ полной гласной легко произносимыхъ звуковыхъ сочетаніяхъ. Новыя глухія, какъ разъ наоборотъ, понадобились именно тамъ, гдѣ вслѣдствіе исчезнувшей этимологической гласной, принявшей наконецъ видъ очень незначительной глухой, образовалось накопленіе согласныхъ, неудобно произносимое. Чтобы извести эти накопленія, явились новыя, вспомогательныя гласныя, не имѣющія уже никакого отношенія къ первоначальнымъ глухимъ. О нихъ было бы лучше говорить отдѣльно, это такъ называемыя «сварабактическія» гласныя, въ родѣ «манотьы» новгор. требн. XIV в. 54 (изд. Общ. Л. Д. П.) или «харотью», »харотьыхъ» панд. ник. черног. XIII в. Понятіе удобопроизносимости — конечно очень перемѣнчиво, смотря по мѣсту и времени; поэтому существовали также двойныя формы. При обыкновенномъ «семь» (septem), существовавшемъ уже въ XI вѣкѣ, имѣется также «седьмь» слова Ипполита 52. 53. 54.

Вторымъ «слѣдствіемъ» исчезновенія глухихъ приводится «удлиненіе *о* и *е*» (стр. 48—9). И противъ этого положенія можно бы очень много возражать, напр. спросить бы, почему это дѣйствіе не распространяется на остальныя гласныя, а только на

о и *е*? почему даже на *о* и *е* не всегда, а только въ извѣстныхъ случаяхъ? Какъ бы то ни было, исчезновеніе глухихъ находится съ удлиненіемъ *о* и *е* только въ очень отдаленномъ сношеніи.

Менѣе всего понятнымъ для меня становится третье слѣдствіе исчезновенія глухихъ въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ лекціяхъ профессора Соболевскаго (стр. 50): образовались-де «плавныя гласныя»! Это для меня, а вѣроятно и для многихъ другихъ, нѣчто совсѣмъ новое и неслыханное. Къ счастію или къ сожалѣнію, какъ хотите, изумленіе прекращается, какъ скоро, читая дальше, наталкиваемся на слѣдующее изреченіе: «во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ плавный гласный, по всей вѣроятности, не составлялъ слога и произносился какъ польскій r въ krwi». Ну такъ и есть, авторъ, значитъ, только подшутилъ надъ нашею любознательностью, слогового *р* въ древнерусскомъ языкѣ не было.

Съ исчезновеніемъ глухихъ на ряду ставится еще исчезновеніе «чистаго и въ концѣ и иногда въ срединѣ словъ» (стр. 45). Едва ли это сопоставленіе справедливо, меня оно нисколько не удовлетворяетъ. Прежде всего нѣтъ основанія говорить, что въ произношеніи напр. дательнаго падежа «моей» (два слога) вм. бывшаго когда-то «моеи» (три слога) исчезло и. Тутъ нѣтъ исчезновенія, и только сгустилось или осѣло въ *й* (і въ į, j) — явленіе напоминающее не исчезновеніе, а только сокращеніе неударяемаго и въ концѣ слова послѣ согласныхъ въ *ь* («дати: дать», «буди — будь»). Трудно сказать, съ какого времени произошло это сокращеніе, потому что въ письмѣ оно не отразилось. Ссылка на примѣры, какъ «мо» вм. «мой», «своѥ» вм. «своѥй» неубѣдительна, это безъ сомнѣнія простыя описки [1]). Скорѣе можно указать на

---

[1]) Авторъ вообще не рѣдко прибѣгаетъ къ несомнѣннымъ опискамъ, придавая имъ не случайное значеніе. Какъ можно напр. единственному примѣру «гратань» (вм. гратань, стр. 32) придать значеніе чего-то загадочнаго, трудно объяснимаго, гдѣ описка очевидна? На вышеприведенный примѣръ похожа въ житіи св. Савы слѣдующая описка: «ваше державѣ» 333, или въ актахъ юрид. стр. 110: въ нижно (вм. нижной) Кѣхтѣ.

случаи смѣшенія и съ є въ концѣ слова, какъ на доказательство, что произношеніе гласной колебалось между краткимъ и и є, слышалось не то и, не то є, т. е. именно й: «треє дворць» вм. «трей дворьць», дательный падежъ «моужьскоє дчери», «чюжеє женѣ», мѣстный падежъ «в ъиноє земли», именительный падежъ «попъ новгороцкоє» — примѣры изъ грамоты 1263 года, изданной Куникомъ-Напіерскимъ, № 5.

Переходу *е* въ *о* (такъ ли, не лучше *ли е* въ *ё*?) посвящено нѣсколько страницъ, но изложеніе страдаетъ на мой взглядъ сбивчивостью. Оно начинается съ перечня, конечно не полнаго, но все-таки значительнаго числа случаевъ этого перехода, почерпнутыхъ изъ древнерусскихъ памятниковъ, причемъ не различаются явленія, общія всей старинѣ, съ извѣстнаго времени, отъ чертъ діалектическихъ; потомъ оно переходитъ къ современному языку, гдѣ опять нѣтъ строгаго различія между общимъ и діалектическимъ; наконецъ оно снова поворачиваетъ въ старину, къ исторіи языка. Не лучше было бы начать съ не подлежащихъ сомнѣнію фактовъ нынѣшняго языка, по всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ его; потомъ же, перейдя съ общеизвѣстнаго современнаго къ мало извѣстному прошлому, поставить такіе вопросы: 1° какіе факты нынѣшняго языка находятъ себѣ подтвержденія въ старомъ языкѣ и съ какого времени? 2° не попадаются ли въ памятникахъ древней письменности и такіе случаи перехода *е* въ *о* (*е* въ *ё*), которымъ въ современномъ языкѣ нѣтъ подтвержденія, по крайней мѣрѣ нѣтъ ихъ въ той же области? какіе это случаи и какъ объяснить ихъ?

Отправляясь такимъ путемъ къ наблюденію, мы замѣчаемъ, что извѣстная черта нынѣшняго южнорусскаго нарѣчія, наклонность его къ слогамъ *чо*, *жо*, *шо* внутри словъ, при общерусскомъ *че*, *же*, *ше* (напр. «*чоло*, *жона*, *пшоно*»), черта которую съ нимъ раздѣляютъ также бѣлорусское и южновеликорусское нарѣчія (только что въ послѣднихъ неударяемое *о* слышится какъ *а*, и переходъ не ограничивается сочетаніями *ча*, *жа*, *ша*), въ древнерусскихъ памятникахъ раньше четырнадцатаго столѣтія

не появляется въ коренныхъ слогахъ, — примѣръ изъ изборника 1073 года, 179 d «чоловѣка» безспорно описка — но зато въ окончаніяхъ падежей, иногда даже лицъ, примѣры сочетаній жо, що, цо, уже съ конца XII столѣтія не рѣдкость, и они не ограничиваются какою либо одною мѣстностью или областью языка, а встрѣчаются повсюду, какъ въ памятникахъ южно- и западно-русскихъ, такъ и сѣверныхъ (хотя въ послѣднихъ примѣровъ все-таки, кажется, меньше). Самые ранніе примѣры у Соболевскаго отмѣчены изъ слова Ипполита объ антихристѣ, памятника несомнѣнно не новгородскаго (выразительныхъ признаковъ южнорусскаго происхожденія въ немъ тоже нѣтъ); я нашелъ тамъ же только слѣдующіе: «блажонъ 99, раздѣлившомъ 40, дьржащомъ 104 и кънѧзомъ 24». Въ тѣхъ же размѣрахъ существуетъ этотъ переходъ въ замѣчательномъ житіи св. Савы: дат. мн. ч. «вълѣзоущомъ» 275, «смоущающомъ» 327 и «оуражонъ» 501. Ни одного примѣра въ родѣ «чоло», «жона» здѣсь еще нѣтъ. По памятникамъ они впервые являются въ той области, которую заселяетъ бѣлорусское племя, въ грамотахъ Смоленска. Такъ называемая «Смоленская правда» — договоръ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ — сохранилась въ многихъ одновременныхъ спискахъ, которые сводятся къ двумъ редакціямъ: къ первой редакціи принадлежатъ списки *A*, *B*, *C* (по означенію Куника), ко второй *D*, *E*, *F*; — во главѣ первой кладутъ обыкновенно списокъ *A*, во главѣ же второй списокъ *D*. Оба они пергаменные, приблизительно около 1229 — 1230 года написанные. Замѣчательно, что въ спискахъ первой редакціи нѣтъ примѣровъ для интересующаго насъ перехода, но зато въ спискѣ *D* мы встрѣчаемъ не только такіе случаи: «оутвьржонъ, должонъ, неразроушонъ, соужона, стареншомоу, коупцомъ, немцомъ» (5 разъ), не только въ концѣ слова въ открытомъ слогѣ: «тажо, ожо, ужо», но также въ коренномъ слогѣ внутри слова: «съ жоною, оу своеѥ жоны». Кто не видитъ въ этихъ примѣрахъ первообразъ нынѣшняго бѣлорусскаго произношенія: жана́, жано́ю, жаны́, и параллели къ

нынѣшнему «выша-нижа» (вм. выше-ниже)?—Въ спискахъ *E*, *F* той же редакціи примѣровъ съ о опять нѣтъ. Это свидѣтельствуетъ только о хрупкости источниковъ для исторіи русскаго языка. Прочія грамоты той же области (Смоленскъ—Витебскъ—Полоцкъ) изъ болѣе поздняго времени (конца XIII, первой половины XIV столѣтія) подтверждаютъ эти данныя множествомъ дальнѣйшихъ примѣровъ: Смоленскъ-Рига 1287—1297 (Русск. лив. акты № 35) «чоловѣка». См. Р. 1284 (ib. № 37) «немьцомъ», Витебскъ-Рига ок. 1300 (ib. № 49): кнѧжо (28 разъ!), жо (4 раза), ажо (3 раза), шолъ, пошолъ, пришолъ, пришодъ, емшо, хочомъ, отъ отчовъ (вм. «оу чомь» у Куника напечатано «оутомь»); Полоцкъ-Рига 1396 (у Смирнова № 73): чолобитье, нашого, нашом.

Всѣ эти примѣры, вмѣстѣ съ указанными у Соболевскаго (на стр. 52—52), свидѣтельствуютъ о томъ, что такіе переходы допускались только послѣ небныхъ (шипящихъ и свистящихъ) согласныхъ. Какъ же понимать то обстоятельство, что нѣтъ о при другихъ согласныхъ? Можно бы, пожалуй, думать, что подобные переходы послѣ другихъ согласныхъ слишкомъ далеко отступали бы отъ преданія церковнославянскаго языка и что уже произносили «пёро», но еще писали «перо». Мнѣ кажется однакожъ, что аргументація подобнаго рода не внушала бы довѣрія. Правдоподобнѣе во всякомъ случаѣ допустить, что въ то время народное произношеніе любило переходъ въ о пока еще только при небныхъ согласныхъ. Это тѣмъ менѣе удивительно, когда знаемъ, что малорусское нарѣчіе въ сущности и до сихъ поръ ограничивается этимъ случаемъ перехода *е* въ *о*. Въ немъ произносится съ удареніемъ и безъ ударенія: чолó, чоловíкъ, чоти́рі, вчорá-учорá, бичовá, мáчоха, жонá, жолу́докъ, бджолá-бчолá, пшонó, шолуди́вий, щокá и т. д., но въ то же время съ чистымъ *е*: ледъ, рéбра, дéшево, тéплий, тéсанний, одéжа, зелéний, далéко, несé, ведéшь, печéнний; овéсъ, козéлъ, песъ, верéвка, легкій, стéжка, тéща и т. д.

Нельзя съ положительностью отвѣчать, были ли сочетанія

выше приведенныхъ примѣровъ XIII вѣка чо, жо, шо, що еще мягкими или уже твердыми по нынѣшнему произношенію. Соболевскій приводитъ изъ Галицкаго евангелія 1266 года примѣръ очень сомнительнаго свойства «морю жю» (стр. 53) — если тамъ нѣтъ ни одного примѣра для жо, такъ и этотъ единственный жю, въ особенности послѣ слова «морю», не что другое, какъ описка; — потомъ изъ Луцкаго евангелія два примѣра: «ждущю, пиющю» — но ничего не говоритъ, какъ онъ понимаетъ это ю. Мнѣ кажется возможнымъ допустить, что сочетанія чо, жо, що нѣкоторое время могли еще быть мягкими и что формы «ждущю, пиющю», за неимѣніемъ другого графическаго средства, выражали произношеніе «ждущё, пиющї». Впрочемъ примѣровъ у меня для этого факта слишкомъ мало, чтобы можно было дѣлать прочные выводы. Въ галицкихъ грамотахъ конца XIV и первой половины XV столѣтія я отмѣтилъ себѣ по изданію Я. Головацкаго слѣдующіе: по нюи 1359, на своюи котнинѣ 1398, на своюмъ селѣ 1398, своюи женѣ 1393, у нашюмъ дворѣ 1407, по божькюмъ порожѣнъѣ 1393, Василювъ синъ 1366, грошювъ 1378, оу Шюльжичювъ 1366 (род. мн. ч.), чтюнъ 1398, 1440, по нюмъ 1422, — не берусь рѣшить, произносилось ли въ этихъ случаяхъ еще *ё* или уже *ю*. Примѣръ «дали юмы» (въ грамотѣ 1398 г. Наук. сборн. I, 195) могъ бы говорить въ пользу *ё*. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ (включительно до конца XIV в.) нѣтъ ни одного не подлежащаго сомнѣнію примѣра съ у, а есть только указанные съ ю, или же съ о, такіе: чотири 1388, чоръторышскыи 1403, чортковичь 1404, ничого 1421, 1428, 1442, корчокьемъ 1424, чоботомъ 1445, почонши 1458—9, нашого 1403, нашомоу 1438, въ нашомъ дворѣ 1430, и т. д.

Насъ не поражаютъ эти формы ни въ смоленско-витебско-полоцкихъ (бѣлорусскихъ), ни въ галицкихъ (южнорусскихъ) грамотахъ, но мы не ожидали бы ихъ въ грамотахъ московскихъ XIV—XV вѣка, гдѣ кромѣ двухъ примѣровъ изъ духовной Ивана

Калиты, приведенныхъ у Соболевскаго (на стр. 53), еще такіе попадаются: «старѣншому», «молодшому», «по душовнои грамотѣ» (1428), «меншому», «нꙗтцовъ твоихъ», «молодшого» (1433), «старешому», «молоцього», «молоцьою», «вашого», «о вашомъ добрѣ», «пригожо», «Ржову», «грамотѣ по душовнои», «въ нашо нелюбье» (1440), «старожилцовъ», «инокнꙗжцомъ» (тамъ же и «старожилцамъ») 1449 у Иванова. Примѣровъ этихъ впрочемъ очень не много въ сравненіи съ множествомъ другихъ, обнаруживающихъ правильное є; поэтому нужно считать ихъ или случайно занесенною стихіею, должно быть подъ вліяніемъ кіевской письменности, или же временнымъ вторженіемъ одной новой черты языка въ область, въ которой она не могла удержаться.

Въ современномъ языкѣ говорится не только «поня́ва», а также «понёва»; если у Срезневскаго, Пам. русск. языка 151, вѣрно напечатано «поновою прѣпоꙗсаса» (изъ Постной Тріоди XI вѣка), это былъ бы одинъ изъ очень раннихъ примѣровъ передачи произношенія *ё* черезъ о, но какъ-то не вѣрится, что это такъ, сл. у Срезн. тамъ же 185 обыкновенное: «понꙗвоу». Примѣры, приводимые у Соболевскаго на стр. 54, нуждаются въ болѣе подробномъ изслѣдованіи. Не убѣдилъ меня авторъ въ правдоподобности объясненія «журавль», «муравей» посредствомъ аналогіи съ «журить» и «мурава» (стр. 59).

IV.

Какъ произносилось ѣ въ древнерусскомъ языкѣ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ проф. Соболевскій двумя главами своихъ лекцій: «Отожествленіе *ѣ* съ *е*» (стр. 59—62), и «переходъ *ѣ*

въ *і*» (стр. 62—63). Суть ихъ заключается въ слѣдующемъ. Первый пунктъ гласитъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности въ Новгородѣ, во второй половинѣ XII в. «различіе между ѥ и ѣ было очень слабо, гораздо слабѣе чѣмъ на югѣ Руси», и что «въ говорахъ сѣвернорусскихъ (сѣверно—и южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ), приблизительно въ концѣ XII вѣка, произошло болѣе или менѣе полное отожествленіе этихъ двухъ звуковъ, т. е. ѣ стало звучать какъ ѥ». Второй пунктъ говоритъ, что «древній ѣ, сохранившись въ галицко-волынскомъ говорѣ XII в. какъ отдѣльный звукъ и не отожествившись съ ѥ, сталъ мало по малу суживаться и приближаться къ древнему и». Въ этихъ отзывахъ автора о ѣ видно стремленіе выдѣлить «галицко-волынское» нарѣчіе изъ общей среды и для современнаго «икающаго» характера его найти историческую подкладку въ XII—XIII вѣкѣ. По моему это стремленіе, какъ бы оно ни было оправдано, рушится на данныхъ древнерусской письменности. Какими средствами доказать, что въ галицко-волынскомъ говорѣ ѣ сохранилось еще въ XII вѣкѣ какъ отдѣльный звукъ, въ противоположность сѣверному ѣ? Въ южнорусскихъ памятникахъ, какъ разъ тѣхъ, на основаніи которыхъ созданъ авторомъ «галицко-волынскій типъ» — примѣровъ смѣшенія ѥ съ ѣ довольно много, кажется не многимъ менѣе, чѣмъ въ памятникахъ сѣверныхъ, новгородскихъ и неновгородскихъ. Сошлюсь на матеріалъ, собранный въ «Очеркахъ» проф. Соболевскаго на стр. 6—7, 10, 15, 18, 24 и т. д. Съ другой стороны не приняты въ разсчетъ сѣвернорусскіе, въ частности новгородскіе, примѣры съ и вм. ѣ, послѣ конца XII-го вѣка, когда уже по словамъ Соболевскаго должно было произойти «полное отожествленіе» обоихъ звуковъ ѣ и ѥ! Въ доказательство приведу изъ требника Новгородскаго XIV вѣка (смѣшивающаго ч съ ц), изданнаго Имп. Обществомъ Л. Д. П., такіе примѣры: «свѣдиниі твоихъ» 83 рядомъ съ «прилипихсѧ свидениі твоихъ» 83, «на листи свѣтлѣ» 108, «в ризу нетлиниѥ» 54, «наслидникомъ быти» 59, «руци твои» 89, «пьркиѥ» ib., «оустни мои» 61 и т. д. Или изъ

Новгородской палеи XIV в. (у Тихонравова I): «всихъ» 104, «видихъ» 103, «оувидити» 106, «видивше» 108 (новгородская: «сконцанию» 98, «концанию» 99, «цетвертомъ» 104). Изъ Сильвестровскаго сборника (у Тихонравова II): видилъ 78, видивъ ib., (у Срезневскаго): видити XIV, всимъ 3. Срезневскій характеризуетъ этотъ сборникъ такъ: «довольно часто смѣшаны ч и ц, довольно часто смѣшаны ѣ и и» (VIII).

Примѣры подобнаго рода показываютъ, что и на сѣверѣ по крайней мѣрѣ не вездѣ такъ скоро ѣ стало звучать какъ е, какъ могло бы казаться по словамъ проф. Соболевскаго. По рукописямъ, конечно, не мудрено доказать полное совпаденіе е съ ѣ; рукописи, смѣшивающія безжалостно е съ ѣ, существуютъ не только между новгородскими, но также между неновгородскими. Одной замѣчательной рукописью подобнаго рода восполнены мною пробѣлы текста минейскаго 1096—1097 года. Рукопись перешла изъ Софійскаго собора въ Новгородѣ въ библіотеку духовной академіи въ С.-Петербургѣ. Несмотря на значительный объемъ ея, нѣтъ ни одного примѣра новгородскаго смѣшенія ц съ ч, напротивъ, въ ней замѣтны кой-какія черты, напоминающія памятники южнорусскіе стараго типа (XI—XII в.). По примѣрамъ, какъ «пѣщь» 5, 11, «чюдѣсъ» 17, 20, «словѣсьна» 24, «словѣсьнаго» 23, легко бы предаться обману, что въ ней ѣ значенія «южнорусскаго»; но вчитавшись дальше въ рукопись, мы замѣчаемъ полнѣйшее смѣшеніе ѣ съ е; съ одной стороны: «привѣде» 12, 13, «потѣкоша» 36, «тѣчаше» 9, «тѣкоущиихъ» 26, «попѣче ся» 11, «вѣличьствия» «вѣликаго» 26, «бѣсѣдами», «бѣсѣдоую» 23, «вѣтъхаго» 23, «тѣплотою» 9, «дѣсницею» 9, «боудѣши» 23, «словѣси» 21, «чюдѣса» 9, «кръвѣ» 30, «вънидѣ» 6, «прендѣ» 31, «погребѣ» 16, и т. д.; съ другой стороны: «отъ бедъ» 10 б, «верою» ib., «обрете» 16, «крепость» 7, 18, «слепотоу» 138, «наследью» 16, «наследовавъ» 25, «река» 35, «веньць» 11, «веньценосьць» 17, «целомоудрья» 16, «железо» 14, «на гневъ» 23, «оузьревъ» 13, «одолевъ» ib., «повелениемь» 27, «нетьлению» 20, «техъ» 139, «темь же» 12. 17, «вьсемъ» 8,

«вьсехъ» 16, 139, «инемъ» 3, «единеми» 13, «мве» 17, «силе твоеи» 15, «въ роуце 26, 74, «къ вѣре» 14, «въ череве» 24, и т. д. Было бы, можетъ быть, поспѣшно изъ этихъ данныхъ выводить заключеніе, что въ живомъ произношеніи того лица, которое писало эту рукопись, ѣ вполнѣ совпадало съ е, но большаго разстоянія, рѣзкой звуковой разницы, кажется, дѣйствительно не было. Къ такому результату впрочемъ сводится изслѣдованіе какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ рукописей XI—XII вѣка; въ тѣхъ и другихъ примѣры смѣшенія ѣ съ е не уступаютъ числу примѣровъ съ замѣною ѣ черезъ и. Стало быть по памятникамъ древнерусской письменности выходитъ наружу, что народное живое ѣ въ то время въ громадномъ большинствѣ случаевъ и мѣстностей произносилось какъ закрытое е, суженный же звукъ его и (вм. ѣ) имѣлъ тогда еще лишь ограниченное діалектическое значеніе, не обхватывалъ широкаго пространства на югѣ Россіи, очень можетъ быть не больше, если даже не меньше, чѣмъ на сѣверѣ.

Вопросъ о значеніи ѣ въ древнерусской письменности не такъ простъ, какъ хотѣлось бы этого для примиренія исторіи языка съ данными современныхъ нарѣчій. Съ самаго начала письменности выступилъ факторъ, сильно осложнившій дѣло и произведшій большую путаницу. Это было церковнославянское ѣ, съ которымъ надо было сообразоваться: оно вошло въ письменность и какъ знакъ и какъ звукъ. Поэтому въ исторіи языка вм. одного возникаютъ два вопроса, различные другъ отъ друга: вопросъ, какъ произносился въ живомъ древнерусскомъ языкѣ, во всѣхъ областяхъ его, звукъ обозначаемый по принятой графикѣ буквою ѣ? и второй вопросъ, какъ произносили въ древнерусскомъ литературномъ языкѣ (т. е. языкѣ церковномъ съ примѣсью элементовъ народныхъ) по преданію и книжному обученію знакъ ѣ?

Въ древнерусской письменности можно отыскать нѣсколько текстовъ нецерковнаго содержанія, отличающихся очень правильнымъ употребленіемъ ѣ. Къ такимъ принадлежитъ древнѣй-

шая часть новгородскихъ грамотъ, древнѣйшія духовныя московскихъ князей, иныя двинскія купчія и третья часть первой новгородской лѣтописи—все памятники XIV вѣка. На основаніи этого матеріала сдѣланъ былъ такой выводъ, что въ древнерусской письменности главнымъ образомъ церковные тексты невнимательно относились къ различію между ѥ и ѣ, причина же этой невнимательности будто бы заключалась въ церковномъ, не народномъ, произношеніи ѣ какъ ѥ, которое «могло казаться ближе къ русскому ѥ, нежели къ русскому ѣ» и поэтому русскими переписчиками по искусственному произношенію церковнославянскаго ѣ какъ ѥ дѣлались постоянныя описки. Мысль эта принадлежитъ А. А. Шахматову, по мнѣнію котораго совпаденіе ѥ съ ѣ произошло только въ послѣдніе вѣка исторіи русскаго языка. Въ остроумномъ соображеніи А. А. Шахматова есть нѣкоторое преувеличеніе, но есть также доля правды. Онъ напрасно обвиняетъ церковные памятники огуломъ въ неумѣніи различать ѣ отъ ѥ. Къ текстамъ точнымъ въ этомъ отношеніи надо причислить не только иныя оригинальныя сочиненія древнерусской письменности, но также многія церковнославянскія, сохранившіяся въ русскихъ спискахъ XI—XII—XIII вѣковъ. Къ точнымъ памятникамъ принадлежитъ напр. сборникъ Успенскаго собора въ Москвѣ XII вѣка или Слово Ипполита объ антихристѣ, изданное Невоструевымъ, тоже XII вѣка, и т. д. Кому обязаны эти памятники своею точностью? Чутью ли народнаго языка, какъ выходило бы по выше упомянутому мнѣнію? Но въ такомъ случаѣ нужно бы допустить, что это чутье, въ высокой степени развитое для однихъ памятниковъ, для другихъ какъ бы совсѣмъ не существовало; надо бы допустить, что оно было сильнѣе развито въ первое время, въ древнѣйшихъ памятникахъ, чѣмъ потомъ, когда вообще народный элементъ въ письменности смѣлѣе выходилъ наружу. Съ этимъ согласиться нельзя. Неравномѣрность древнерусскихъ памятниковъ въ употребленіи ѣ зависѣла отъ степени вниманія писцовъ, отъ ихъ начитанности, отъ силы привычки и преданія. Однакожъ въ соображеніи нашего моло-

дого ученаго, какъ я сказалъ, доля правды. Нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что въ церковнославянскихъ текстахъ буква ѣ произносилась, должно быть, какъ звукъ очень похожій, если не даже вполнѣ совпадавшій съ є. Только при этомъ предположеніи становится понятнымъ, почему въ иныхъ памятникахъ, рядомъ съ и вм. ѣ, имѣется также не малое число примѣровъ съ є вм. ѣ. Въ такихъ случаяхъ, я полагаю, черезъ и вм. ѣ передавалось произношеніе болѣе народное, тогда какъ смѣшеніе є съ ѣ отражало произношеніе церковно-литературное, выученное, школьное.

Особый случай отступленія отъ церковнославянскаго правописанія представляютъ древнерусскіе памятники, почти всѣ, не исключая даже самыхъ точныхъ по отношенію къ ѣ, — въ сочетаніяхъ рѣ, лѣ, соотвѣтствующихъ русскимъ полногласнымъ формамъ. Тутъ всѣ они пишутъ съ изумительною послѣдовательностью -рє,-лє вм. церковнаго -рѣ,-лѣ. Этого не объяснишь ни подражаніемъ церковнославянскому правописанію, потому что его какъ разъ тутъ нѣтъ, ни чутьемъ народнаго языка, который требовалъ полногласной формы. Причина кроется въ чемъ либо другомъ. Я высказалъ въ моихъ лекціяхъ такую догадку, не писали ли русскіе писцы здѣсь є потому, что думали, что -прє (такъ произносили они церковное прѣ) не что другое, какъ сокращеніе народной, полногласной формы пєрє? Повторяю догадку здѣсь за неимѣніемъ другого болѣе убѣдительнаго объясненія. Такъ какъ проф. Соболевскій этого пункта вовсе не коснулся въ своихъ лекціяхъ, то не лишнимъ будетъ однимъ-двумя примѣрами дать настоящее освѣщеніе этому факту. Примѣры правильнаго употребленія ѣ въ сочетаніяхъ рѣ, лѣ (= русское єрє, єлє, оло) принадлежатъ въ древнерусской письменности къ рѣдкостямъ. Такія замѣчательныя рѣдкости въ этомъ отношеніи Остромирово евангеліе, или Изборникъ Святослава (хотя въ немъ уже[1]) имѣется: «облєцѣмы сѧ» 54, «на срєдоу» 78 с, «по срєдоу»,

---

[1]) Есть даже въ Изборникѣ 1073 є вм. ѣ въ словѣ «гнѣвъ» 28 с.

«отъ средъı» 109 a, «въ средоу» 196 c), или Путятина минея. Въ минеяхъ 1095—7 года отступленія въ нашемъ случаѣ уже очень часты; вотъ напр. «предасть» 025, «предъ очима» ib., «преже» 028, «стрегоущиимъ» 027, «без вреда» 081, «предъ» 3, «извлече, облекостася» 57, «преже» 46, «древо» 113, 117, «жребиемь» 24, «по средѣ» 29, «истреби» 23, «преславьнoю» 285, «преподобьне» ib., «престолъ» 353, «жребии» 376, «въ чревѣ» ib., «требоующиимъ» 352 и т. д. Слово Ипполита на счетъ точности въ употребленіи ѣ — памятникъ образцовый, но и здѣсь пишутся подходящіе сюда примѣры правильно съ е: «пре», «предъ», «преже» 76, «небреже» 64, «время, времени» 62, «временьхъ» 29, 63, «вредить» 85, «вретищема» 63, «древа» 58, «жребя» 15, 18, «млеко» 15, «потребьно» 2 — исключеніемъ является лишь «плѣню» 23 (ожидали бы «пленю»). Изъ нецерковныхъ памятниковъ укажемъ на третью часть первой новгородской лѣтописи, памятникъ тоже образцовый по отношенію къ ѣ. И здѣсь пишутся съ е такіе примѣры: «прелесть» 238, «преже» 242, 243, 246, 253 и т. д. «пред, напред» 244—5, «предаı» 307, «преложю, преставися» 302, «преступають, преднее» 290, «чресъ» 293, «въ среду, средокрꙿтьную» 248 и т. д. Послѣдовательность правописанія въ этихъ случаяхъ имѣетъ тѣмъ больше значенія, если сопоставить рядомъ такія формы, какъ «грѣхъ», «крѣпко», «прѣщенію» 282, гдѣ опять постоянно пишется ѣ. И здѣсь дѣлаетъ исключеніе слово «плѣнити» со своимъ ѣ вм. ожидаемаго е: «плѣниша» 239, «поплѣни» 282.

Буква ѣ, получивъ право гражданства въ древнерусской письменности, существуя рядомъ съ ближайшимъ по родству знакомъ е, прилаживалась въ отдѣльныхъ случаяхъ къ особымъ функціямъ, которыя можно назвать чисто русскими. Одна такая функція, которую я выше обозначилъ выраженіемъ «южнорусскаго употребленія ѣ», была уже предметомъ спеціальнаго изслѣдованія проф. Соболевскаго въ «Очеркахъ». Возраженія Шимановскаго, въ частностяхъ не лишенныя основанія, въ существенномъ не достигли цѣли: нельзя съ нимъ согласиться,

что ѣ «галицковолынскихъ» памятниковъ равнялось іотованному ѥ. Скорѣе можно допустить, что это ѣ былъ узко-закрытый, по большей части подъ удареніемъ стоявшій, поэтому можетъ быть нѣсколько протяжный звукъ є (приблизительно французское é). Если принять его въ этомъ значеніи, то становится понятнымъ еще нѣсколько другихъ случаевъ особаго русскаго примѣненія буквы ѣ, о которыхъ говорилъ А. Шахматовъ въ изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ, на стр. 149—152. Стоитъ обратить вниманіе на то, что такое подъ удареніемъ стоящее ѣ (вм. є) очень часто предшествуетъ согласнымъ плавнымъ, напр. **«Тфѣрь»**, **«Корѣла»**, **«Єлефѣрии»**, **«серегѣрьскъıи»** и т. д. (изъ Новгор. лѣтописи). Припомнимъ себѣ польскіе глаголы: umierać, zbierać, pościerać, rozpościerać, которыми лучше объясняются малорусскія формы «умірати, збірати», чѣмъ мнимою аналогіею съ «літати» (стр. 63).

Отдѣльные случаи *и* вм. *ѣ* встрѣчаются сплошь да рядомъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, къ числу такихъ одиночекъ принадлежитъ «сидѣть» вм. «сѣдѣть», и «дитя» вм. «дѣтя». У глагола «сидѣть»[1] можно догадываться, что *с* было причиною перехода сочетанія сѣ въ си; слогъ си произносится менѣе мягко чѣмъ сѣ, оттого и въ южнорусскомъ нарѣчіи «сидіти», не «сідіти»; чешскій языкъ еще менѣе сочувствуетъ слогу «sě», лужицко-сербскій вовсе не выноситъ мягкаго s[2]). Къ слову «дитя» могу указать на параллель, правда нѣсколько отдаленную: у кайкавскихъ хорватовъ, произносящихъ обычное *ѣ* какъ *е*, все-же слышится уже давно «divojka» (не devojka), хотя только «devica». Въ древнерусской письменности имѣется примѣръ оборотной замѣны коренного и черезъ ѣ, въ глаголѣ **«стричи»** (**стрищи**): **«пострѣщися»** жит. Θеод. 5_4, **«острѣщи»** 6_3. Съ ѣ встрѣчалось мнѣ это слово чаще, въ памятникахъ не смѣшивающихъ впро-

[1]) У меня отмѣченъ примѣръ «Ѿсидѣ» въ Московской грамотѣ 1449 года, у Иванова подъ № 17.

[2]) Сл. въ русск. языкѣ «сажень» вм. «сѧжень» (уже въ XV, см. Калачовъ ак. юр. I, 440).

чемъ ѣ съ и. Замѣчательно, что Миклошичъ приводитъ случаи этого слова съ ѣ также изъ южнославянскихъ памятниковъ. Вмѣсто стараго «извисть»—такъ въ южнославянскихъ и русскихъ памятникахъ (напр. «извистью бѣлити» лавр. лѣт.$_2$ 390, «извистию маза» І новгор. лѣт. 53) — нынѣ говорятъ и пишутъ «известь». Точно такъ пишутъ нынѣ «кружево», въ старое же время писали — «круживо»: «круживы златыми ошитъ» ипат. лѣт. 541, «со круживомъ» ib. 604, «круживо кованое золотое» грам. 1685 года (Калач. II, стр. 26); въ основаніи лежитъ нѣмецкое «krause» (ср. Гриммовъ словарь, V. 2095), повидимому слово получило славянское окончаніе — иво.

Къ «отожествленію *ы* и *и*» (стр. 63—64), не представляющему никакихъ особенно важныхъ данныхъ, прибавлю только, что смѣшеніе ъı съ и изрѣдка попадается уже въ памятникахъ очень древнихъ, но трудно придавать такимъ единичнымъ примѣрамъ значеніе. Въ неновгородской софійской минеѣ XI—XII в. я нашелъ «възвишающа», примѣръ внушающій нѣсколько больше довѣрія, чѣмъ «нечьстывъıихъ» тамъ же, гдѣ первое ъı могло явиться по опискѣ подъ вліяніемъ ъı слѣдующаго слога. Въ словѣ Ипполита объ антихристѣ, памятникѣ тоже южномъ, видно такое же смѣшеніе ъı съ и въ «лъıсти бо рече желѣзнѣ» 37 въ сравненіи съ 41: «лъıстъı желѣзнѣ»; слово «лъıстъ», судя по формѣ двойственнаго числа «лъıстъı», склонялось по *ъ/и*-склоненію. Для галицкихъ грамотъ XIV—XV вѣка знаменательны такіе примѣры: «кобилъ» 1393 г., «не винимаючи» 1409 г., «с оуладикою» 1422 г., и на оборотъ: «грывенъ» 1427 г., «со млыны» 1438 г. Что касается колебанія между *ри* и *ры* (стр. 64), то оно несомнѣнно обусловлено плавною *р*, не любящей, какъ извѣстно, мягкости во многихъ западныхъ малорусскихъ говорахъ и почти повсюду въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (ср. на стр. 97).

Говоря о смѣшеніи *ы* съ *и* и ихъ совпаденіи въ одномъ твердомъ (южнославянскомъ) *и* для малороссовъ, слѣдовало коснуться помѣстнаго произношенія гласной *ы* какъ *э*. Оно мнѣ извѣстно по прислушиванію къ произношенію церковнославянскаго ъı

буковинскими русскими студентами; у нихъ слышится твердое и грубое *э*. Вѣроятно то же самое существуетъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, въ формахъ приводимыхъ у Шейна: «конь воронэй», «князь молодэй» 471, «святэй Микола» 77, «другэй мѣсичка» 53. Нѣчто похожее на эту черту находимъ въ псковской лѣтописи (второй) въ такихъ примѣрахъ: «въ Новеи городокъ» 22, «нѣмецкеи городокъ», «Опоцкеи, городицкеи» 32. Окончаніе «-кеи» могло бы быть результатомъ вліянія мягкости, слышной на сѣверѣ иногда даже въ именит. падежѣ «-ке» вм. «-ко», но «новеи» (если только не описка или опечатка) очень напоминаетъ окончаніе бѣлорусское *«эй»*.

«Переходъ *е* въ *а*» (на стр. 65—66) не совсѣмъ точно озаглавленъ, въ перечисляемыхъ случаяхъ *е* переходитъ не въ *а*, а въ *я*; поэтому было бы лучше изложить подходящія сюда явленія въ ближайшей связи съ переходомъ *е* въ *ё*. Вся трудность вопроса заключается въ томъ, когда и подъ какими условіями происходитъ переходъ *е* въ *я* вм. ожидаемаго *ё*. Повидимому здѣсь надо различать нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, каждый изъ нихъ могъ быть вызванъ особенными причинами. Легче всего поддаются объясненію примѣры различныхъ несклоняемыхъ формъ (нарѣчій) на ѣ, гдѣ въ концѣ слова ударяемое ѣ переходитъ въ *я*: «окромя́, нельзя́». Родоначальникомъ этихъ окончаній я считаю такъ называемое дѣепричастіе на *я*. Нельзя отрицать перехода ударяемаго *е* въ *я* въ такихъ примѣрахъ: «есмѧ́», «естѧ́», «менѧ́», «тебѧ́». Для «есмѧ» я не вижу лучшаго объясненія, какъ допустить переходъ изъ «есме» (сл. статью А. Шахматова въ моемъ «Архивѣ» VII, 68), по моему проф. Соболевскій напрасно избѣгаетъ это сопоставленіе (на стр. 114). Въ московскихъ грамотахъ 14-го вѣка употребляется еще постоянно род. винит. падежъ «мене», «тебе-тобе», «себе-собе» (напр. «мене» 1368, № 28, стр. 46, «отъ мене» 1341, № 23, стр. 37, 1356, № 25, стр. 40, № 26, стр. 43, 1362, № 27, стр. 44, «безъ мене» 1362, № 27, стр. 44, «тобе брата» 1362, № 27, стр. 44, «тобе кормити» ib. 45, «отъ тобе» 1341,

№ 23, стр. 37, 1362, № 27, стр. 45, 1368, № 28, стр. 46, 48, «у тобе» ib. 47, 1362, № 27, стр. 45, «передъ тебе» 1368, № 28, стр. 48, «на тебе» ib. 46, «на тобе» ib. 47, «безъ тобе» 1341, № 23, стр. 36, 1362, № 27, стр. 44, «отъ собе» 1362, № 27, стр. 45, «межи собе» 1341, № 23, стр. 37, «межи себе» 1368, № 28, стр. 48), но въ 15-мъ столѣтіи въ тѣхъ же оборотахъ чередуются уже формы «мене» съ «менѧ», «тебе-тобе» съ «тебѧ-тобѧ», «себе-собе» съ «себѧ-собѧ»: въ грамотѣ 1410 года, № 40, стр. 76: «промежы собѧ», а на стр. 77, «промежи себе», въ гр. 1428 года № 43—44 стр. 86, 89 «менѧ», 87 «тебѧ» (два раза), 88 «тобѧ»; въ грам. 1433, № 46 «тобе» 93 (три раза), 1433 года № 47 «мене» (94—95) нѣсколько разъ; 1433, № 48 «мене» два раза, «менѧ» разъ 96, «тобѧ» два раза 97, «тебѧ» 98, въ грамотѣ 1433, № 49—50 встрѣчается «мене» пять разъ, «менѧ» четыре раза, «тебе» два раза, «тобе» четыре раза, «тобѧ» три раза. Вмѣсто обыкновеннаго «боле» я читаю въ двинской грамотѣ XV вѣка (ак. юр. 110) «болѧ». Гораздо позже выступаютъ формы «кнѧзьѧ» и т. д., но уже въ московскихъ грамотахъ XIV вѣка находимъ фразу «по всимъ попьѧмъ» № 21, 22 (стр. 32, 34), какъ будто бы множ. число собирательнаго «попье»: «попьѧ» къ ед. числу «попъ».

Если разсматривать переходъ *е* въ *я* какъ чисто звуковое явленіе, безъ содѣйствія посторонняго фактора, неразгаданнымъ остается притоворѣчіе между переходомъ *е* въ *я* и *е* въ *ё*, почему; «бѣльё, житьё», а «князья́, мужья́»? Не руководился ли языкъ здѣсь въ звуковыхъ переходахъ не только чисто физіологическими причинами, а также вліяніемъ важной категоріи числа? Не перешло ли въ «мужья́» и т. д. *е* въ *я* какъ разъ потому, что это были формы множественнаго числа, въ которомъ языкъ могъ согласиться на окончаніе *а*, потому что оно было ему знакомо со словъ средняго рода, между тѣмъ какъ *ё* (jo) втянуло бы эти формы въ категорію словъ единственнаго числа? Какъ же объяснить тогда формы единствен. числа «меня», «тебя»? Тутъ, мнѣ кажется, втихомолку вліяла аналогія неисчезнувшаго сразу

винительнаго падежа «мѧ, тѧ». Нынѣшнія формы мн. числа «деревья», «каменья» перешли рядомъ съ «бра́тья», «господа́» и т. д. въ множ. число изъ собирательнаго значенія единственнаго числа, конечно тоже подъ сильнымъ вліяніемъ категоріи числа; собирательное слово какъ заключающее въ себѣ множество, перешло въ силу категоріи числа изъ единственнаго въ множ. число. Обязанность исторіи языка состоитъ именно въ томъ, чтобы опредѣлить по возможности точно время этого перехода. Въ грамотахъ 14—16 столѣтій мы находимъ еще склоненіе собирательныхъ по старинному, въ ед. числѣ: въ грам. 1518 года (акты юрид., стр. 165) при ед. числѣ «на пни», для мн. числа сказано: «а на пенье грани кладены»; въ грам. начала XVI вѣка (тамъ же, стр. 166): «а которое деревье ...на томъ деревьи»; въ сборникѣ XV—XVI в. рум. муз. № 358 (бѣлорусскомъ): «овы на колье посажа» (Бусл. ист. христ. 702), «на кольи» ib. 704 (или «на колѣхъ»). Въ акт. арх. эксп. I, № 187, стр. 164 (1539 г.): «бивъ кнутьемъ». Въ московскихъ духовныхъ грамотахъ XIV — XV вѣка, гдѣ о драгоцѣнной утвари рѣчь идетъ, употребляется постоянно «каменье» въ единственномъ числѣ, въ смыслѣ драгоцѣнныхъ камневъ. Въ томъ только случаѣ, если предшествовало числительное, могло уже въ XV столѣтіи собирательное имя переходить въ множ. число; въ грамотѣ 1483 года, № 233 (въ актахъ юрид.) читаемъ: «четыре стожья» (вм. «четыре стози» или «четыре стога», отъ собирательнаго «стожье»). Извѣстное мѣсто ипатской лѣтописи «начаша мертви падати, акы снопове» 584 — представляетъ, должно быть, существительное собирательное средняго рода.

Слова проф. Соболевскаго «великорусскіе говоры не знаютъ перехода ударяемаго *е* въ *а*» (стр. 65) высказаны м. б. слишкомъ рѣзко и рѣшительно, но и мнѣ кажется, что малорусское «каміння» и великорусское «каменья» развились самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Въ связи съ довольно поздними формами «дворяня» вм. «дворяне» — онѣ появляются съ конца XV столѣтія, сл. напр. въ грамотѣ 1529 года (акт. юрид., № 264):

«которые крестьѧнѧ» — могли бы имѣть нѣкоторое значеніе именительные падежи мн. числа ипатской лѣтописи очень часто оканчивающіеся на ѣ: «боѧрѣ» 581, 583, 591 и т. д., «татарѣ» 522, 523, «гражанѣ» 522, «измаилтѧнѣ» 518, «галичанѣ» 506, 514, 521, «берестьѧнѣ» 587, «козлѧнѣ» 520, «холъмлѧнѣ» 583, «боровѣ» 584, «царевѣ» 592, «лѧховѣ» 582, 584, «сыновѣ» 600, «татаровѣ» 563, 588 и т. д. Не хочу этимъ сказать, что въ правописаніи съ ѣ кроется прямо зародышъ позднѣйшаго *я*, но если наклонность къ написанію ѣ въ выше приведенныхъ примѣрахъ не дѣло случайное — припомнимъ еще изъ московской грамоты 1368 года, относящейся довольно чутко къ разницѣ между е и ѣ: «боѧрѣ» 47, 48 — то можно бы изъ упомянутыхъ примѣровъ выводить заключеніе, что уже тогда существовало особенное произношеніе гласной е въ концѣ выше упомянутыхъ словъ; можетъ быть это окончаніе уже тогда не совпадало съ обыкновеннымъ е, а слышалось, нѣсколько протяжнѣе, широкое ē; такимъ образомъ изъ «татаровѣ» могло образоваться «татаровѧ»: «одново брата убили татаровѧ за другово брата» (Вост. опис. рук. Рум. муз. 492); сл. именит. падежъ мн. ч. «рыболове» акт. арх. эксп. № 142, стр. 113 (1506 г.) и «рыболовѧ» тамъ же стр. 332, № 286 (1574 г).

«Переходъ *а* въ *е*» (стр. 66—68) разсказываетъ кой-о-чемъ мало вѣроятномъ. Въ сущности нѣкоторое значеніе имѣетъ только переходъ неударяемаго *я* въ *е*, слѣды котораго могли бы быть доказаны по памятникамъ, по крайней мѣрѣ съ XV столѣтія. Уже въ кіевской псалтыри 1397 года (если можно положиться на отрывокъ, напечатанный у Срезневскаго) находимъ: «прозебаѧ» 268, «заецемь» 269; въ маргаритѣ 1499 г. (опис. рук. синод. II, 2, 124) «заецъ избѣгши ис тенета»; въ грамотѣ 1478 года (Русск. лив. акты 233): «тисеча летъ», и въ московской грамотѣ 1481 г. (I, 267) «въ тысечю рублевъ». Даже такой сильно распространенный примѣръ, какъ «слышевъ» въ московскихъ грамотахъ вм. «слышавъ» (сл. грам. 1388 года, стр. 55 «что ты слышевъ» 2 раза, 1389, стр. 62, 1428, стр. 86, 88 и

т. д.) и нерѣдко повторяющіяся формы «лошедь», «рухледь» — не обратили на себя вниманія автора, вспомнившаго на стр. 71 о «ястребъ» вм. «астрабъ», но забывшаго указать на «зайца» черезъ «заеца» вм. «заяца». Сличи также «на поесницѣ» Калач. I. 522 (*е* вм. *я*). Припомнимъ еще разницу между нынѣшнимъ «нынче» и старымъ «нынѣча» или даже «нонѣча», напр. въ моск. грамотѣ № 33 (1388 года). Одну часть относящихся сюда случаевъ читатель «лекцій» найдетъ, не знаю почему, подъ главою толкующей объ «аканьѣ» (на стр. 70). Но какое отношеніе къ «аканью» имѣетъ «кнежá» вм. «княжá» или «паметь» вм. «память»?!

V.

Глава «аканье» (69—73) толкуетъ о разнообразныхъ явленіяхъ, по большей части не подходящихъ подъ это заглавіе. Если бы авторъ подъ «аканьемъ» хотѣлъ вкратцѣ охарактеризовать «московскій говоръ», то и это хорошее намѣреніе попало бы здѣсь не въ свое мѣсто. Если же онъ всѣ явленія русскаго языка, вызванныя по его выраженію «ослабленіемъ мускульнаго усилія при произношеніи» подводитъ подъ «аканье», то я позволю себѣ это опредѣленіе назвать не вполнѣ удачнымъ. Предоставляю физіологамъ рѣшить вопросъ, произошло ли дѣйствительно произношеніе *о* какъ *а* отъ «ослабленія мускульнаго усилія». Я знаю только[1]), что для гласной *а* хочется бо̀льшаго отверстія рта, чѣмъ для *о*; сомнѣваюсь, чтобы это болѣе широкое раскрытіе губъ доказывало «ослабленіе мускульнаго усилія»? Сомнѣваюсь также, чтобы тѣ явленія, о которыхъ здѣсь какъ о признакахъ «аканья» рѣчь идетъ, свойственны были исключительно акающимъ нарѣчіямъ

---

[1]) В. Даль говоритъ объ окающихъ, что они строятъ губы кувшиномъ, акающихъ же называетъ зѣворотыми и полоротыми. Наблюденіе это и по физіологіи — вѣрно.

русскаго языка. Быстрота произношенія неударяемыхъ слоговъ и въ связи съ ней нѣкоторая неопредѣленность гласныхъ всѣхъ этихъ слоговъ въ сравненіи съ преобладающею силою и значеніемъ ударяемаго слога и гласной его—эта замѣчательная черта русскаго языка не зависитъ только отъ «аканья», т. е. отъ произношенія неударяемаго *о* какъ *а*, она стоитъ въ связи съ преобладаніемъ ударенія въ русскомъ языкѣ, распространяется гораздо дальше аканья, обнимаетъ не только бѣлорусское и южновеликорусское нарѣчія, но также сѣверновеликорусское окающее, уступающее развѣ только въ произношеніи буквы *о* тѣмъ двумъ. Въ доказательство приведу изъ олонецкихъ былинъ: «жанихъ», «жаланный»; изъ образцовъ у Колосова: «красавицъ хорошій», «завтрешній день», «мизинецъ» и «мезинецъ» и т. д. Я нахожу и въ этихъ примѣрахъ доказательство быстраго произношенія, вслѣдствіе чего гласныя неударяемыхъ слоговъ, не доходящія до полнаго развитія, склонны къ переходамъ, или лучше сказать, производятъ на прислушивающагося къ произношенію и записывающаго не по привычкѣ, а по впечатлѣніямъ слуха, впечатлѣніе то того, то другого звука. То же самое легко подтвердить большимъ количествомъ примѣровъ изъ древнерусской письменности, памятниками не только акающихъ, но также окающихъ областей. Напр. въ грамотѣ сѣверной, напечатанной у Куника-Напіерскаго № 16: «ѡроужекмь»; въ первой новгородской лѣтописи рядомъ «да плеци» и «да плече», стр. 170 фотолитогр. изданія; въ той же лѣтописи пишутъ «троицкои» и «троецкои»; въ ипатской лѣтописи, стр. 81 «истеннаго», 424 «черноризицъ»; въ новгородскомъ требникѣ XIV-го вѣка: «ременицъ»; примѣръ «виликое» въ новгор. кормчей 1283 года (Срезн. 238) можетъ быть описка; въ палеѣ новгородской XIV вѣка (по отрывкамъ у Тихонравова, Пам. Отреч. лит. I): «внеде» 96, «патреарсѣ» 101, какъ настоящее время: «покаитеса, разгнѣваите» 124; въ грамотѣ 1300 года, Витебской, Срезн. 240: «своие» (вм. своее); въ грамотѣ новгор. XV вѣка (акты юрид., № 260): «тыи села досташетца» (вм. -шатца), «не въступатци» (вм. -ца); въ двинской грамотѣ

XIV—XV в. (тамъ же, № 71): «Єванъ» (вм. «Иванъ», можетъ быть впрочемъ вм. «Іованъ», какъ Іерданъ вм. Іорданъ?), «Илеѣино» вм. Иліинъ, «одирнь» возлѣ одернь, одерень; въ грамотѣ 1491 г. (сѣверной ак. юр. 13): «на ребинку» (вм. «рябинку»), «тридцеть» (вм. «тридцать»), «не вереме намъ было» (вм. «верemя»); въ грамотѣ 1503 года (ак. юр. 19): «спусте на третей день» (вм. «спустя»), въ грам. 1498—1505 г. (ак. юр. 14—15): «отъ великаго повѣтрея», въ грамотѣ Вишерской (тамъ же, стр. 415): «отъ Вѣшере» рядомъ съ «изъ Вѣшеры»; въ грамотѣ 1509 г. (область рѣки Устомы): «лѣсы и земля княжо Семеновы жы» (вм. «же») ак. юр. 164; въ гр. 1568 г. (ib. 126) «кузнеца» (вм. «кузница»); въ рук. троиц. серг. лавры XVI в. (Тихонравовъ. Отреч. кн. II 392) «пенье гнеетъ»; въ грамотѣ Устюжской 1622 года (тамъ же, 398): «по мирскую улицы» рядомъ съ «улицу», и т. д.

Примѣровъ вообще не такъ много, какъ бы можно ожидать по образцамъ нынѣшняго физіологическаго записыванія, но это доказываетъ только или извѣстную начитанность со стороны писцовъ, силу установившейся привычки, или же большую опредѣленность и внятность тогдашняго произношенія. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, эту сторону древнерусскаго вокализма надо было изложить полнѣе и не подводить всѣхъ отдѣльныхъ явленій подъ общее начало «аканья». Скажу кстати, что на примѣръ «домачадець» (стр. 69) нельзя указывать какъ на доказательство аканья; это слово писалось съ а уже въ церковнославянскомъ языкѣ. Зато изъ сѣверныхъ грамотъ, гдѣ оканье выходитъ изъ предѣловъ этимологіи, можно было привести нѣсколько случаевъ, характеризующихъ большую наклонность нарѣчія къ гласной о, какъ напр. «оть» вм. обыкновеннаго «ать»: въ новг. лѣтоп. I. 27 (стар. изд.): «оть поидемъ», въ грамотѣ новгородца Климента (Срезн. малоизв. пам. № 35) читаемъ: дaите ки четверть, ѡть не боудеть голодна»; сл. также «ѡче начнеши» (вм. обыкновеннаго «аче») въ кормч. новг. XIII в. Ист. библ. VI, 123. Къ примѣрамъ же, вошедшимъ въ употребленіе въ нынѣшнемъ правописаніи по

московскому произношенію съ *а* (какъ «калачъ» вм. «колачъ»), прибавимъ еще слово «баранъ» вм. формы съ о «боранъ», какъ писалось въ старину; въ домостроѣ «боранъ» (но тамъ же «бораний» и «бараний»); акт. юр. быт. Калач. I. 103 (—1462 г.): «боран», акт. арх. эксп. 1596 г., стр. 453: «десять борановъ»; «поромъ» рекомендуетъ нынѣ академическое руководство вмѣсто вошедшаго въ употребленіе «паромъ», встарину тоже писалось черезъ *о*: «въ поромъ выходитъ» акт. юр. 1585 г. (стр. 251); вм. «канатъ» въ старину писали «конатъ»: «конатъ тянути» акт. юрид. 330 (1642 г.). Возлѣ обще принятой формы суда́къ для названія рыбы имѣется еще и теперь въ простанародномъ языкѣ форма судо́къ; изъ преданій старины я могу засвидѣтельствовать только это послѣднее произношеніе: «сто судоковъ» акт. арх. эксп. I, № 66, стр. 49 (о. 1460 г.). Точно такъ встарину писали только «знахорь», сл. акт. юр. № 4, стр. 7 (до 1490 г. Калач. I. 170. Описка ли «до нога» вм. «до нага» Калач. I. 194 (1547 г.)?

VI.

Продолжительныхъ кропотливыхъ изслѣдованій хочется для того, чтобы со временемъ всѣ особенности древнерусскихъ нарѣчій или говоровъ вышли наружу; пока мы подбираемъ только камешки и укладываемъ ихъ въ родѣ мозаики въ картину, которой намѣчены до сихъ поръ только главныя очертанія. Большая часть явленій, о которыхъ рѣчь шла въ предыдущихъ замѣткахъ, разсѣяна по памятникамъ на подобіе пятнышекъ, недостаточныхъ для опредѣленія характера цѣлаго типа. Кто не чувствуетъ, насколько мелокъ и хрупокъ матеріалъ, которымъ мы поневолѣ должны пользоваться для постройки зданія!? да и въ достаточномъ количествѣ онъ не попадается. Такъ-то мы почти и не выходимъ изъ недоумѣній; наталкиваясь постоянно на пробѣлы, мы прибѣгаемъ къ догадкамъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Но мнѣ кажется, что въ главѣ, толкующей «о мелкихъ явленіяхъ

въ исторіи гласныхъ» (стр. 73—74), число догадокъ увеличилось нѣсколькими ненужными соображеніями. Новгородскому говору приписывается какое-то особое чередованіе и съ ɛ на основаніи такихъ примѣровъ, какъ «твориць», «прегрешинию», «бещистье». По моему «твориць» написано просто потому, что въ подлинникѣ, съ котораго списано, стояло «творѣць», и «прегрешинию» или «бещистье» по той же причинѣ; я убѣжденъ, что невѣрно выводить отсюда для живого языка произношеніе «чисть» рядомъ съ «честь». Въ доказательство же, что встарину нерѣдко передавали окончаніе *ьць* черезъ *ѣць* (ударяемое и вслѣдствіе мягкости слѣдующей согласной узко, нѣсколько закрыто, произносимое *е*), приведу изъ ипатской лѣтописи: «конѣць» 399, «сыновѣць» 407, «Ростовѣць» 409, «младенѣць» 415, «творѣць» 431 и т. д.; тамъ же «чѣсть» 404. Какъ въ ипатской лѣтописи не будемъ вслѣдствіе этого искать новгородскихъ элементовъ, такъ и въ написаніяхъ «твориць» и т. д. не нужно придавать слишкомъ много значенія единичнымъ примѣрамъ, совпадающимъ съ указаннымъ орѳографическимъ пріемомъ ипатской лѣтописи. Очень сомнительно также предположеніе, что примѣры возвратнаго мѣстоимѣнія *си* (см. *ся*) непремѣнно вызваны тѣми очень немногочисленными случаями, гдѣ уже въ церковномъ языкѣ писалось *си* (стр. 74). Не лучше ли допустить переходъ неударяемаго *ся* въ гласную, вслѣдствіе ея неопредѣленности трудно уловимую, такъ что произношеніе иногда было похоже на *си*? Трудно согласиться съ авторомъ, когда онъ на основаніи примѣра «забувена», найденнаго, кажется, только разъ, дѣлаетъ выводъ, что тогда уже говорили и «булъ» (стр. 74).

VII.

Въ статьѣ «Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ» (стр. 74—78) поражаетъ безцеремонность, съ которою проповѣды-

вается «исчезновеніе ѣ» въ род. падежѣ ед. ч. ж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій, какъ «доброѣ», «тоѣ»; изъ «доброѣ», «тоѣ» образовалось-де нынѣшнее «доброй, той» такимъ образомъ, что прежде всего *ѣ* исчезло, а послѣ исчезновенія его осталось j: «доброj, тоj». Съ этимъ мало вѣроятнымъ, грубо механическимъ объясненіемъ соперничаетъ развѣ только догадка автора, что найденные имъ нѣсколько примѣровъ, какъ «сило» (вм. силой), «молитво» (вм. молитвой), «мно» (вм. мной), доказываютъ будто бы непривычку писцовъ передавать въ письмѣ новыя формы «силой, молитвой, мной»! Не проще ли подозрѣвать въ упомянутыхъ примѣрахъ описки? а вмѣсто исчезновенія ѣ я предпочитаю придерживаться такого взгляда, что неударяемое *ѣ*, въ концѣ слова послѣ гласныхъ *о-е-ы*, въ произношеніи ослабѣвало и слышалось сначала какъ очень краткое *е-и*, потомъ же изъ сочетаній *ое-ои* вышло *ой*, при чемъ доля вліянія на этотъ послѣдній ходъ къ сокращенію принадлежала, должно быть, дательному падежу того же рода и числа. Примѣры съ *е* вм. *ѣ* попадаются довольно рано, напр. въ смоленской грамотѣ 1230 года (у Срезн. 224): «оу вольное жены», «ис которое земле»; въ такой же грамотѣ 1284 года (тамъ же 238): «грамоты сее»; въ витебской грамотѣ 1300 года (тамъ же 240—1): «свое братье», «вашее братие», «безъ виньное вины», «тое обиды», «всякое неправды». Еще больше значенія имѣютъ московскія грамоты: «бабы нашее куплю» 1328 года, гос. грам. I, 35, «володимерьское волости» 1355 года I, 38, «оу моее княгини» ib., «ис тамги ис московское» 1356 года I, 40, «ис коломеньское» ib. Рядомъ съ окончаніемъ *ое* попадается, сначала изрѣдка, потомъ же все чаще также окончаніе *ои*: въ смоленской правдѣ 1230 года по списку F. § 11: «оу своеи жены»; въ русской правдѣ по синодальному списку: «оу которои татьбы» (Мроч. Дрозд. 56); «пьрвои жены» (ib. 60), «ѡдинои мтри» (род. падежъ, рядомъ съ «двою моужю»); въ грамотѣ новгородской 1270 года: «изъ инои волости новгородьскои», «разве ратнои вести» (Шахм. 242), «ѿ своеи братии» Напьер. № 9 (1301 года), «изъинои волости» 1327 года (Шахм. 262).

Въ московскихъ грамотахъ древнѣйшихъ *ое* еще не переходило въ *ои*, но уже въ XIV вѣкѣ встрѣчается *ии* вм. *ие* или *иѣ*: «не будетъ на немъ милости божии» 1389 года I, 61 (тамъ же «у большиѣ братьи»), «безъ всякии хитрости» (тамъ же на стр. 64, но на стр. 57 «безъ всякые хитрости»); въ грамотахъ XV столѣтія: «из моеи отчины» 1449 года, Иван. № 17, «грамоты моеи» 1451 года, Иван. № 19, «из моеи отчины» 1472 года ib. № 23. Колебаніе между *е* и *и* въ концѣ слова, въ открытомъ слогѣ, послѣ гласной, видно также въ другихъ примѣрахъ, гдѣ *е-и* не сократилось въ *й*: «покладени» и «поклажее» въ грамотѣ московской 1433 года I, 104; рядомъ съ «которыѣ бояре» 1388 года I, 57 имѣется «которыи бояре» 1389 года I, 63. Окончанія эти потомъ стали различать по роду, *ыи* вошло въ употребленіе для мужескаго, *ыѣ* и *ые* для женскаго и средняго рода; напр. въ московской грамотѣ 1341 года I, 36: «которыи люди», гр. 1388 года I. 56, и 1389 I, 63 «которыи суды», гр. 1388 года I, 56 «которыи слуги», гр. 1389 года I, 63 «черныи люди»; напротивъ: «которыѣ деревни» 1389 года I, 60, («села) которыѣ тягли» 1389 года I, 59 и т. д., но это правило не безъ исключенія: гр. 1356 года I, 39, «численыѣ люди», «купленыѣ бортници», или «инъıи которъıи пошлинъı» акт. археогр. I, 2 (1361—1364); «горныи орамыи земли» двинс. грам. XV вѣка (акт. юрид. № 71, 4).

Переходъ формы «вѣдѣ» въ «вѣдь» состоялся тоже не прямымъ исчезновеніемъ *ѣ*, а сокращеніемъ «вѣдѣ» черезъ «вѣде-вѣди» въ «вѣдь». Сокращеніе неударяемаго *е* или *и* въ концѣ слова, въ открытомъ слогѣ, можетъ быть засвидѣтельствовано не только вышеупомянутымъ случаемъ перехода *ои* въ *ой*, но еще такими примѣрами, какъ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *тъ* (вм. *ти*), окончаніе нѣкоторыхъ нарѣчій или падежей, употребляемыхъ въ качествѣ несклоняемыхъ оборотовъ, и т. д. Проф. Соболевскій не хотѣлъ бы *тъ* неопредѣленнаго наклоненія выводить изъ *ти* (стр. 117 и 181), но хоть бы и произошло нѣкоторое вліяніе на это сокращеніе со стороны дости-

гательнаго *тъ*, — впрочемъ это еще вопросъ, можетъ быть скорѣе сокращенное окончаніе неопредѣленнаго *тъ* ускорило смѣшеніе съ нимъ, слѣдовательно и потерю достигательнаго — все таки необходимо допустить, что окончаніе *тъ* относится къ полному *ти* неопредѣленнаго наклоненія точно такъ, какъ напр. «домовь» къ «домови» или «доловь» къ «долови» (см. примѣры въ грамотѣ 1230 г. у Срезн. стр. 224, госуд. грам. I, 52, псков. лѣтоп. I, 181 и т. д.) или какъ частица «будь» въ «ни будь» къ полному «буди» (полная форма оставалась очень долго въ употребленіи, сл. напр. «кто ни буди» акт. археогр. I, № 5, 1361—5 г., «какова крѣпость ни буди» акт. юрид. 151, 1567 года), или какъ нынѣшняя частица «де» къ прежнему «деи» («деи») встрѣчающемуся въ грамотахъ очень часто: «а лежать деи тѣ пустоши», «лѣсомъ деи поросши» 1478 года Иван. № 23, «что деи выменили» 1483 года ib. № 25, «въ тѣ деи въ ихъ лѣсы» 1485 года ib. № 26, «ижь дѣи нашее братьи много выбегло» русск. лив. акты 242, XV в., «ино дѣи князь поимавъ ихъ держитъ» ib., но въ грам. 1642 года, Ив. № 66: «въ коломенскомъ де уѣзде», наконецъ какъ «мать» и «дочь» къ прежнему «мати», «дочи» (ср. напр. форму «мати» въ москов. грамотахъ I, 80, 83 и т. д., «дочи» въ двинск. грамотѣ XIV—XV в. акт. юр. № 71, стр. 112, ипат. лѣт. 538).

Параллельно съ «вѣдь» изъ «вѣдѣ» идутъ «прочь», «опрочь» изъ «проче», «опроче» (въ москов. грамотахъ чередуются «опроче» и «опрочь»), «лишь» изъ «лише» (сл. «лише» въ смоленской правдѣ § 19), «ужь» изъ «уже», «ижь» изъ «иже». Для сокращенія безразлично, оканчивается ли первоначальная форма слова на *ѣ* или *е* или *и*. Поэтому и форма «хотя» предполагаетъ переходъ въ «хоть» черезъ «хотѧ-хоте-хоти»; «хоти» изъ «хотѧ» напоминаетъ «си» изъ «сѧ», сокращенію «си» въ «сь» соотвѣтствуетъ форма «хоть» изъ «хоти», полную форму «хоти» можно засвидѣтельствовать: «хоти до десѧти сводовъ» акт. арх. эксп. I № 150 стр. 121 (1509 г.). Укажу еще на примѣръ «бышь» вм. «быша» черезъ «быше», въ грамотѣ 1300 года (у Срезневскаго 240)

читаемъ: «какъ то бышь иние люди боялися», «то wни бышь на тя не жаловали».

Переходъ изъ *ю* въ *й* состоялся тоже посредствомъ произношенія неударяемаго въ концѣ слова стоящаго открытаго *ю* какъ *и*=*е*, такъ что изъ полнаго *ою*, *ею* посредствомъ *ои-еи* образовалось *ой-ей*. Къ примѣрамъ перехода *ю* въ *и* послѣ согласной прибавлю еще «межи» вм. «межю». Въ русскихъ памятникахъ окончаніе *и* въ этомъ словѣ («межи») — явленіе очень любимое, см. «межи симь» въ монаст. уставѣ XII в. Срезн. 185; въ новг. лѣтописи I, 59, 100: «межи собою»; въ московскихъ грамотахъ съ конца XIV вѣка пишутъ уже «межы»: «межы насъ» гр. 1371 года № 31; изъ «межи» или по твердому произношенію «межы» сокращеніемъ выходитъ «межъ», изъ «промежи»: «промежъ». Въ смоленской правдѣ (1220—1230) въ рукописи А. (самой старшей) «промьжю», въ В. С. «промежи», тамъ же А. «мьжю», D. «межю»: B. C. F. «межи», E. «мѣжи» и т. д.

Къ примѣрамъ отпаденія гласной въ концѣ слова можно бы причислить еще «покамѣстъ» вм. прежняго «покамѣста» («покамѣста и монастырь стоитъ» грам. 1367 года, акт. юр. № 125), но здѣсь сокращеніе произошло должно быть въ соотвѣтствіе выраженію «до тѣхъ мѣстъ». Въ «обаполъ» (грам. лит. 1387 года у Срезн. 267) вѣроятно произошло сокращеніе изъ «обаполы», по аналогіи съ «об онъ полъ».

Есть примѣры выпаденія гласныхъ съ предшествующимъ сокращеніемъ. Изъ «колико», «толико» вышло «колько», «только»: новгор. гр. 1327 года: «колько боудеть далъ» Шахм. 262; изъ «алюбо» образовалось «альбо»: «хто коли сюю грамоту видить алюбо слышить» грам. 1387 г. литовская, у Срезн. 266, «любо братъ, алюбо иные которые люди» ib., «русинъ алюбо руска» гр. 1349 года Смирн. стр. 59, «продати, алюбо кому дати, алюбо къ монастырю придати» гр. 1492 года Смирн. 100, — напротивъ: «рѣкою Нѣмномъ альбо сухимъ путемъ» грам. 1576 года Смирн. 122. Изъ «дѣля», употребляемаго въ грамотахъ XIV—XV вѣковъ, образовалось «для», несомнѣнно

посредствомъ промежуточнаго *«делѧ», *«дьлѧ». Изъ бывшаго «нынѣча» вышло черезъ «нынеча» и «нынича» (въ моск. грамотѣ 1433 года, гос. гр. I, № 49—50: «что ми сѧ еси нынеча отступилъ», «что ти сѧ есмь нынича отступилъ») нынѣшнее «нынча, нынче». Формы «старшій», «старшина» вышли изъ «старѣйшій, старѣйшина» посредствомъ «старишій, старишина, старишинство»: въ московской грамотѣ 1389 года I, 61 «старишему», тамъ же I, 58 «на старишии путь», въ гр. 1433 года I, № 49, стр. 100: «въ старишиньствѣ».

Не думаю, что бы случаи добавочнаго *и* въ началѣ нѣкоторыхъ звуковыхъ сочетаній могли быть объяснены простымъ смѣшеніемъ двухъ различныхъ предлоговъ «изъ» и «съ», какъ это кажется проф. Соболевскому на стр. 77. Наклонность языка къ такому *и*, должно быть, предшествовала упомянутому смѣшенію двухъ предлоговъ. Примѣры, попадающіеся въ грамотахъ юго-западнаго края: «при воеводѣ илвовскомъ» (1371 года), «воевода ілвовъскыи» (1400 года), «илвовского мѣста» (сучав. грам. 1407 — 1434 годовъ), свидѣтельствуютъ о томъ, что это *и* является и помимо предлога «ис», хотя послѣдній случай самый обыкновенный; сл. «ис королемъ» 1340 года, «ислюбѹемъ», «исполна», «оучинити исправу ис нимь» тамъ же; «поити ис татары» 1349 года Смирн. 59.

Проф. Соболевскій полагаетъ, что примѣръ «рьку» не имѣетъ ничего общаго съ прочими случаями сокращенія, и потомъ выпаденія гласной внутри слова. По моему это не совсѣмъ вѣрно. Указаніе на чешскій языкъ, гдѣ тоже имѣется «řku» не заключаетъ еще въ себѣ доказательства, что *ѣ* въ настоящемъ времени глагола «реку» относится къ «древнѣйшей обще-славянской эпохѣ». Если бы это было такъ, то мы ожидали бы во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, стало быть и южно-славянскихъ, формы, производимыя изъ «рькѫ», какъ мы дѣйствительно находимъ въ сербскомъ мрêм, трêм (и тӑрêм). Формы «рку», «ркомый» и т. д., встрѣчающіяся въ древнорусскихъ памятникахъ очень часто, развились подъ вліяніемъ аналогіи повелительнаго

наклоненія, какъ въ русскомъ такъ и въ чешскомъ языкѣ, но въ каждомъ самостоятельно. Къ глаголу «рьку» можно прибавить также иныя формы глагола «жещи—жегу»: и здѣсь языкъ русскій чаще сокращаетъ коренное *е* въ *ъ*, чѣмъ церковнославянскій.

Вмѣсто «пуговица» встарину писали правильнѣе пугвица (сл. Калач. юр. б. I. 563); нынѣшняя форма слова образовалась, должно быть, подъ вліяніемъ параллельной формы пуговка.

Къ очень коротенькой замѣткѣ относительно стяженія гласныхъ (на стр. 79) прибавимъ слѣдующее. Авторъ относится черезъ-чуръ скептически ко всѣмъ примѣрамъ стяженія, найденнымъ имъ въ памятникахъ. Допустимъ, что примѣры его дѣйствительно не заслуживаютъ большого довѣрія, но есть вѣдь другіе, вполнѣ убѣдительные. Въ московской грамотѣ 1433 года (гос. грам. I, № 49—50, стр. 104) два раза написано «сказывашь»: «а что сказывашь занялъ еси», «на кабалахъ, сказывашь, то серебро еси подписалъ». Повтореніе той же формы ставитъ ее выше всякихъ подозрѣній; какъ вставка, въ родѣ «бишь» (т. е. баишь), она легче всего поддавалась сокращенію, такъ что «сказывашь» можетъ быть не настоящее стяженіе, а сокращеніе быстро происносимаго: сказываешь: сказывайшь: сказывашь. У автора не указанъ ни одинъ примѣръ употребленія словъ «инъ», «ини», «ино» въ смыслѣ и значеніи «и онъ», «и они», «и оно» во второй части сложнаго предложенія или періода. Мнѣ кажется, что здѣсь «инъ» дѣйствительно образовалось, хоть и не стяженіемъ изъ «и онъ», такъ выпаденіемъ *о* какъ менѣе важной гласной, чѣмъ союзъ *и*: «а си грамота аже будетъ князю нелюба, инъ отошлетъ» № 31 стр. 53, 1371 года, «а будетъ князь.. съ литвою въ любви, ино и Олегъ.. въ любви» № 32 р. 54, 1381 года; «а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, ини исправу учинять» № 33 стр. 56, 1388 года, «а тѣ (т. е. земли) хто взможетъ выкупити, инѣ выкупятъ; а не взмогутъ, инѣ потянутъ къ чернымъ людемъ» ib. «а потомъ ина дасть (sc. княгини)» № 39, 1406 года.

VIII.

«Исторія согласныхъ звуковъ» (стр. 80 — 104) построена по той же мало удовлетворяющей системѣ, какъ исторія гласныхъ. Намъ пришлось бы повторить нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя уже выше (см. на стр. 30—31), если бы захотѣли войти въ подробности. Изложеніе касается сначала «слѣдствій исчезновенія глухихъ», они представлены въ столь обширныхъ размѣрахъ, что почти всѣ звуковыя перемѣны, относящіяся къ согласнымъ, вытекаютъ изъ одной этой причины. Нельзя дѣйствительно отрицать, что «исчезновеніе глухихъ» отозвалось въ языкѣ, не сразу, а мало по малу, длиннымъ рядомъ сближеній между согласными, состоявшихся послѣ паденія бывшихъ перегородокъ. Но только немногія изъ этихъ сближеній водворились въ языкѣ какъ общее правило не только для устнаго произношенія, а также для передачи въ письмѣ (напр. «здравъ — здоровъ»); въ большинствѣ случаевъ сближеніе ограничивалось устнымъ произношеніемъ, въ письмѣ же мелькаютъ слѣды его лишь какъ ускользнувшія отъ вниманія писцовъ исключенія. Казалось бы, оба эти случая не должно смѣшивать; но у автора различіе между примѣрами какъ «здоровъ» (вм. бывшаго «съдоровъ, сдоровъ») и «з дѣтьми, з голода» (вм. съ дѣтьми, съ голода) не проводится. Въ живомъ произношеніи языкъ подчиняется физіологическимъ законамъ, которые и въ наиболѣе усовершенствованномъ фонетическомъ правописаніи могутъ быть лишь отчасти выражены. Въ древнерусской письменности историческое уваженіе преданія было сильно развито; правда, что историческая переимчивость такимъ образомъ застилала многія физіологическія особенности древне-русскихъ нарѣчій, но не надо вѣдь забывать, что этотъ недостатокъ, чувствительный для филологовъ, окупался той громадною услугою, которую онъ сослужилъ идеѣ народнаго единства. Живучесть же этой идеи не въ малой степени зависѣла отъ единства культурно-

религіознаго, въ которомъ языкъ всегда игралъ видную роль. Итакъ историкъ языка безъ ропота беретъ на себя кропотливый трудъ отыскивать слѣды древнерусскаго произношенія по немногочисленнымъ, лишь случайно и для самого писца незамѣтно ускользнувшимъ отступленіямъ отъ литературнаго преданія. По этому конечно и я не отрицаю значенія для исторіи древнерусскаго произношенія такихъ не очень многочисленныхъ «описокъ», какъ «тъчеръ» — «тъчери» лавр. лѣт. 74, «лотка» (вм. «лодка») акт. юр. № 18, стр. 37 (1530 г.) или «за хрептомъ» ibid. стр. 275 (1512 г.), или «дорошкою» акт. юр. кал. I, 49, и т. д.

Нельзя сказать, чтобы въ лекціяхъ проф. Соболевскаго было много сдѣлано для достиженія этой цѣли. Подъ заглавіемъ «ассимиляція и диссимиляція» приводится нѣсколько заурядныхъ примѣровъ, вовсе не исчерпывающихъ предмета. Напримѣръ переходъ безгласнаго *с* въ голосовое *з* вовсе не такъ важенъ передъ *б*, *г*, *д*, какъ передъ гласными, и передъ *л*, *р*, *м*, *в*, гдѣ онъ указываетъ на различія нарѣчій. Въ великорусскомъ нарѣчіи говорится «сверхъ». въ малорусскомъ «зверхъ»; это такая же разница какъ въ этомъ же пунктѣ между нарѣчіемъ сербохорватскимъ и словенскимъ. Въ «лекціяхъ» по исторіи русскаго языка о ней говорится не здѣсь, какъ ожидали бы, а вкратцѣ намекъ сдѣланъ на нее на стр. 77, между тѣмъ какъ о предлогѣ «одъ» вм. отъ упомянуто именно здѣсь, на стр. 82. Эта непослѣдовательность автора можетъ произвести невѣрное впечатлѣніе, какъ будто бы оба явленія не были однородны. О переходѣ звука *к* въ *х* говорится два раза отдѣльно, тогда какъ было бы лучше подвести примѣры «хто» вм. «кто» и «мяхкій» вм. «мягкій» подъ одну группу. Для прилагательнаго «лехкій» не указано даже ни одного примѣра; приведемъ хоть бы слѣдующій, изъ одной литовской грамоты 1456 года: «абыхомъ имъ мыта полехчили», въ рязанской кормчей 7а читаемъ: «ѡблекчаемъ». Стоило также рядомъ съ «хто» указать на «лахти», напр. въ Домостроѣ («лахти свои оутверждаетъ на вретено») или «ѿ лохти» Тихонр. пам. отреч. II. 359, и даже въ предлогѣ: «что х тому селцю и к

деревне потягло» въ акт. Калач. I, 449 (1479 — 1556). Гдѣ о переходѣ *к* въ *г* рѣчь идетъ, не слѣдовало обойти молчаніемъ предлогъ «**поперегъ**» (вм. «**поперекъ**»), встрѣчающійся уже въ одной юго-западной грамотѣ 1340 года; сл. также акт. юр. № 11 стр. 23 (1504 г.): «**поперегъ рѣчки**», тамъ же № 19 (1532 г. стр. 39) «**поперегъ поля**», № 150 стр. 167 (1554 г.) «**поперегъ болотца**». Появленіе звука *г* здѣсь объясняется, должно быть, такъ же какъ *з* въ «**через**» вм. «**черес**» («**через берестие**», «**через дорогычинъ**» и рядомъ «**чересъ мелникъ**» грам. лит. кн. 1341 г. Смирн. № 54), т. е. число случаевъ, гдѣ подаваясь вліянію существительныхъ, съ голосовыми согласными въ началѣ, состоялось уподобленіе стоявшей въ концѣ предлога согласной, переходомъ безгласной въ голосовую, увеличилось на столько, что говорящіе и пишущіе привыкли послѣднюю форму предлога считатч нормальной. Я убѣжденъ, что и слово «**четвергъ**» не образовалось суффиксомъ *гъ*, какъ иные полагаютъ, а вышло изъ косвенныхъ падежей, гдѣ сначала произносилось «**четвьртъка**», потомъ «**четверка**», и наконецъ «**четверга**»[1]); изъ косвенныхъ падежей вынутъ по аналогіи именительный «**четвергъ**» вм. «**четвертокъ**». Въ памятникахъ XV вѣка попадаются еще обѣ формы: въ грамотѣ югозап. 1422 года «**четвертокъ**», въ такой же 1426 года «**четвергъ**».

Къ различнымъ переходамъ, выходящимъ наружу при сочетаніяхъ съ небными, шипящими, согласными не прибавленъ часто встрѣчающійся случай замѣны *ш* звукомъ *ч* послѣ зубныхъ согласныхъ, на чемъ основано нынѣшнее правописаніе «ветчина» вм. прежняго «**ветшина**», о которомъ я обширно распространился въ моемъ «Архивѣ» IX, 314. Сличи въ акт. юр. 126 «**ветчаны**», тамъ же 249 «**молодчихъ**», тамъ же 47 «**покрадчи**», тамъ же 30 «**залетчи**» вм. «**залѣзши**», и «**перелѣзчи**» вм. «**перелѣзши**», акт. арх. эксп. I, 389 «**прочетчи**», «**ѣдчи**» Кал. I. 195. Тамъ же

---

[1]) Мягкость *р* видна изъ такого примѣра: «четвьрътъкъ» мон. уст. XII в. Ср. 184.; въ кормчей XIII в. пишутъ рядомъ «четвергъ» и «четверкъ» Ист. библ. VI. 122, 123.

мною объяснено также нынѣшнее «богаче» вм. «богатче» (изъ «богатше»). Не упомянутъ также случай перехода группы *скъ* въ *ще* (вм. *сцъ*), засвидѣтельствованный витебскою грамотою около 1300 г. (у Срезн. стр. 240—241): «оу Витебьщe», «оу Смоленьщe»; сл. «щеголь», вм. «сцѣглъ», (серб. цйглй); *щ* послѣ зубныхъ упрощается въ *ч*: «шестеры ворота тчанные» (вм. дщанные, акт. юр. Кал. I. 225, 1561 г.), «поручикъ» писалось прежде «порутчикъ» (акт. юр. Кал. I. 263, 1646 г.) вм. «поручщикъ»; *ч* передъ *н* слышится какъ *ш* въ нынѣшнемъ «конечно» и т. д., поэтому въ акт. юр. № 259, 1551 г. «останошнему взять останошной и жеребей»[1]), сл. Срезн. м. п. № 27: «клюшникъ»; Калач. I. 283 «обышныхъ», 293 «пушешная», 361 «урошные», 520 «мелнишного».

Переходъ *тс* въ *ц* не совсѣмъ то, что переходъ *жс*, *шс* и *чс* въ *с*, *ц*; въ первомъ случаѣ собственно и нѣтъ утраты звука, такъ какъ *тс* слилось въ одинъ звукъ *ц*; напротивъ въ *жс*, *шс* и *чс* (т. е. *тшс*) мы замѣчаемъ утрату шипящей согласной, уступившей передъ свистящей. Къ примѣрамъ, приведеннымъ на стр. 81, прибавлю еще: «съ онѣскіе (вм. онѣжскіе) стороны» акт. юр. 127, «мускіи» (вм. мужскій) акт. Калач. I, 57.

Наоборотъ въ «шести» *ш* поглощаетъ *с* и образуетъ косвенные падежи «шти» (вм. шьсти), сл. у Собол. стр. 51 или въ псков. лѣт. I, 302 «шти лѣтъ», Калач. I. 86 «со шти сотъ».

Къ случаямъ выпаденія согласныхъ можно бы прибавить еще много различныхъ примѣровъ. Между прочими обращаетъ на себя вниманіе число «седмь», существующее въ формѣ «семь» уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: въ остр. ев. 19 a «въ годинѫ семѫѭ», въ изб. 1073 года 196 d «дьнии семь», мин. 1096, стр. 71: семаго събора», въ гал. ев. 1144 г. «семь» (Бусл. Хр., стр. 45, Амфил.), въ надписи 1161 года «семию съборъ»; въ син.

[1]) Нигдѣ я не наткнулся въ «лекціяхъ» на замѣчательный новгородизмъ «сторовъ» вм. «здоровъ»: «приндоша сторови» новг. лѣт. I, фотолит. 25, 101, «придоша сторови вси» ib. 72, 76, «сами сторови вси коротишася» 87. И въ лужицко-сербскомъ языкѣ говорится «strowy».

патерикѣ (Срезн. свѣд. м. п. № 82, стр. 51) «часъ семъіи», усп. соб. сб. «семое небо», «семаго небесе» Библ. м. I. 16, 17. Ср. въ моск. грамотѣ 1389 года: «полъ сема рублю» Г. Гр. I. 61. Выпаденіе *д* въ словѣ «горазно» встрѣчается гораздо раньше, чѣмъ указано въ лекціяхъ, а именно въ послѣсловіи Остромирова евангелія: «горазнѣю». Стоило указать также на выпаденіе *г* въ нынѣшнемъ малорусскомъ «зозуля» и «зазуля», бѣлор. «зязуля» вм. «зегзуля» при старомъ «зегзицю» въ словѣ о П. Игор. изд. Потебни 134—135, и въ глаголѣ «разгнѣвати»: «разнѣвавъ же сѧ бъ» изб. 1073, 145 с., «азъ ражнѣвахъ сѧ» 99 а, сл. у Срезн. малоизв. пам. № 32 (стр. 28); «ражнѣва сѧ», житіе Савы 313 «разнѣвавъ сѧ». Это выпаденіе, случавшееся только иногда, напоминаетъ нынѣшнюю особенность русскаго языка не произносить *г* передъ *н* въ: «двинуть, тянуть»; на повѣрку выходитъ, что уже въ XIII вѣкѣ такое *г* выпадало: «вамъ потѧнути» Шахм. 244 (гр. новг. 1294—1301), но не всегда: «не тѧгнеть» Шахм. 250, «тѧгноуло» ib. 251; ср. въ моск. гр. 1388 г. I. стр. 56: «нонѣча потѧнуть», акт. юр. Калач. I. 91 «потѧнуть», ib. 112 «не тѧнут» (1471 г.).

Если припомнимъ примѣръ «обязать», то конечно каждому понятно, что тутъ изъ сочетанія *бв* вышло *б*; но не мѣшало бы указать на подобнаго же рода примѣръ въ глаголѣ «обестити» (лучше «обѣстити»), вм. об-вѣстити: «и ѡбестилъ сю тобе» витебск. грам. ок. 1300 у Срезн. стр. 241, руссколив. акт. стр. 27, сл. въ грамотѣ смоленской 1229—30 г. по рукописи D. E. F: «нъ переже обестити (vl. ѡбѣстити) емоу» русск. лив. акт. 435. Укажу еще на особенный случай выпаденія *в* въ слѣдующемъ примѣрѣ: «съ берми» акт. юр. 123, (вм. «берклми»).

Замѣчу кстати, что мнѣ не кажется правдоподобнымъ производство глагола «очнуться» изъ «очхнуться», я думаю, что «очнуться» вышло изъ «очутнуться» — «очунуться», съ послѣднимъ сличи глаголъ «съчюнутисѧ» или «съцюнутисѧ» въ Истор. библ. VI. 837.

Не упомянуто объ одномъ нѣсколько загадочномъ случаѣ

вставки согласной. Уже въ Остром. евангеліи 103 а читаемъ «змлиѭ», Востоковъ сдѣлалъ справедливое замѣчаніе въ словоуказателѣ, что «змлиꙗ» не есть описка, ибо оно встрѣчается и въ другихъ древнихъ рукописяхъ. Дѣйствительно могу указать по крайней мѣрѣ на слѣдующій примѣръ у Срезневскаго, стр. 196: «плѣзеть акы змлиꙗ» (изъ Златоструя XII вѣка).

Въ особенности же можно было ожидать, что авторъ не забудетъ или здѣсь, где о вставкѣ согласныхъ рѣчь идетъ (стр. 83), или тамъ, гдѣ разсказывается о переходѣ *в* въ *у* и наоборотъ, разъяснить интересный случай согласной *в* въ оборотахъ: «вотчина», «вудѣлъ» и «вопчій». Такъ какъ эти примѣры попадаются въ московскихъ грамотахъ, то нѣтъ другого болѣе естественнаго объясненія для *в*, какъ сказать, что это формы, сросшіяся изъ существительнаго или прилагательнаго и предлога *въ*, т. е. изъ именительнаго «отчина» вышло въ винит. падежѣ «в-отчину» и въ мѣстномъ «в-отчинѣ»; изъ «удѣлъ»: винит. падежъ «в-удѣлъ», мѣстный падежъ «в-удѣлѣ». Потомъ же привыкшіе къ оборотамъ «в-отчину», «в-отчинѣ», и «в-удѣлъ», «в-удѣлѣ», вынули отсюда новый именит. падежъ «вотчина», «вудѣлъ». Этотъ ходъ развитія можно доказать примѣрами: въ древнѣйшихъ моск. грамотахъ читаемъ «своꙗ отчина» № 27 стр. 44, 1362 г., № 35 стр. 63, 1389 г., «отчиноу» № 22 стр. 33, 1328 г., № 25 стр. 39, 1356 г., № 26 стр. 41, 1358 г., № 31 стр. 52, 1371 г., № 34 стр. 58, 1389 г., «отчинѣ» № 31 стр. 52, 1371 г., № 34 стр. 60, 1389 г., «отчиною» № 34 стр. 59, 1389 г.; первый же примѣръ съ *в* какъ разъ мѣстный падежъ, съ пропускомъ даже предлога *въ*, который чувствовался еще въ словѣ, начинающемся съ *в*: «что буди судилъ когда въ великомъ княженьѣ и вотчинѣ въ своеи на Москвѣ« № 24 стр. 38, 1353 г.; въ грамотѣ № 29, 1371 года, пишутъ уже: «въ вотчину», «въ моеи вотчинѣ», «на своеи вотчинѣ», «вотчины моее» (2 раза) стр. 49—50. Потомъ уже чередуются примѣры съ *в* съ примѣрами безъ *в*, напр. въ грамотѣ № 38, 1405 года: «въ вотчину» (5 разъ), «вотчины» (3 раза), № 39, 1406 г.: «отчиною», № 41, 1423 г. «своею

вотчиною» (2 раза), № 43—44, въ первой половинѣ постоянно «отчину», «отчинъı», «отчинѣ», «отчиною», только разъ «въ вотчину»; во второй же половинѣ постоянно съ *в*, только разъ «съ отчиною» и т. д. То же самое повторяется при словѣ «удѣлъ»: въ древнѣйшихъ грамотахъ еще безъ *в*: «твои удѣлъ» № 23 стр. 36, 1341 г., «въ удѣлъ» № 29, стр. 49, 1371 г., «въ твои удѣлъ» № 27 стр. 44, 45, 1362 г., «въ твоемь удѣлѣ» № 23 стр. 36, 1341 г., № 27 стр. 44, 1362 г., № 33 стр. 56, 1388 г., и т. д., «удѣла» № 33 стр. 56, 1388 г., № 34 стр. 58, 1389 г., ib. стр. 59, ib. стр. 60 и т. д.; первый примѣръ съ *в* опять какъ разъ при предлогѣ *въ*: «въ вудѣлъ» № 35 стр. 63, 1389 г., «въ вудѣлѣ» ib. 63, 64 (но рядомъ еще: «въ нашихъ удѣлѣхъ», «съ удѣла»). И это слово потомъ чередуется съ *в* и безъ *в*: въ грамотѣ № 38, 1405 г: «въ вудѣлъ» рядомъ съ «въ удѣлъ» и «удѣла»; № 43 стр. 87, 1428 г. «въ вудѣлехъ», № 46, 1433 г. «въ тотъ удѣлъ», № 49 стр. 100, 1433 г. «въ вотчину и въ вудѣлъ». Стоитъ привести еще слѣдующій примѣръ № 54—55, 1434 г. «въ вотчину и въ вудѣлъ удѣлъ дяди нашего», изъ котораго видно, на сколько оборотъ «в-удѣлъ» сталъ — постоянной формулою. Такимъ же путемъ изъ «опричь» (№ 35 стр. 64, 1389 г. или № 43 стр. 87, 1428 г.) образовался оборотъ «вопришнину» № 39 стр. 73, 1406 г. (можно бы читать также «в опришнину»). Что касается до «опричь», то вѣроятно здѣсь совпали два различныя выраженія въ одной средней формѣ: «опроче», «опрочь» и «оприсно» («оприсно того же села» № 54—55 стр. 113, 1434 г. значитъ то же самое, что въ другихъ примѣрахъ «опрочь»). Рядомъ съ «ольха» попадается также «вольха»: «на двѣ олхи да съ волхъ на ель» акт. юр. 136 (№ 103, 1540 г.), сл. также въ двинской грамотѣ (акт. юр. № 71) XIV—XV в.: «Вонъчифора» рядомъ съ «Онъчифоръ», «Выгната» (вм. «Игната»), «у Вонъдроникова» рядомъ съ «Ондронъ» стр. 110—111.

О вставочномъ *н*, вызванномъ предлогами *съ* и *въ* при глаголѣ «ѧти», можно было еще кое-что сказать для поясненія формъ, бывшихъ въ употребленіи встарину. Укажу на существительное

«нѧтець», согласная н котораго стоитъ въ связи съ чутьемъ языка для происхожденія этого слова изъ сложныхъ глаголовъ, оканчивающихся на —«нѧть», моск. гр. № 44, стр. 87, 89: «хто будетъ нѧтцевъ изниманъ», № 35 стр. 64, 1389 г. «нѧтцевъ намъ отпущати». Встарину писалось еще только «съимаешь» XIII в. Ист. библ. VI, 52, «отымуть» или «отоимуть» (моск. гр. 1327. 1328), «отоимати» (1362), «подоиметь» (1380), «вымалъ» (1389), и конечно: «выметься» акт. юр. 273.

Не подъ «отвердѣніемъ шипящихъ» (на стр. 94), а подъ заглавіемъ «вставка согласныхъ» (къ стр. 83—84) надо было коснуться такихъ примѣровъ, какъ «ищьло» вм. «изшьло», потому что «ищьло» образовалось изъ «из-шьло», «ис-шьло», «иш-шьло» посредствомъ вставочнаго *т*: «иш-т-шьло», послѣднее упростилось въ «иштьло», какъ раж-д-женѫ» (изъ «раж-женѫ», «раз-женѫ») въ «рażденѫ». Въ Остром. евангеліи встрѣчается два раза «ищьдъше», «ищъдъше», въ минеѣ 1096 г. октябрской, стр. 20, 22: «ращибе». Параллельное упрощеніе сочетанія видно въ «въщьто» вм. «въз чьто» въ усп. сб. XII в. Библ. матер. I. 29.

IX.

Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ излагается въ двухъ различныхъ мѣстахъ (на стр. 84—86 и опять на стр. 90—97); все это можно было соединить въ одно цѣлое, распредѣлить лучше и обставить отдѣльные случаи убѣдительнѣе. Но по моему не совсѣмъ точно говорить вездѣ о отвердѣніи согласной, гдѣ вм. прежняго ь встрѣчается въ письмѣ ъ. Въ такихъ примѣрахъ какъ «снѣдъно» вм. «снѣдьно» (стр. 84) вообще д никогда и не было мягкимъ. Лучше было бы сказать, что здѣсь ь исчезло гораздо раньше, чѣмъ оно могло бы подѣйствовать смягченіемъ на предыдущую согласную. Такое исчезновеніе гласной ь безъ вліянія на предыдущую согласную зависитъ конечно прежде всего

отъ качества ея: другое дѣло *л* передъ *ь*, а другое *т*, *д*, *п*, *б*, *в*, *м*, *с*, *з*, и иногда даже *р* передъ тѣмъ же *ь*. Еще до сихъ поръ слышится (съ небольшими исключеніями) «сильный», «вольный», «больной» и т. д., тогда какъ несомнѣнно уже давно говорилось «смутный», «голодный», «дробный», «ровный», «темный», «смирный», «красный», «грозный». Въ синод. кормч. 1282—3 года: «по ѡтнѣ смрти» Срезн. 237; въ моск. гр. 1341 г. «у отня гроба», ипат. 422 «отнь слуга», ипат. 433 «днина»; «въдовицамъ» изб. 1076 Срезн. 144 а, «въдова» въ жит. Ѳеодосія XII в. значитъ то же самое, что «вдова». Уже въ церковнослав. языкѣ писалось въ неопредѣленномъ наклоненіи «зъдати» вм. этимологически оправданнаго «зьдати», поэтому и мин. 1096, стр. 41. 4: «назъда», въ изборникѣ 1076 г. съзъданомоу» Срезн. 141 а, и въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ «зодчій». Сохраненіе или востановленіе мягкости зависитъ также отъ характера слѣдующаго слога, напр. при суффиксѣ *ьба* замѣтно большое расположеніе къ мягкости: «свадьба», «ходьба», «косьба», «борьба»; поэтому и «волъжба» (вм. «волшьба», сл. «волшебникъ»): «се есть твоимъ волъжбамъ поспѣшникъ» XVI в. Тихонр. II. 118.

Можно жалѣть, что правописаніе древнихъ памятниковъ, передающее слоговое *р* иногда черезъ *ерь*, гдѣ *ь* обочначаетъ конечно мягкость плавной, не принято во вниманіе для опредѣленія случаевъ мягкости: «перьсты» добр. ев. 1164 г. Бусл. хр. 59, «перьстѣ» прол. 1262 г. у Погод. табл. 13 въ снимкѣ, «перьстень» Срезн. мал. пам. № 31, XII в.; «горсть перьсти» XVI в. Бусл. хр. 742, «оскьверьниша» сб. XII в. Срезн. 186; «дерьжаву», «дерьзну» сильв. сб. XIV в. Срезн. сказ. о Бор. и Гл. 39, «перьсехъ» патер. 1432 г., «въ терньи» гал. ев. Срезн. м. п. № 69, «стерьгающе», «прискерьбна» ib., «прозерьливъıма», «ѿверьже», «верьтепъ», «ис перьва» ник. черн. XII—XIII в. Срезн. м. п. № 55, «недѣлѣ верьбнъıя» Ист. библ. VI. 97, «перьвою» ib. 119 (XIII в.), «дерьжи» жит. Сав. 237, «взверьзи» ib. 249, «ис церьнигова» новг. лѣт. I. 116, «съвѣрьши» 118; «перьвии» лавр. лѣтоп. 19 (6370 г.), «очерьвлена» ib. 79 (6488 г.), «дерь-

жить» ипат. 541, «дѣржахусѧ» ib. 406, «дерьзнувъ» ib. 436, «свѣрьзи» ib. 401, даже «корьзномь» ип. 401, какъ въ евангеліи 1266 года (галицкомъ) часто «на литорьгии» и т. д. Здѣсь можно дѣйствительно говорить о секундарномъ смягченіи согласной *р*, сличить же объемъ подобныхъ случаевъ по древнимъ памятникамъ съ нынѣшнимъ произношеніемъ становится насущной потребностью въ исторіи русскаго языка.

Мягкость окончанія творительнаго подежа единственнаго числа исчезла въ произношеніи должно быть очень рано, т. е. вѣроятно уже въ XI—XII вѣкахъ трудно было отличать ее. Правда, въ памятникахъ этого ранняго времени различіе между *мь* творительнаго ед. ч. и *мъ* дательнаго мн. ч. выдержано еще довольно послѣдовательно, но на меня оно не производитъ впечатлѣніе факта, взятаго изъ живого языка, а скорѣе кажется соображеніемъ теоретическимъ, подражаніемъ привычкѣ и преданію, водворившемуся рядомъ съ прочими данными церковнослав. языка. На эту мысль наводятъ меня довольно многочисленныя отступленія даже въ такихъ памятникахъ, въ которыхъ впрочемъ нельзя говорить о строгомъ соблюденіи церковнославянскихъ орѳографическихъ пріемовъ. Оказывается, что писцы очень часто путали окончаніе дат. падежа *омъ* съ окончаніемъ творительнаго *ъмь* (сл. Козловскій, Изслѣд. о языкѣ Остр. ев. 118); иногда писали въ твор. падежѣ *ъмъ*, и на оборотъ въ дательномъ *омь*[1]); особенно часто употреблялось въ прилагательныхъ окончаніе ꙑимъ безразлично какъ для дательнаго падежа мн. числа, такъ для творительнаго ед. числа. Для послѣдняго случая укажу на многочисленные примѣры въ минеѣ 1095 г.; по моему изданію сл. 064.20, 090.1, 094.1, 0100.15, 0101.19, 0106.13, 0114.14, 0116.21, 0127.8, 0129.5, 0135.9 и т. д.

---

1) Дательный мн. числа «народъмъ моутѧштемъсѧ» изб. 1073, 97с можно считать правильной формой основы ъ/u, но тамъ же 105 а «ратьникъмъ въслѣдоуѥть» — смѣшеніе дательнаго мн. ч. съ творительнымъ ед. ч.; а въ доказательство окончанія *ъмъ* для этого падежа, приведу оттуда же примѣръ: «соудъмъ правьдьнымъ божиѥмъ бывати» (χρίσει διχαία).

Хорошо сдѣлалъ авторъ, что отнесъ къ случаямъ «отвердѣнія согласныхъ» также окончаніе 3-го лица ед. и мн. числа на *тъ* вм. старшаго *ть*. Безполезно мудрствовать, какъ это дѣлаютъ лингвисты, не имѣющіе понятія объ исторіи русскаго языка, гдѣ фактъ на лицо; отъ проф. Соболевскаго можно было ожидать лучшаго, и онъ оправдалъ наши ожиданія, признавъ фактъ фактомъ, пріобрѣтающимъ нѣкототорое объясненіе параллельными явленіями. Самые ранніе примѣры пренебреженія окончаніемъ *ть* являются въ возвратныхъ глаголахъ въ видѣ формъ оканчивающихся на *-тся*; пропускъ гласной *ь* въ этомъ случаѣ встрѣчается уже въ памятникахъ XIII вѣка.

Къ стариннымъ случаямъ отвердѣнія принадлежитъ союзъ «донде» или «дондеже» вмѣсто «доньдеже» (изъ до-идеже). Въ остром. ев. пишется еще съ *ь*, но уже въ изборникѣ 1073 г. 152 с: «донъдеже», въ минеяхъ 1095—7: «донде» 083.8, «донъдеже» 135.14, «дондеже» (vl. донъдеже) 402.3. Несочувствіе *н* мягкости выходитъ наружу въ такихъ словообразованіяхъ, какъ «сонмъ», «сонмище», въ прилагательныхъ: «деревенскій» (при «деревня»), «конскій» (при «конь»), «свинскій», «свинство» «лонскіи» (при «свинья», серб. «свињски», «свињство», «лањски»). Для твердаго окончанія *-нъ* въ родительномъ падежѣ мн. числа существительныхъ ж. р. на *-ня* у меня отмѣченъ примѣръ съ конца XV столѣтія: акт. юрид. № 6 (о. 1490 г.) стр. 12 «вашихъ деревенъ», сл. ib. № 81 (1541 г.) стр. 123 «семь саженъ», ib. № 19 (1532 г.) стр. 40: «земель и поженъ», ib. № 191 (1601 г.) «поженъ» (отъ «пожня»), сл. также уменьшительное «поженка» ib. № 83 (1550 г.). По всей вѣроятности не чисто русскимъ словомъ считалось «надро» (вм. «нѣдро», «нѧдро»), примѣръ котораго «въ надрѣхъ» читаемъ въ одномъ памятникѣ XV вѣка: Истор. библ. VI. 864.

Не указанъ въ лекціяхъ примѣръ отвердѣнія окончанія «ѕа» (собственно ꙁа) въ словѣ «польза»: въ Остр. еванг. род. падежъ ед. ч. еще только «польꙁѧ» (или «польꙁѩ»), Марк. V. 26 въ реймск. ев. «польꙁѣ», но въ галицк. ев. 1144 г. уже «польꙁы»

(точно такъ Іо. VI. 63); поэтому и въ глаголѣ вм. прежняго «поль-зевати» галицкое ев. пишетъ Марк. VII. 17: «пользовалъ єсі» (точно такъ Матѳ. XV. 5). Въ житіи Ѳеодосія XII в. 1d тоже: «испълнь бо єсть пользы»; въ вопросахъ Кирика, по списку XIII вѣка: нѣсть ти пользы» (Истор. библ. VI. 61). Параллельное существительное «стьза» осталось мягкаго окончанія, поэтому гал. ев. Матѳ. III. 3, Марк. I. 3, Лук. III. 4, пишетъ «стьзѧ»; въ южнославянскихъ (напр. дечанскомъ, карпинскомъ) пишутъ уже въ XIII столѣтіи «стьѕы».

Говоря о случаяхъ отвердѣнія мягкаго *с*, авторъ полагаетъ (на стр. 95), что нарѣчіе «отсуду» древнихъ памятниковъ не имѣетъ никакой родственной связи съ нынѣшнимъ «сюда, сюды». Это отрицаніе уже черезчуръ строго и конечно не оправдано. Въ тожествѣ формъ «сюда, сюды» съ церковнославянскимъ «сѫдоу» нельзя сомнѣваться, какъ нельзя было бы отрицать, что церковнославянское «въсѫдоу» и русское «всюду» — одно и то же. Русскія мягкія формы, мнѣ кажется, даже правильнѣе церковнославянскихъ, пренебрегшихъ мягкостью. Вообще мѣстоименія «сь» и «вьсь (весь)» сохранили только въ русскомъ языкѣ правильную мягкость, между тѣмъ какъ въ южнослав. нарѣчіяхъ *с* сдѣлалось твердымъ, въ польскомъ же и чешскомъ языкахъ перешло даже въ *š* вм. *ś*. Поэтому въ южнослав. нарѣчіяхъ, въ числѣ ихъ также въ церковнославянскомъ, говорятъ «всакъ», въ польскомъ и чешскомъ «však», и только въ русскомъ осталась правильная форма «всякъ». Формы «сюда, всюду, всякъ» — одинаковы.

Не нравится мнѣ стилизація автора, когда онъ говоритъ, что «въ русскомъ языкѣ находилось и находится нѣсколько словъ, имѣющихъ въ корнѣ то твердое то мягкое *р*», (стр. 95). Примѣръ «нерѧдити» вм. «нерадити» доказываетъ только, что не понимая слова «нерадити» (или «неродити») простонародное словотолкованіе сблизило его съ «рядъ», «рядити»; нынѣшнія слова «неряха», «неряшливъ» не имѣютъ ничего общаго со старымъ глаголомъ «радити», они производятся естественнѣе отъ слова «рядъ», «порядокъ». Точно такъ я полагаю, что «рушити» пе-

решло въ «рюшити» лишь подъ вліяніемъ глагола «рютити». При частомъ колебаніи мягкаго *р* съ твердымъ легко образовались такія неправильныя формы въ простонародіи, какъ «гряниця» или «крясть» вм. граница, красть, но вездѣ видна причина такого смѣшенія. Нынѣшнее «дюжій» образовалось безспорно подъ вліяніемъ нерусскаго слова «дюжина», а «стюденъ» можетъ быть обязано своею мягкостью слову противоположнаго значенія «теплыи». Колебанію *у* съ *ю* въ словѣ «блудити» конечно причина въ глаголѣ «блюсти».

Къ случаямъ смягченія свистящей согласной съ переходомъ ея въ соотвѣтствующую шипящую я прибавлю еще два слова. Одно изъ нихъ общеизвѣстное «чечевица», образовавшееся изъ «сочевица» ассимиляціею перваго слога ко второму. И въ чешскомъ языкѣ рядомъ съ «součovice» существуютъ формы «šošovice», «čečovice» и «šocovice». Встарину писали (въ XIII в.) еще только «сочевица», сл. вопр. Кир. въ Истор. библ. VI. 32. Второе слово, соотвѣтствующее старославянскому «слѣмѧ», въ древнерусск. памятникахъ сначала было «соломѧ», но потомъ вышло «шоломѧ»: «взнидоша на шоломѧ» ипат. 429, «ѣдуще по шоломени» ib. Въ словѣ о Полку Игоревѣ: «о руская земле, уже за шеломянемъ еси» (сл. толкованіе Огоновскаго стр. 50, Потебни 47). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на образованіе этой формы повліяло слово «шоломъ», соотвѣтствующее церковнославянскому «шлѣмъ»: «соимѧ шоломъ» ипат. 433, «шоломъ ихъ какъ солнцю восходящю» 540.

X.

Двѣ выдающіяся черты древнерусскаго консонантизма, мягкость *ш*, *щ*, *ж*, *жд*, *ч* и свистящей *ц*, и постепенное отвердѣніе ихъ, потомъ переходъ ғлубокогортаннаго твердаго произношенія сочетаній кы, гы, хы въ небномягкія сочетанія *ки*, *ги*, *хи* —

обѣ эти черты заслуживаютъ болѣе подробнаго разбора, чѣмъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, посвященныхъ имъ въ лекціяхъ. Кажется, не трудно доказать, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности — не всѣхъ, но многихъ изъ нихъ — пока еще почти исключительно господствовали всѣ пріемы церковно-славянскаго языка, мягкость выше упомянутыхъ звуковъ высказывалась гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ современныхъ имъ памятникахъ южнославянскихъ. Стало быть это болѣе сильное проявленіе мягкости должно отнести на счетъ не церковнославянскаго языка, а живой среды русской. Оставимъ въ сторонѣ очень распространенную мягкость въ сочетаніяхъ съ ю; ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами сочетаній съ ꙗ (гдѣ ꙗ не соотвѣствуетъ носовому звуку), мало употребительныхъ въ южнославянской письменности: «въ одежѧхъ овьчѧхъ» изб. 1073 181 b, «прѣображꙗѥмъ сѧ» 9 a, «жесточѧють» 140 b, «ноуждѧ ѥ» 13 d, «пораждѧѫ» 9 a, «моужѧ погоубить жена любодѣицѧ» 170 a, «чѧсъ» 153 a, «отълоучѧисѧ» 183 b, оумѧкъчѧша» ib., «приближѧѭть ми сѧ» 184 a; «клѫчѧрь» изб. 1076 Срезн. 144 a, «мълчѧниѥ» ib., «чѧꙗти» 145 a, «величѧниꙗ» 144 b, «поучѧти» 142 a, «прилежѧти» 144 b, «троужѧтисѧ» 144 a, «подражѧти» 144 b, «дьржѧти» 145 a, «въздрьжѧниѥ» 144 a, «оудьржѧниѥмь» 144 a, «послоушѧти» 144 b. 145 b., «отъвраштѧтисѧ» 144 b, «обраштѧюштѫсѧ» 144 b, «крьштѧти сѧ» 144 b, «чл҃вѣка боꙗштасѧ... и слоужѧштѧ» 144 a, «пра҃оцѧ нашего» 142 b, «ср҃дцѧ своѥго» 142 a, «бес концѧ» 145 b., «немьрьцѧꙗ» 143 a, «въдовицѧмъ» 144 a, приницѧти» 144 б.

Подробныя изслѣдованія должны провѣрить и подтвердить или устранить мое предположеніе, высказанное уже въ «Четырехъ статьяхъ» на стр. 91, «что послѣ шипящихъ и мягкихъ свистящихъ іотованная гласная чаще ставится въ памятникахъ южнорусскихъ или неновгородскихъ, чѣмъ въ новгородскихъ, хотя она и имъ не чужда». Наблюденіе это мнѣ и теперь еще кажется точнымъ, но съ оговоркою, что имѣются южнорусскіе памятники и безъ этой наклонности, т. е. воздерживающіеся отъ

нея, какъ напримѣръ изъ собранія рукописей князя П. П. Вяземскаго житіе св. Саввы. Этотъ великолѣпный памятникъ южнорусской, можетъ быть прямо кіевской родины, соблюдаетъ мягкость шипящихъ только въ сочетаніяхъ съ *ю*, это же дѣлаетъ въ первой половинѣ рукописи съ удивительною послѣдовательностю «мѧтежю» 25, «оуношю» 33, «чюжа» 77, «къ лицю» 107, «оумершюю» 115, «черньцю» 133, «хлѣбницю» 149. 181, «межю» 151, «мажющасѧ» 167, «оусобицю» 175, «старьцю» 185, «шепъчющıа» 185, «коцıюно—» 187, «Агапицıю» 189, «заповѣдь старчю» 223, «старцю» 223, «дш҃ю» 229, «плицıю» 273. Эта точность соблюдается, покудова «Воронъ псалъ» (до стр. 288); дальше ужъ этой послѣдовательности нѣтъ. А если уже въ одной рукописи замѣтны различные ороографическіе пріемы, то тѣмъ паче необходима чрезвычайная осторожность при выводахъ, дѣлаемыхъ на основаніи многихъ памятниковъ, мало изслѣдованныхъ.

Самые ранніе случаи отвердѣнія шипящихъ выходятъ наружу въ окончаніяхъ словъ; вопросъ только въ томъ, были ли такіе примѣры, какъ въ рукоп. синод. библ. XIII в. (поученія Константина пресвитера) «съвьрьшонъ», «крьıонъ», «кромѣ жонъ» (опис. рук. синод. библ. II. 2. 434) съ самаго начала — сочетанія твердыя? Въ этомъ можно сомнѣваться, имѣя въ виду множество примѣровъ изъ тѣхъ же памятниковъ, гдѣ точно соблюдается мягкость. Напримѣръ въ грамотѣ смоленскорижской 1284 — 1297 года (р. лив. акты № 34) читаемъ: «чоловека», «чоловѣка», но въ то же время: «рижѧны», «жѧловилисѧ», «тѧжѧ» (именит. ед. ч.), «концѧти». Или въ витебской грамотѣ около 1300 г. (р. лив. ак. № 49) пишутъ: «жо», «кнѧжо» «хочомъ», «отъ отчовъ», «шодъ», «шолъ», но въ то же время «если не чювали», «горожѧнъ», «дѣржѧлъ», «жѧлобою», «жѧловали»; написаніе «слышышь», тамъ же, я причисляю къ опискамъ, потому чтъ ъ и ы послѣ шипящихъ тогда еще не писались, это встрѣчается не раньше второй половины XIV столѣтія. На югозападныхъ окраинахъ Россіи мягкость продолжалась и по пись-

меннымъ памятникамъ гораздо дольше: въ гал. грамотѣ 1393 г. «о дѣлницю» (рядомъ съ «пришодъши»), гр. гал. 1398 г. «свѣдчю», «нашю», въ грам. 1400 г. «жаворонковича», «держалъ» «границами», гр. 1403 г. «криницю», гр. 1404: «прислꙋшаеть», «держаніе», «осꙋжаемъ», «печати»; гр. 1407: «радцами», «мѣстьчаны», «львовчане», «держатi», «печать» и т. д. (по изданію Головацкаго въ «Науковомъ Сборникѣ»).

Переходъ произношенія кы, гы, хы въ *ки*, *ги*, *хи* начался очень рано, у Соболевскаго указано довольно много примѣровъ изъ XII вѣка. Едва ли будетъ слишкомъ смѣло, если скажемъ, что въ живомъ произношеніи уже въ XI вѣкѣ происходило то, что въ письмѣ стало проявляться лишь нѣсколько позже. По крайней мѣрѣ примѣры падежнаго окончанія на *-кѣ*, *-скѣ*, появляющіеся уже въ XI столѣтіи (сл. Собол. лекціи на стр. 150), сильно располагаютъ въ пользу предположенія, что въ то же время, когда говорилось «золобѣ женьскѣ» 1073. 174 d, или «на воскѣ не ю начрьтанѣ» григор. богосл. 188 γ, не произносилось уже кы, гы, хы существенно различно отъ нынѣшняго произношенія этихъ сочетаній. Ожидали бы первыя появленія сочетаній *ки*, *ги*, *хи* въ памятникахъ южнорусскихъ, гдѣ вообще гортанное произношеніе звука ы раньше начало уступать обыкновенному немягкому *и*. Матеріалъ, собранный въ «лекціяхъ» (на стр. 90—91), какъ будто подтверждаетъ это предположеніе; впрочемъ это можетъ быть простая случайность, потому что другіе памятники, тоже несомнѣнно южнорусскіе, раньше конца XII вѣка этого перехода вовсе не знаютъ. Для примѣра сошлюсь опять на житіе св. Саввы, гдѣ ы и и строго отличаются въ первой части рукописи, хотя тутъ же пишется «скитьскии оц҃и» 137 (вм. «скитьстии»); только во второй части (со страницы 289) попадаются нѣкоторые примѣры съ *и*: «халкидоньскии» 303. 313. 315. 335, «антиохиискии» 331, «великии черноризець» 371.

Профессоръ Соболевскій отнесъ примѣры окончанія на *-кѣ* въ склоненіи къ случаямъ вліянія однихъ падежей на другіе (на стр. 145—150); точно такъ примѣры повелительнаго наклоненія на *-ги*,

-*ки* къ аналогическимъ явленіямъ при спряженіи (стр. 178—9). Я съ этимъ не вполнѣ согласенъ. Исторія этихъ формъ доказываетъ наглядно, что съ одной аналогіею падежей не справишься. Самые ранніе примѣры сочетанія *кѣ* (вм. *цѣ*) принадлежатъ спеціальному случаю, когда сочетанію *кѣ* предшествуетъ согласная *с*; стало быть с полныхъ сочетаній «ска - скъ - скы - скоу» явилось первою помѣхою переходу сочетанія *скѣ* въ *сцѣ*, *ски* въ *сци* (или въ *стѣ* - *сти*). Этотъ отдѣльный случай не можетъ быть названъ чисто морфологическимъ, хотя конечно аналогія и тутъ приняла свою долю участія, но она стояла на второмъ планѣ, она подвернулась тогда, когда уже понадобился выходъ изъ неудобнаго сочетанія. Нелюбовь же къ сочетанію *сцѣ* видна не только въ окончаніяхъ падежей (въ житіи Кондрата «дъстѣ» старою рукою исправлено въ «дъскѣ», «въ чьрньчьскѣмь житии» ж. Ѳ. 16 с., «въ ꙗдиномь селѣ монастырьскѣ» 25 d, «въ числительскѣмь чиноу» корм. XIII в. Бусл. хр. 377, «въ печерьскемъ монастыри» новг. лѣт. I. 57, «въ неревьскемь коньци» ib. 75, «на ламскемь волоце» 82, «апостольскѣи црькви» син. патер. (Срезн. № 82, стр. 51), но также въ корнѣ слова: «раскѣпилася бяше» читаемъ въ прологѣ около 1350 г. Срезн. 260, въ лавр. лѣтоп. 173 (фотолит. 119): «сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ», въ ип. лѣт. стр. 207 «пободоста и оскѣпомъ», ib. 512 «оскѣпищю исѣчену»; въ рум. палеѣ 1494 г. (Пам. стар. лит. III 56): «роскѣлю дети мои». Все это доказываетъ, что главная причина для возстановленія сочетанія *скѣ* заключалась не настолько въ аналогической притягательности прочихъ падежей, насколько въ отвращеніи къ -*сц*. Только такимъ образомъ становится понятнымъ, почему при -*скѣ* долго еще писали -*цѣ*, -*зѣ*, напр. въ смоленской правдѣ 1229 г.: «Смольнѣскѣ» сп. А., «Смоленске» сп. C. D. E., но въ то же время во всѣхъ спискахъ «оу Ризѣ», «на березѣ» (или «березе»).

Аналогія сочетаній -*скѣ*, -*ски* потянула мало по малу за собою всю прочую массу примѣровъ, но этотъ поворотъ къ гортанной происходилъ здѣсь медленно, такъ что въ XIV и XV вѣ-

кахъ, судя по различнымъ памятникамъ, писалось еще то и другое рядомъ. Сначала было чаще старое: въ москов. грамотахъ читаемъ: «въ тамзѣ» 1356, «по згадцѣ» 1362, «сносѣ» 1406, «въ бѣжицкомь версѣ» ib., «на Волзѣ» 1423, «на поруцѣ» (часто); но въ новгородской грамотѣ 1314 г. уже «на городкѣ» Шахм. 257, въ новгор. лѣтописи I. 256 (фотогр. изд.) «по Лугѣ»; въ двинскихъ грамотахъ XIV — XV вѣк.: «на рѣки», «въ путикѣхъ», «по рѣчкѣ», «въ хмельникѣхъ», «на томъ участки», (акт. юр. № 71), «въ томъ борьке» гр. конца XIV в. Иван. № 8, «при посадникѣ» новгор. еванг. 1463 г. (Погод. табл. II. 10), «къ рѣкѣ» ак. юр. № 11, стр. 22 (1504 г.), но «по дензѣ» акт. юр. Калач. I. 103 (1445—62), «на Волоцѣ» (ib. 105, 1462—4), «по рѣцѣ» (ib. 129, 1423 г.), «в соснязѣ», «в рѣцѣ», «в Волзѣ» (ib. 443—4, 1432—1443 г.), «по дорозѣ» акт. юр. № 7 стр. 13 (1491 г.); въ Ефремѣ Сиринѣ 1377 г. (академическомъ): «Владычкѣ». Перевѣсъ въ сторону возстановленія *к*, *г* (вм. прежнихъ ц, з) былъ значительно поддержанъ, кромѣ общаго вліянія аналогіи всѣхъ прочихъ падежей, еще смѣшеніемъ именительнаго падежа множ. числа съ винительнымъ, вслѣдствіе чего -ци, -зи, -си и здѣсь вышло изъ употребленія. Въ грамотѣ № 17 у Иванова (московской 1449 г.) читаемъ еще по старому «намѣстници мои», но въ грамотѣ № 18 (тамъ же, изъ того же времени) является уже въ качествѣ именит. падежа «всѣ пошлинникы».

Опаснымъ считаю ссылаться для мягкости гортанныхъ на единичные примѣры, какъ «кюръ» вм. «куръ» (gallus), или «кюю» вм. кою (Собол. стр. 92); рискуемъ придать значеніе случайнымъ опискамъ. Но на формахъ, подобныхъ примѣру «колке» (вм. колько), можно было остановиться нѣсколько подробнѣе, подобрать въ одно такіе случаи, какъ «на Волхевьци» грам. хут. 1192 г., въ двин. грамотахъ именит. пад. «Савке», въ новг. лѣтописи «останьке» и т. д. Замѣчу кстати, что не считаю правдоподобнымъ объясненіе нынѣшняго мѣстнаго (южнорусскаго) оборота «въ госці», «аналогіею съ двойными формами» окончаній на *-сцѣ* и *-стѣ* (изъ

-скъ). Объясненіе это предложено Соболевскимъ (на стр. 93). Но какъ могло вліять то, что давно уже стало исчезать въ языкѣ?

XI.

Не захотѣвъ усмотрѣть въ переходѣ *в* въ *у*, и наоборотъ, черту діалектическую, авторъ внесъ данныя этого перехода въ исторію согласныхъ (на стр. 87—89). Съ этимъ можно, пожалуй, согласиться, потому что въ исторіи консонантизма во всякомъ случаѣ объ этомъ должна быть рѣчь; но мнѣ кажется, собственныя слова автора свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ переходъ все-таки и для исторической діалектологіи многознаменателенъ, что онъ дѣйствительно характеризуетъ юго- и сѣверозападные говоры или нарѣчія русскаго языка. Вѣдь въ концѣ концовъ надо же допустить, что этотъ переходъ значительнымъ количествомъ примѣровъ ознаменовалъ себя только въ смоленскихъ, витебскихъ, полоцкихъ и псковскихъ, потомъ же въ галицко-волынскихъ грамотахъ и текстахъ, происходящихъ изъ этихъ областей. Стало быть это все-таки черта діалектологическая, нужды нѣтъ, что она свойственна не одному только говору или нарѣчію. Физіологически это явленіе объясняется конечно тѣмъ, что настоящей разницы между *v* и *u* не было, оба звука совпали въ среднемъ u̯ (или v); предпочтеніе же той или другой передачи этого звука въ письмѣ (через въ—в или оү—ү)—по видимому было не совсѣмъ случайное. Отъ подробнаго изслѣдованія вопроса можно ожидать, что оно установитъ, на сколько возможно, подъ какими условіями обыкновеннѣе происходилъ переходъ *в* въ *у*, подъ какими же, наоборотъ, *у* въ *в*. Бо́льшая наклонность къ тому или другому, можетъ быть, стоитъ въ связи даже съ различіями говоровъ. По матеріалу, которой у меня подъ рукою, оказывается

какъ будто бы въ сѣверозападныхъ (бѣлорусскихъ) памятникахъ чаще стоитъ *у* вмѣсто *въ*, въ южнорусскихъ же къ этому еще присоединяется довольно частое *в* вмѣсто *у*. Такъ уже въ смоленской правдѣ (1229 г.) по списку А читаемъ: «ѹздоумалъ», «оу Ризѣ» или «оу Ризе» (часто), «оу Роусе», «оу Смольнѣскѣ» или «оу Смольнеске», «оуꙁѧти», «оу дъібоу», «оу погрѣбъ», «оу желъза оусадить», «оу дълго», «оу холъпство», «оу верхъ», «оу низъ», «оу мьсто», «оу городъ», «оусхочеть», «наоуспѧть», «оу томь», «оу Рускои земли», «оу латинескои цр҃кви», «оу тѣхъ вълъсти», Въ полоцкой грамотѣ (ок. 1300, у Срезневскаго 240 и слѣд.): «оу Витьбескъ», «оу Смольнескъ», «оуꙁѧлъ», «оу честь», «оу разбоиниковоу клѣть», «оу клети», «оу дворе», «оу рать ити», «оу пироу», «оу борзѣ», «оу томь»; сл. также «оу пуднъи рѣмѣнь» 1330 г., «оуꙁѧти» 1330. 1405, «оу рѹскои земли» 1330, «оу Ригоу» 1330. Въ литовской грамотѣ 1387 г. (у Срезневскаго 266): «оуꙁѧлъ оу свои руки», «оу славоу», «оу сии вѣкъ и оу будущии», «оу низъ», «оу верхъ», «оусꙗкии доходъ», «оу литовьскои земли», «оу Полтескъ не оуступатисѧ», «оусемь», «оусемъ», «оусехъ», «оусеми», «оусею», «оусее», «оусю», «оусѧ», «оуси», «оусѧкии».

Въ южнорусскихъ текстахъ попадаются конечно также примѣры: «оукоупѣ», «оуꙁѧти», «оустокъ», «оускрича», «оулѣсти оу корабль» (изъ гал. ев. XIII в.) «оудасть ю оу монастырь», «оуспрꙗти», «оу свѣтѣ» (изъ гал. Ефр. Сир. XIII в.); но здѣсь вдобавокъ находимъ еще довольно часто *в* вм. *у*: «въмрете», «въмысѧ», «въмолю», «въготовлю», во-въстѣхъ», «въ въшею вашею» (изъ гал. ев.), «во въжасѣ», «вничьжи», «повчахъсѧ», даже «ото-вности» (вм. «отъ оуности»); въ вѣнскомъ октоихѣ: «въ-троба», «вчѣньемъ», «навчі», «на вдеса», «во въспѣнье». Грамоты южнорусскія чаще пишутъ *у* вм. *въ*, чѣмъ *в* вм. *у*, но можетъ быть это предпочтеніе происходило подъ вліяніемъ оффиціальнаго литовско-русскаго языка. Все же есть *в* вм. *у* тоже въ грамотахъ галицкихъ (хотя изрѣдка): «вжиткове», «вжитки», «вжити тѣхъ вжитковъ», «въ юго брата», «въ ихъ с҃новцѧ» (гал.

грам. 1371 г. наук. сборн. I. 187—8), «безъ одв8к8п8 (гал. гр. 1400, ib. 199), «оувъ озера» (гал. гр. 1400, ib. 200), «ани вкажеть» (гал. гр. 1401, ib. II, 37), «вчинили» (гал. гр. 1422, ib. 52, сл. «вчиниша» ипат. 188); «врадника», «вказали», «врочицл» (гр. 1421 г. ib. III. 135—6).

Въ позднѣйшее время (въ XVI столѣтіи) видна въ бѣлорусскомъ нарѣчіи наклонность къ смѣшенію *в* съ *у* не только съ перевѣсомъ въ сторону *у*, но также съ *в* вм. *у*; послѣднее встрѣчается довольно часто. Въ такомъ видѣ выходитъ наружу языкъ бѣлорусскаго познанскаго сборника, по изданію А. Н. Веселовскаго. Здѣсь мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ «вже», «вдарыли», «вчынити», «на вмѣ» «вмомъ», «вчы», «навчыш», «вмерлое», «в него» и т. д. и въ то же время: «у реку», «у глубокомъ виру», «у сороме», «узявшы», «ушла в ложницу», «узречем», «усхочеш», «узрадовалося», и т. д. Въ особенности стоитъ указать на *ув* передъ гласными: «ув-одну комору», «ув-окно», «ув-огонь», «ув-одной дуброве», «ув-ыную землю», «ув-очы», «ув-одномъ человецэ», «ув-острове», «ув-островъ», «ув-угле», «ув-иную цэрков»; изрѣдка: «увошолъ», «вов покои». Слич. въ ипатской лѣтописи 425: «не увтягли», ib. 423: «во вчаны» (вм. обыкновеннаго «учаны»), или въ галицкомъ Ефремѣ Сиринѣ: «оувъ молитвахъ», «оувъ спасеніи».

Проф. Соболевскій слишкомъ рѣшительно объявляетъ (на стр. 88), что «въ древнихъ памятникахъ кіевскихъ *у* изъ *в* нѣтъ». Какъ сказано мною выше (на стр. 16), я согласенъ только отчасти. Судя по памятникамъ, которые съ нѣкоторою достовѣрностью могутъ быть причислены къ кіевскимъ, переходъ *в* въ *у* здѣсь не былъ повидимому очень распространенъ, но онъ замѣтенъ все-таки и здѣсь, по крайней мѣрѣ въ такихъ небольшихъ размѣрахъ, въ какихъ въ памятникахъ новгородскихъ, и если отъ вниманія автора не ускользнули тѣ нѣсколько примѣровъ новгородскихъ, то онъ не пропустилъ бы привести и доказательства «кіевскія», если бы принципіально не отрицалъ ихъ. Я выхожу съ другой точки зрѣнія, поэтому позволю себѣ дополнить

наблюденія его примѣрами «кіевскими». Во первыхъ въ изборникѣ 1073 форма оуселюнаꙗ» вѣроятно не что другое, какъ замѣна въ звукомъ оу на южнорусскій ладъ («оуселенꙗѭ» 9 d, «оуселюнѣи всеи зьрѧшти» 48с, «оуселеноуж на средоу изведеть» 78с); такимъ же образомъ замѣненъ, кажется, глаголъ «въселитисѧ» въ изб. 1073, 37b: «въшедъше оуселѧтьсѧ», хотя этотъ примѣръ менѣе убѣдителенъ. Сличи также «въчиненъı» 95 с. 97 с. или «наоугинъ» 252 с.[1]). Съ нѣкоторою натяжкою можно всѣ эти примѣры истолковать какъ преданіе церковнославянское, безъ участія въ нихъ южнорусскаго элемента (такъ проф. Соболевскій въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, II, стр. 353); но я даю предпочтеніе догадкѣ, что по крайней мѣрѣ въ «оуселюнаꙗ» и «въчиненъı», незамѣтно промелькнула черта южнорусская. Въ очень небольшомъ количествѣ примѣровъ видна эта черта и въ другомъ кіевскомъ памятникѣ (по моему мнѣнію), въ житіи св. Саввы (по изд. проф. Помяловскаго): «оу долго времѧ» 221, «въ что въблечемсѧ» (вм. «облечемсѧ», вѣроятно слышалось въ произношеніи «оублечемъ сѧ», что напоминаетъ въ изб. 1073 г. «оускверним̑ъсѧ» 28 d, «оучиствивъшесѧ» 38 b[2]) и «оупрашаше» 381. Замѣчательно, что и этотъ памятникъ раздѣляетъ съ обоими сборниками, 1073 и 1076 года, не часто встрѣчающуюся особенность писать «въгодно» вм. «оугодно»: «помыслъı бо̃въгоднꙑꙗ» 27, въ изб. 1073 г. «въгодьно» 35 b. 82 а, «въгодіть» 85 с, «въгодити» 91 с и 1076, 74 а. Ссылка на югославянскіе примѣры, гдѣ изрѣдка встрѣчается дѣйствительно «въгодьнъ», не можетъ еще устранить мысль, что это совпаденіе трехъ памятниковъ южнорусскихъ не случайное. Въ такомъ же видѣ представляется мнѣ также совпаденіе обоихъ сборниковъ относительно колебанія между «въчинити», и оучинити», между «въселити» и «оуселити».

---

[1]) Форма «наоугинъ» читается также въ первой новгородской лѣтописи I. 242 (фотол. изд.).

[2]) «оучиститн» равняется южнослав. «оучиштатн», находящемуся въ глаголитѣ Клоцовомъ (См. Микл. Lex. pal.).

Къ этому переходу *у* въ *в* и наоборотъ можно было прибавить еще краткое указаніе на особенность югозападнаго нарѣчія снабжать начальное *о*, когда оно вслѣдствіе долготы (или позиціи) черезъ *ō* - *у* - перешло наконецъ въ *і*, въ началѣ согласною *в*: «вівця». Примѣры, какъ въ гал. ев. 1266 г. «за воовьца» 150 б, «о одежахъ воовчихъ» 30 б и т. д., доказываютъ, что приставка согласной *в* восходитъ къ очень раннему времени. Нѣсколько примѣровъ вошло съ *в* въ общее употребленіе: восемь, вострый, вотъ (сл. «отъ стои оу тебе» Срезн. малоизв. пам. № 32, стр. 28, еще безъ *в*). Встарину языкъ любилъ такое же *в* и внутри слова: «Левонтии» грамот. XIV в. Срезн. № 29, «легивонъ» поликарп. ев. 1307 г., «Ларивонъ посадникъ» Пск. лѣтоп. I. 197, «св. Геворгіи» гр. дв. по сп. XV в. (акт. арх. эксп. I. № 4).

Если надпись на чарѣ Владиміра Давыдовича черниговскаго, которую археологи относятъ къ 1151 году, подлинна, тогда можно бы уже съ нея привести примѣръ слова «ѡсподарѧ» безъ *г*!

Что же касается диссимиляціи плавныхъ (стр. 97—8), то эта наклонность общеславянская. Къ примѣрамъ, приводимымъ въ лекціяхъ, прибавлю изъ Срезнев. малоизв. пам. № 31: «халтулареви» (греч. χαρτουλάριος); въ житіи св. Саввы въ послѣсловіи: «попъ поломонарь» (παραμονάριος), стр. 533; въ рязанской кормчей: «авлириана» 7 б, «авлириіаноу» 7 с, въ еванг. XIV в. у Срезн. м. п. № 20 «Фрола», въ грам. галицкой 1398 г. «Хролъ», въ грамотѣ 1401 г. «валътромѣѧ». Не упомянуто современное слово «крилосъ» рядомъ съ «клиросъ» («крилошаны югозап. г. 1366 г.); сл. также нынѣшнее польско-бѣлорусское «folwark—фольварокъ» (Vorwerk). Можетъ быть нѣчто похожее на эту диссимиляцію существуетъ также въ двухъ иностранныхъ словахъ, гдѣ первое изъ двухъ *м* перешло въ *б*: «бохъмитъ» лавр. лѣтоп. подъ 986 г. (эта форма встрѣчается уже въ южнослав. памятникахъ, напр. въ берлинскомъ сборникѣ XIII в.) и «бусурманинъ» (сл. «долгъ бесерменьскыи» моск. грам. 1388 г.) вм. «мусульманинъ». Наконецъ можно было ожидать указанія на

замѣну согласной *н* въ началѣ именъ личныхъ согласною *м*, не знаю точно по какой аналогіи это совершилось: «Микулою» ев. новг. 1362 г. посл., «Микитоу» новг. лѣт. I. 81, «Микитѣ» Срезн. м. п. № 20. 27, и т. д. Вспомнимъ еще старое «жьнчюгъ»-«женчюгъ» при нынѣшнемъ «жемчугъ» и «тамга» при «деньга».

Возстановленіе этимологическаго правописанія, обусловленное тѣмъ обстоятельствомъ, что литературнымъ языкомъ умѣли писать лишь люди начитанные въ церковной литературѣ, — вызывало конечно много неправильныхъ толкованій, которымъ и подчинялись писатели. Такъ напр. если въ Паисіевомъ сборникѣ написано «робчющіа», «робчете» через в (Срезн. 274), то это правописаніе придумано подъ вліяніемъ невѣрнаго словопроизводства отъ «робъ». Такъ должно быть сѣверновеликорусское «охвочь», «охвота» развилось не безъ участія глагола «хватить». Уже въ ипат. лѣт. 423 читаемъ: «оухвотишася ѣхати»; въ палеѣ рум. муз. 1494 г. «ѡхвочь еси» Пам. ст. р. л. III. 57. Здѣсь конечно *хв* могло существовать не только въ правописаніи, но и въ дѣйствительномъ произношеніи. Несомнѣннымъ произношеніемъ отзывается бѣлорусское «борздо» (въ познанскомъ сборникѣ очень часто: «борздо ростучи» 9, «победили борздо» 15, и т. д.), но какъ образовалось это слово вм. ожидаемаго «борзо» или м. б. «бордзо»? Изъ современнаго языка приводятъ «барждж ѣй» (сравнит. степень = бръже), въ словарѣ Носовича и у Шейна (№ 90, сл. Карскаго Обзоръ, стр. 77), что тоже указываетъ на «барздый» какъ положительную степень.

Этимъ оканчиваются мои замѣтки по исторіи звуковъ русскаго языка. Придерживаясь порядка, въ какомъ изложенъ предметъ въ лекціяхъ проф. Соболевскаго, я старался кой въ чемъ пополнить изложеніе его данными изъ матеріаловъ, накопившихся у меня въ теченіе лѣтъ; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ наши взгляды на иныя явленія древнерусскаго языка расходятся, я предложилъ свои толкованія. Я далекъ, конечно, отъ мысли, что мои объясненія вездѣ лучше, что непремѣнно вездѣ такъ,

какъ я объясняю; въ предметѣ столь неудовлетворительно до сихъ поръ изслѣдованномъ, недосмотры неизбѣжны.

XII.

Перехожу ко второй части «лекцій»: къ исторіи формъ русскаго языка. И здѣсь прежде всего вынуты «главныя формальныя особенности русскаго языка» (стр. 105—119), главнымъ образомъ по отношенію къ церковнославянскому языку. Такими «не существовавшими въ церковнослав. языкѣ» формами считаются: 1) род. пад. ед. ч. и имен. и вин. пад. мн. ч. на *ѣ* вм. церковнославянскаго окончанія ѧ; 2) формы косвенныхъ падежей «членныхъ именъ прилагательныхъ», напр. род. пад. на *-ого*, дат. падежъ на *-ому;* 3) мѣстоименіе «тобѣ — тебе» какъ дат. и мѣстный пад.; 4) второе лицо глагола на *-шь;* 5) третье лицо ед. и мн. ч. на *-ть;* 6) первое лицо мн. ч. на *-ме* и *-мо;* 7) имперфектъ на *-яхъ;* 8) давнопрошедшее, состоящее изъ «былъ есмь» и причастія на *-лъ;* 9) причастіе наст. врем. на *-а;* 10) неопредѣленное на *-ть;* 11) еще нѣсколько особенностей. Этимъ конечно перечислены не всѣ формальныя особенности русскаго языка, ихъ гораздо больше: но прочія не упомянуты, должно быть, потому что развивались мало по малу, не выступая сразу въ древнѣйшихъ памятникахъ. Напр. несомнѣнною формальною особенностью русскаго языка надо признать совпаденіе существительныхъ всѣхъ родовъ въ окончаніяхъ мн. ч. на *-амъ, -ами, -ахъ;* по характеру происхожденія это такая же особенность, какъ окончаніе имперфекта на *-яхъ* (вм. *-ѣхъ*), разница только во времени; имперфектъ на *-яхъ* существовалъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, упомянутаго же совпаденія всѣхъ родовъ въ одинаковыхъ окончаніяхъ тутъ еще нѣтъ. Но если сообразжаться съ хронологическими причинами и исключать изъ формальныхъ

особенностей всѣ черты русскаго склоненія и спраженія, не выступившія уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, то надо будетъ, какъ мнѣ кажется, изъ перечня, сдѣланнаго выше, кое что вычеркнуть, напр. пунктъ 4. 8, можетъ быть также 6. и 10.

Не желая казаться придирчивымъ, беру главныя формальныя особенности, какъ онѣ изложены въ лекціяхъ, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Трудно вѣрить, что сложное склоненіе прилагательныхъ образовалось двумя различными путями, какъ полагаетъ проф. Соболевскій, анализируя форму «доброго» происхожденіемъ изъ «добръ+его» (стр. 107), тогда какъ «добраго» вышло безспорно изъ «добра + его». Не говоря ужъ о томъ, что «добръ + его» едва ли могло бы дать «доброго», но хоть бы и могло, самое предположеніе, что сложное склоненіе прилагательныхъ основано на двухъ различныхъ принципахъ образованія, что формы его колебались между тѣмъ и другимъ принципомъ, заключаетъ въ себѣ столь мало правдоподобнаго, что безъ особенной нужды не должно прибѣгать къ такому объясненію. Не вижу причины отступать отъ обыкновеннаго толкованія формъ «доброго», «доброѣ», «доброи», «добромъ», какъ аналогій къ склоненію мѣстоименія «того», «тоѣ», «тои» «томь». Взглянувъ такъ на эти формы, мы легко поймемъ существованіе въ иныхъ падежахъ обѣихъ формъ рядомъ: старой, по настоящему сложной, «добраго», «добрыѣ», «добрѣи», «добрѣмь», и новой, аналогической: «доброго», «доброѣ», «добрѡй», «добромь». Проф. Соболевскій не затрудняется заявить, что «добраго» въ историческое время вѣроятно совсѣмъ и не существовало, но допускаетъ формы «добрыѣ» возлѣ «доброѣ», «добрѣмь» возлѣ «добромь»; мнѣ же сдается, если бы живая русская рѣчь уже въ XI столѣтіи не знала формы «добраго», то памятники этого времени отнеслись бы и къ родительному падежу точно такъ, какъ къ дательному, т. е. если бы и не отвергли совсѣмъ формы на *-аго*, такъ по крайней мѣрѣ рядомъ съ ней писали бы также *-ого*. По исключительному употребленію окончанія *-аго* можно догадываться, что эта форма въ XI вѣкѣ еще существовала, даже

преобладала передъ окончаніемъ *-ого*, не вошедшимъ тогда еще въ употребленіе въ такихъ размѣрахъ, какъ въ дательномъ падежѣ окончаніе *-ому*. Почему же раньше произошло вліяніе дательнаго «*тому*» на форму прилагательнаго на «*-уму*», чѣмъ родительнаго «*того*» на форму прилагательнаго на «*-аго*» — это не поддается нашему объясненію. Замѣчательно, что и въ двойственномъ числѣ «тою» уже въ древнѣйшее время притянуло къ себѣ форму прилагательнаго, преобразовавъ «добрѹю» въ «доброю», между тѣмъ какъ въ винительномъ падежѣ ед. числа держится «добрую» еще до сихъ поръ.

Не знаю, должны ли мы удовлетвориться объясненіемъ, что попадающіеся иногда въ древнѣйшихъ памятникахъ примѣры дат. падежа на «-оомоу» и «-ѥомоу» и «-оумоу» не что иное, какъ подражаніе формамъ церковнославянскимъ съ двумя оу (стр. 109)? Пожалуй, удвоеніе *о* могло дѣйствительно произойти подъ вліяніемъ церковнаго двойного *у* (напр. въ мин. праздн. XI—XII в. 36 б «къ божьствьноомоу», «ꙗвленоомоу» ib. 32 б, въ послѣсловіи мстислав. евангелія: «бл҃говѣрьноуоумоу и христолюбивоѡмоу и бг҃мь чьстимоѻмоу»); точно такъ «оуомоу» или «ооумоу» могли быть лишь комбинаціею двухъ окончаній: церковной и народной (напр. въ томъ же послѣсловіи: «новъгородьскоуомоу» или въ изб. 1073. 99 с: «правьдивооумоу соудоу»). Но что намъ сказать о формѣ на «ѥомоу»? какъ понимать напр. изб. 1073, 13 d «къ вꙑшьшеомоу»? Если уже приходилось искусственно соединять народное съ церковнымъ, не слѣдовало ли писать «*еуму*» вм. «*еому*»? Поэтому можетъ возникнуть вопросъ, не представляетъ ли это «*еому*» по отношенію къ церковнославянскому «*ууму*» извѣстный моментъ переходнаго развитія? на пути отъ «*ууму*» или «*уму*» къ «*ему*» не могъ ли языкъ на нѣкоторое время остановиться на «*ому*» и «*еому*» также послѣ мягкихъ согласныхъ? Въ сборникѣ успенск. собора попадаются примѣры «обладающомоу», «почивающомоу» рядомъ съ «могоущоуоумоу». Если послѣдняя форма несомнѣнно церковнославянская, то и первая можетъ быть не простая выдумка писцовъ, а

отраженіе живой рѣчи того времени, когда переходъ съ *уму* въ *ему* черезъ *ому* захватывалъ на время также мягкое окончаніе.

Гдѣ о двойств. числѣ прилагательныхъ на *ою* (вм. *ую*) рѣчь идетъ, можно было указать на оборотное явленіе, на форму «двоу» вм. ожидаемаго «двою». Я считаю «двоу» формою русскою, въ противоположность церковнославянскому «дъвою»; «двоу» поддалось вліянію аналогіи съ формою «десѧтоу». Уже въ словахъ Григорія богослова 359γ читаемъ: «дъвѫ десѧтоу»; въ новг. гр. 1305—8: «въ двоу посадоу» Шахм. 252, 254; «дву жеребьевъ» моск. гр. 1356 г. (но также «двою жеребьевъ» ib. 1389 г.); такъ еще въ XV и XVI столѣтіи: «въ тѣхъ дву селѣхъ» грам. моск. 1406 г.; «с тѣх дву варниць» гр. моск. 1451 г. Ив. № 19, «дву боѧриновъ» ib. 1434 г. (гос. грам. I, № 54, стр. 115), «отъ дву ѧмъ» 1565 г. Ив. № 40, «въ дву варницахъ» 1610 г. Ив. № 52, «изъ дву колодѧзеи» 1602. 1610 Ив. № 51. 52, «двѹ саженъ» 1554 г. Бусл. хр. 762, «дву старцовъ» 1613 г. Бусл. 1012, и т. д. Не знаю, можно ли будетъ доказать, что нѣкоторое время при «дву» для родительнаго падежа употреблялось «двухъ» для мѣстнаго, какъ напр. «о двухъ оглоблѧхъ» Бусл. хр. 1218 (Котошихинъ); или же явилось «двухъ» сразу для обоихъ падежей, по аналогіи конечно мѣстоименій и прилагательныхъ на *-хъ*? Въ памятникахъ XV—XVI вѣка я замѣчаю еще и для предложнаго падежа господство формы дву: «на дву двору» «пришедъ въ дву сту» ипат. 585, «о дву подахъ», «да четыре црены, на дву соль варить» акт. юр. № 85, стр. 126 (1568 г.), «на дву хлѣвахъ» тамъ же № 86 (1568 г.), «на дву щербетѣхъ», «на дву подклѣтахъ» тамъ же № 90 (1578 г.), «въ дву полѣхъ» ibid. № 228 (1557 г.) Какъ же объяснить югозападное «двохъ», напр. «подъ виною двохъ тысечы» грам. югозап. 1507 г., № 42? Должно быть не замѣною окончанія *ю* въ «двою» окончаніемъ *хъ*, а скорѣе аналогіею прочихъ числительныхъ «трёхъ» и даже «трохъ», «чотырёхъ» или «чотырохъ» и т. д. Когда изъ «дву» образовалось «двухъ», не могло устоять прежнее «обою», а подъ вліяніемъ прилагательныхъ перешло въ «обоихъ»: «судьи обо-

ихъ истцевъ» (рядомъ съ «оба истьца» и «между дву овиновъ») акт. юр. № 7 (1491 г.), «съ обоихъ исцовъ» грам. 1566 г. Ив. № 45. Форма «обоихъ», не имѣетъ такимъ образомъ ничего общаго съ числительнымъ дистрибутивнымъ «обои». Прибавлю еще, что форма «двума», «трема» откуда вышло *двумя*, *тремя*, встарину не ограничивалась творительнымъ падежемъ, а употреблялась также для дательнаго: «нашимъ намѣстникомъ двума стрѣлцема» грам. югозап. 1445 г. Петруш. № 50, «къ трема березамъ», «къ трема осинамъ» ак. юр. № 8, стр. 16 (1498—1505 г.), «къ ихъ же пятма варницамъ» ibid. № 170, стр. 191 (1551 г.); сравни еще «и пушкаремъ и затинщикамъ трицатьма осми человѣкомъ» Иван. № 47 (1593 г.). Однакожъ уже въ московской грамотѣ 1341 года «молодшимъ двумъ».

Относительно формъ «тебе», «себе», въ значеніи дательнаго и мѣстнаго падежей, вмѣсто ожидаемаго «тебѣ», «себѣ», необходимо согласиться съ проф. Соболевскимъ въ томъ, «что ихъ конечное *е* нельзя объяснять смѣшеніемъ звуковъ *ѣ* и *е*» (стр. 111), но онъ не обратилъ вниманія читателей на два важныя обстоятельства: вопервыхъ окончаніе на *е* существуетъ только въ такомъ случаѣ, если гласная *е* остается также внутри мѣстоименія, въ первомъ, основномъ слогѣ, т. е. встрѣчаются лишь дательныя «тебе», «себе»; вовторыхъ же народныя формы дательнаго падежа, съ гласной *о* въ корнѣ, «тобѣ», «собѣ» не обнаруживаютъ подобной же замѣны *ѣ* черезъ *е*. Къ примѣрамъ, приведеннымъ для поясненія въ лекціяхъ, прибавлю еще изъ слова св. Ипполита объ антихристѣ, памятника замѣчательнаго строгимъ различіемъ между *ѣ* и *е*: дат. «себе» 28, «къ себе» 18. 61. 85. 86, «въ сѣбе» 5. 51. 87; дат. «тебе» 51, «в тебе» 61. Въ житіи св. Саввы соблюдается точно такая разница: «въ собѣ» 17, «собѣ» 221, но «тебе» 123, «себе» 225. 439. Изъ этихъ данныхъ я вывожу, что форма «тобѣ», «собѣ» считалась настоящимъ дательнымъ или мѣстнымъ падежемъ, тогда какъ на «тебе», «себе» смотрѣли какъ на родительный падежъ, поэтому и писали здѣсь *е* наперекоръ церковнославянскому преданію. Упорное отступле-

ніе отъ церковнославянскаго правописанія, когда надо было передать дательный падежъ не по своему, народному, напоминаетъ подобный же случай съ *ре*, *ле* (вм. *рѣ*, *лѣ*) взамѣнъ народнаго *ере*, *оло*. Въ доказательство, что и на «тебѣ», «себѣ» смотрѣли какъ на родительный падежъ, можно бы привести случаи, правда, не очень часто встрѣчающіеся, гдѣ эти формы такъ и стоятъ въ качествѣ родительнаго падежа: «себѣ» мин. 1096. 8, «ис «тебѣ» ib. 60. Дательный падежъ «тобѣ», «собѣ» характеризуетъ нынѣшнее южнорусское нарѣчіе, отчасти также бѣлорусское. Появленіе этихъ формъ въ древнерусскихъ памятникахъ южныхъ не поражаетъ; но въ новгородскихъ оно нѣсколько неожиданно. Въ Остром. евангеліи этихъ формъ еще нѣтъ, въ минеяхъ 1096—7 онѣ довольно рѣдки. Не доказываетъ ли этотъ фактъ, что формы «тобѣ», «собѣ» — преимущественно южнорусскія, распространившіяся на сѣверъ болѣе путемъ литературнаго вліянія, чѣмъ народной среды? Въ московскихъ грамотахъ XIV в. имѣется даже родительный падежъ: «безъ тобе» (1341), «отъ тобе» (1362), «отъ собе» (ib.), «у тобе» (ib.).

XIII.

Не могу вѣрить, что всѣ безчисленные примѣры второго лица ед. ч. на *-ши*, встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ памятникахъ XI—XII вѣка, представляютъ исключительно только передачу церковнославянской формы, которой въ жизни языка соотвѣтствовало будто бы уже тогда окончаніе на *-шь*. Благодаря тому обстоятельству, что теперь уже немалое число памятниковъ XI — XII вѣковъ доступно изслѣдованію и внимательному изученію, наше представленіе о степени самостоятельности этихъ памятниковъ по отношенію къ языку литературнаго преданія пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ болѣе точный и опредѣленный

смыслъ. Мы теперь уже не изумляемся надъ 3 лицомъ ед. числа то на *-тъ*, то на *-е* безъ *-тъ*, если намъ скажутъ, что это формы русскія, мы принимаемъ ихъ какъ откликъ живой рѣчи; насъ не удивляетъ 1-ое лицо мн. ч. на *-мы*, *-ме*, если скажутъ, что эти окончанія отражаютъ собою примѣсь живого языка къ литературному; отступленіе древнерусскихъ памятниковъ отъ церковнослав. языка въ нѣкоторыхъ особенностяхъ повелительнаго или неопредѣленнаго наклоненія или имперфекта мы не затрудняемся ипричислить тоже къ несомнѣннмъ отраженіямъ живой русской рѣчи. Однимъ словомъ, число русскихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ при болѣе внимательномъ изученіи увеличивается. Поэтому конечно насъ не удивило бы, если бы уже въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣтили второе лицо ед. ч. на *-шь*. Но ни одного такого примѣра до сихъ поръ не удалось найти. Не имѣетъ ли эта отрицательная сторона, въ виду столь многочисленныхъ положительныхъ данныхъ, никакого значенія? Кажется, не слишкомъ смѣлый будетъ выводъ, если скажемъ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ нѣтъ второго лица на *-шь* просто потому, что въ живой рѣчи того времени, если можетъ быть отчасти тогда уже употребляли сокращенное окончаніе *-шь*, все-таки не чуждались еще окончанія на *-ши*, бывшаго вѣроятно тогда еще въ общемъ употребленіи. Второе лицо не какая нибудь рѣдкость въ языкѣ, оно не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы отвращать отъ употребленія живой народной формы, по крайней мѣрѣ иногда, изрѣдка. Если же несмотря на все то въ древнѣйшихъ памятникахъ нѣтъ ея въ другомъ видѣ, какъ съ окончаніемъ на *-ши*, значитъ, другого окончанія тогда еще не знали, или же то другое тогда только что начало мало по малу выступать. Объ этомъ вопросѣ очень разумно разсуждалъ уже пять лѣтъ тому назадъ нашъ молодой ученый А. Шахматовъ въ 7-омъ томѣ моего журнала, на стр. 63—66; аргументы его кажутся мнѣ и теперь неотразимыми.

Къ окончаніямъ имперфекта на *-шетъ* и *-хутъ* замѣчу, что моя догадка относительно появленія этихъ формъ на югѣ и рас-

пространенія ихъ оттуда дальше на сѣверъ и по всей древнерусской письменности (ср. Четыре крит. палеогр. статьи, стр. 94—96) ссылкою на нѣсколько сѣвернорусскихъ памятниковъ (Лекціи, стр. 113) вовсе не устраняется. Я и самъ это зналъ и не отрицалъ существованія такихъ формъ въ сѣвернорусскихъ текстахъ; но я затронулъ моимъ предположеніемъ одинъ изъ очень интересныхъ, доселѣ не изслѣдованныхъ вопросовъ, насколько развитіе древнерусской письменности шло подъ взаимнымъ вліяніемъ одной области на другую, одного центра на другой? Въ письменности, возникшей на основаніи чисто народнаго языка, подражательность не играетъ столь важной роли, какъ въ письменности поддерживаемой нѣсколько искусственно, индувидуальнымъ заучиваніемъ не то формъ, не то словъ литературнаго языка. Въ Россіи встарину не ограничивались только списываніемъ южнославянскихъ подлинниковъ; какъ извѣстно, шла также довольно оживленная, оригинальная дѣятельность на языкѣ не чисто народномъ, а смѣшанномъ, на половину церковномъ, на половину народномъ. Желаніе было писать языкомъ литературнымъ, оно достигалось не иначе какъ внимательнымъ чтеніемъ существовавшихъ образцовъ и подражаніемъ имъ. Принадлежали ли формы имперфекта на *-шеть*, *-хуть* къ такому достоянію древнерусскаго литературнаго языка, которое почерпалось изъ вѣчно живого родника народной рѣчи, или же оно наслѣдовалось посредствомъ изученія и подражанія — вотъ въ чемъ вопросъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ послѣднее и въ доказательство, какъ далеко распростиралась подражательность, укажу на аористъ съ *ть*: «не могошать ихъ удержати» ипат. 421.

Для 1-го лица мн. числа мнѣ встрѣтился примѣръ «есме» уже въ праздничной минеѣ XI — XII вѣка (новгородской): «имьже питоми есме вѣрьнии... имьже съставлени ѥсме и живемъ» 84а. Это продолжалось въ новгородской письменности въ теченіе слѣдующихъ столѣтій, какъ доказываютъ примѣры, приведенные у Соболевскаго (на стр. 114), сличи также въ новгор. прологѣ ок. половины XIV вѣка: «кажеми ѥсме» (Срезн. 259); или въ

палеѣ XIV в. (Тихонр. отреч., кн. I. 107): «юсме кланѧющисѧ», «юсме вси» ib. 135; въ тактиконѣ 1397 года (новгор. рукоп.) 5 б. «ꙗко приселници есме зде». Это окончаніе стоитъ по всей вѣроятности въ близкомъ сношеніи съ «юсмъ», оно напоминаетъ намъ въ грамотѣ хутынской формы «въдале» «Варламе» вм. окончанія на -ъ, и нѣкоторые другіе случаи именительнаго падежа на -*е* вм. -ъ, встрѣчающіеся тоже въ новгородскихъ грамотахъ (сл. Archiv für slav. Phil. VII. 60); не знаю, можно ли сказать, что на образованіе этого (см. на стр. 48), «юсме» вліяла форма второго лица «юсте». Но русское «есме» развилось, какъ кажется, независимо отъ болгарскаго или чешскаго окончанія *ме*. Изъ русскаго *ме* (съ удареніемъ) вышло *мя* (есмѧ), о чемъ была уже рѣчь.

Не умѣю навѣрно сказать, потому что недостаетъ точныхъ данныхъ для этого, не превышаетъ ли число формъ на мы въ первомъ лицѣ мн. числа то количество ихъ, которое существовало въ церковнославянскихъ текстахъ, чтобы оттуда могло послужить образцомъ для памятниковъ древнерусской письменности. По даннымъ, собраннымъ Видеманномъ (Beiträge zur altbulg. Conjugation, S. 8), въ древнѣйшихъ южнославянскихъ памятникахъ примѣровъ на мы вообще очень немного, если исключить Супрасльскій сборникъ, представляющій около 20 случаевъ. Сравнимъ ли съ этими данными памятники древнерусской письменности, то увидимъ тотъ-часъ же, что здѣсь число примѣровъ значительно возвышается. Въ одномъ изборникѣ 1073 года, если сосчитать всѣ примѣры, вышло бы, я полагаю, гораздо большее число ихъ, чѣмъ во всѣхъ южнославянскихъ текстахъ вмѣстѣ; уже на первыхъ 60 листахъ (включая сюда 78—81) мы читаемъ: «вѣмы», 6 c, «не оумьремы» 6 d, «имамы» 6 d, «обрѧштемы» 12 b, «сътворимы» 17 c, «обонѧємы» 17 c, «пытаємы» 18 c, «трѣбоуємы» 18 d, «прорицахомы» 32 a, «поживемы» 33 a, «разоумѣхомы» 33 a bis, «оупразнимы сѧ» 38 a, «печемы сѧ» 49 b, «пригахомы» 79 a, «наказаємы сѧ» 51 d, «облецѣмы сѧ» 54 b, «поплачѣмы» 57 c, «расоудимы» 60 c, «бѫдемы и мы» 32 d и «юсмъмы» 32 a,

(можно читать «ѥсмъ мы», но тогда «мы» противъ греческаго текста лишнее). Какое значеніе имѣетъ этотъ фактъ? Значитъ ли это частое употребленіе окончанія мы, что уже въ предполагаемомъ южнославянскомъ подлинникѣ изборника была очень сильно развита та черта, которую въ умѣренныхъ размѣрахъ можно наблюдать въ Супрасльскомъ сборникѣ? или же въ этой особенности памятника, какъ и въ очень частомъ отбрасываніи окончанія ть у 3 лица, проявилась черта живого языка русскаго? Если принять послѣднее толкованіе, то оно наводитъ насъ на мысль, что можетъ быть тогда еще и не было южнорусскаго окончанія мо, а было только мъ и мы; развивавшееся же потомъ, для достиженія соразмѣрности между первымъ и вторымъ лицомъ въ числѣ слоговъ, окончаніе мо[1]) могло вытѣснить не только окончаніе мъ, изъ котораго оно вышло, а также бывшее когда-то мы.

Относительно имперфекта на *яхъ* вм. церковнославянскаго ѣхъ мое мнѣніе нѣсколько расходится съ толкованіемъ, предложеннымъ въ лекціяхъ (на стр. 114—115). Я не нахожу большого различія въ томъ, оканчивается ли имперфектъ на *яхъ* или *яахъ*; если бы формы «идѧаше», «сѣдѧаше» могли быть названы исключительно книжными, чуждыми живому русскому языку, то я не вижу причины не считать такими же также формы «идѧхъ» и «сѣдѧше». Особенность древнерусскаго имперфекта состояла не въ томъ, что онъ не принималъ двухслогового окончанія *яахъ*, а въ томъ, что безъ различія всѣ четыре разряда глаголовъ (I—IV) оканчивались на *яхъ*, при чемъ не обращалось вниманія на предыдущую согласную, не допускавшую въ первоначальныхъ сочетаніяхъ непосредственной мягкости. Эти «древнерусскія» формы имперфекта несомнѣнно явленіе позднѣйшее, аналогическое, развившееся подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ

---

[1]) Въ русскомъ языкѣ *мо* могло быть совсѣмъ не того происхожденія, какъ сербское *мо*, а выйти просто изъ ударяемаго *мъ*. Примѣръ, приведенный у Срезн. 154 с. изъ тріоди постной XI вѣка, «къ тебе прибѣгаѥмо» надо отнести къ нерѣдкимъ случаямъ описокъ, гдѣ вм. ъ по недосмотру написано *о*.

ахъ или *яхъ* было издавна въ употребленіи. Итакъ примѣры: «боудꙗше», «прииджше», «коупꙗше», «ходжше», «мыслꙗше», «чьстжхоу» — они взяты мною изъ житія Θеодосія по списку усп. собора XII в. — не тѣмъ русскіе, что не оканчиваются на «жше», «жхоу» — а тѣмъ, что не оканчиваются на ѣхъ или ѣахъ, и тѣмъ, что коренная согласная осталась неизмѣненною въ сочетаніи «ходжше» вм. церковнославянскаго «хожаше», въ «чьстжхоу» вм. «чьщахоу», въ «коупꙗше», вм. «коуплꙗше», въ «мыслꙗше» вм. «мышлꙗше». Между примѣрами «ходжше» жит. Θед. 37 а и «исходжахоуть» ib. 34 d существенной разницы нѣтъ, обѣ формы «древнерусскія», между тѣмъ какъ «хожаше», ib. 34 d — форма церковнославянская. Точно такъ «ведеше сж» ib. 5 b — форма церковнославянская, не потому, конечно, что нѣтъ въ ней удвоенія гласной передъ ше, а потому что гласною выступаетъ е (взамѣнъ ѣ) вмѣсто ожидаемаго по пріему русскому ж; на оборотъ «ѿпоустжаше» 24 d я назову формою русскою, несмотря на окончаніе жаше, потому что церковнославянскою могла бы быть только форма «ѿпоущааше». Форму «имѣаше», на которую указывается, поддерживало настоящее время «имѣеть»; при настоящемъ «имамъ» въ имперфектѣ было бы «имꙗше» или «имжаше»: «иногда же имжшеть же бжии градъ патриарха» син. патер. Срезн. м. п. № 82 стр. 69; «имꙗхоути и» ж. Θед. усп. сб. XII в. 11 с.

Трудно придавать значеніе изрѣдка встрѣчающимся формамъ 2 лица дв. и мн. ч. на шьта, шьте; примѣровъ вообще такъ мало, что нельзя не видѣть въ нихъ стремленія сблизить окончаніе шета-шете съ окончаніемъ ста-сте. Не будь окончанія шьта, шьте, а только шта-ште, то можно бы сказать, что обыкновенное ста-сте подъ вліяніемъ единст. числа ше преобразовалось въ шта-ште. Такъ объясняется чешское *šta-šte*, не имѣющее впрочемъ ничего общаго съ древнерусскими примѣрами, и встрѣчающееся только въ болѣе позднихъ памятникахъ (при обыкновенномъ *sta-ste*).

О причастіи настоящаго времени на *а* авторъ разсуждаетъ два раза: на стр. 116 — 117 и на стр. 182 — 3. На второмъ мѣстѣ вѣрно изложено, что нынѣшнее «идя» преобразовалось изъ прежняго «ида», подъ вліяніемъ аналогіи съ «бія», «зная», вытѣснившей наконецъ прежнюю форму «ида» вполнѣ. Не сказано только, чего можно было ожидать на стр. 116 — 117, какъ образовалось это «ида» въ свою очередь вм. церковнославянскаго «идꙑ». Окончаніе *а* и отношеніе его къ *ы* автору не совсѣмъ ясны. Я бы этому удивлялся, если бы не была упущена изъ виду параллель съ подобнымъ же явленіемъ въ языкѣ сербскомъ. Но такъ какъ указывается только на чешское «jda», «jsa», «řka», обойдены же молчаніемъ древнесербскія формы «моге», «иде», «кове» (сл. Даничић, Историја облика, стр. 348), то не удивительно, что ни словомъ не упомянуто единственно возможное объясненіе этихъ формъ на *а*. Дѣло въ томъ, что полнѣйшій параллелизмъ между древнесербскимъ «моге» и древнерусскимъ «мога» или древнечешскимъ «moha» ясно свидѣтельствуетъ о связи гласныхъ *е* — *а* съ носовымъ ѧ. О происхожденіи *а* въ «мога» можно бы только тогда сомнѣваться, если бы и въ древнесербскомъ языкѣ существовала форма «мога»; но какъ скоро древнерусскому *а* въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ сербское *е*, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что «мога-моге» образовались изъ «могꙑ» на подобіе «пѧть-петь» (изъ пѧть), т. е. по анологіи причастія «дѣлаѧ-дѣлаѥ» изъ «дѣлаѩ». Твердость окончанія, сохранившаяся во всѣхъ косвенныхъ падежахъ въ качествѣ гласной *у* съ предыдущей твердой согласной, не позволяла именительному падежу въ русск. языкѣ сразу поддаться полному смягченію, т. е. прямому переходу старославянскаго ꙑ въ *я*, сначала выступила наружу средняя форма съ *а* (безъ смягченія), т. е. сближеніе между твердыми и мягкими ограничивалось въ первое время въ именит. падежѣ ед. ч. м. р. одной гласной *а*, она же была то мягкая («знаꙗ» «биꙗ» или «бьꙗ»), то твердая («ида» «мога»). Твердость слога была и въ чешскомъ языкѣ причиною появленія гласной *а* вм. *ie*: «jsa» или «jda» на-

поминаетъ чешское «páty», «maso». Ссылка на ѣ родительнаго падежа вм. ѫ не подходитъ.

Проф. Соболевскій говоритъ о двухъ формахъ супина въ церковнославянскомъ языкѣ, на тъ и на ть (стр. 117). Едва-ли это вѣрно. Существующая форма на шть, напр. въ «облешть» и т. д., еще не доказываетъ суффикса ть, такъ какъ и «*облегтъ» могло дать «*облеjтъ», «*облетjъ», «облешть». Для супина необходимо и въ древнерусскомъ языкѣ, на ряду со всѣми прочими славянскими нарѣчіями, остановиться на одномъ только окончаніи тъ, относительно котораго достаточное число примѣровъ приведено на стр. 181. Это не мѣшаетъ, конечно, допустить, что въ древнерусскомъ языкѣ очень рано неопредѣленное наклоненіе стало вводить языкъ въ заблужденіе, заставляя его (но сначала вообще довольно рѣдко) вм. окончанія на тъ примѣнять окончаніе на ть; послѣднее случилось тѣмъ легче, что, какъ мы знаемъ, и въ неопредѣленномъ наклоненіи уже древнѣйшіе памятники обнаруживаютъ случаи сокращенія на ть. Эта возможность смѣшенія и была причиною, что въ концѣ концовъ обѣ формы совпали въ одномъ окончаніи ть. Иногда и при этомъ окончаніи все же чувствуется еще сила и дѣйствіе супина въ оборотѣ синтактическомъ. Такъ въ грамотѣ рижсковитебской, писанной около 1300, читается: «ѡнъ шолъ с темь члвкомъ соли вѣсить» (Ср. 241, по изданію Куника: «весить»). Здѣсь не было бы достаточной причины для родительнаго падежа «соли» (рѣчь идетъ о опредѣленномъ количествѣ: «мехъ соли»), если бы въ формѣ «вѣсить» не чувствовалась сила супина, несмотря на мягкое окончаніе, точно такъ, какъ напр. въ «пригвоздитъ крта» жит. Никон. 24 б (при твердомъ окончаніи). Сличи такой же примѣръ: «поидоша воевать заноровья» Псков. лѣт. I, 187 и даже: «поѣхаше селъ нѣмецкихъ воевати» (вм. воеватъ») ib., или акт. юр. № 21 (1541 г.): «пріѣжали... тое жонки и дѣвки имать», «сѣна косити» Кал. I. 230.

Маленькая неточность ускользнула у автора, когда онъ говоритъ, что сербскій и словинскій языки знаютъ только формы на *ти*. Нисколько!

Не помнится, чтобы я читалъ въ лекціяхъ, указаніе на то, какъ форма неопредѣленнаго иныхъ глаголовъ отступаетъ въ русскомъ языкѣ отъ церковнославянскаго. Это касается такихъ глаголовъ какъ «отверзоу», «чьтоу», «цвьтоу», гдѣ по старинному въ неопредѣленномъ наклоненіи гласная являлась въ протяжномъ видѣ: «отврѣсти», «чисти», «цвисти», въ русскомъ же языкѣ уже очень рано неопредѣленное поддалось вліянію настоящаго времени: «отверсти», «чести», цвести», напр. «повелѣ отъврьсти» ж. Өеод. 15b, «ицести» (вм. ицисти) паис. сб. Ср. 274, «приде почертъ» (вм. почереть) гал. ев. XIII в. Сборн. XV. 435, точно такъ въ еванг. 1393 г. «почертъ воды»; въ грамотѣ 1229 года по списку *A*: «того почьсти за лихии моужь» (руск. лив. акт. 442), въ спискахъ *B*. *C*: «почисти»; «розчестисѧ» моск. гр. 1433 (г. гр. I. 101); «грамоту велѣлъ чести» костр. гр. 1490 г. (акт. арх. эксп. № 4, стр. 7), «чести» пск. суд. гр. § 25.

Неопредѣленное «ити» переходитъ въ «итти»; правописаніе колеблется между «итти» и «идти». Проф. Соболевскій указываетъ на примѣры XIV в. съ д передъ ти; я же могу указать на примѣры съ т передъ ти: «итьти» моск. гр. 1434 г. (г. гр. I. 109), 1434 ((ib. 117, 2 раза), 1436 (ib. 121, 4 раза) и т. д.; «итьти» 1554 г. Бусл. хр. 763, «изытти» XVI в. Тихонр. отреч. I. 8, «снитти» ib. 12; «итти» пск. суд. грам. § 70, «итти прочь» 1560 г. Калач. II. 551, и у Котошихина «итти». Не отрицаю конечно возможности объясненія, предлагаемаго проф. Соболевскимъ, но тогда, кажется, надо бы ожидать исключительно только «идти» и «итти», вм. «идьти», «итьти», которыхъ в такимъ образомъ остается не объяснимымъ. Я предпочитаю думать, что на образованіе неопредѣленнаго «итьти» вліяли формы «найти», «пойти», «сойти» и т. д.; мягкость слога, предыдущаго окончанію ти, въ этихъ формахъ, вызвала и въ простомъ «ити» форму «ijti», давшую «итьти» приблизительно такъ, какъ «веселіе» въ малорусскомъ нарѣчіи даетъ «весільле», или такъ, какъ въ сербскомъ языкѣ рядомъ съ «пôђи», «нâђи» образовалось «ѝђи». Изъ «итьти» развилось потомъ «итти»

(какъ изъ «бүдьто» вышло «бүдто») и даже «поитти», напр. въ гр. № 20 акт. юр. «по межамъ поитти» (1534).

Проф. Соболевскій ставитъ гадательно вопросъ, не стоитъ ли русская форма *мя* въ «тѣмя» вм. обыкновеннаго «тѣмъ» въ связи съ сербскимъ окончаніемъ *ме*, производимымъ имъ же изъ *мя* (стр. 118)? Мнѣ кажется, что тутъ между сербскимъ и русскимъ языками ничего общаго нѣтъ. Всѣ діалектическія формы прилагательныхъ и мѣстоименій на *мя* развились несомнѣнно подъ вліяніемъ числительныхъ «двумя», «тремя», «четырьмя», образовавшихся изъ «двүма», «треми» «четырьми» (обѣ послѣднія формы также «трема», «четырьма», конечно по аналогіи съ «двүма», сличи даже «пѧтма»: «пѧтма варницамъ» 1551 г. ак. юр. 191). Весь вопросъ въ томъ, какъ образовалось «двумя» изъ «двүма»? Соглашаюсь съ давно уже предложеннымъ объясненіемъ проф. Лескина, что «двумя-тремя» произошло изъ взаимнаго вліянія другъ на друга обѣихъ формъ «двүма-треми». Параллели къ этому переходу имѣются въ «гостя» изъ «гости», въ «тебя» изъ «тебе» (гдѣ какъ сказано вѣроятно вліяла также форма «тѧ»).

Относительно формы «ѥсми» надо было непремѣнно прибавить, что она явленіе довольно позднее, выступившее въ то время, когда уже этотъ глаголъ сталъ выходить изъ употребленія. Несомнѣнно «ѥсми» образовалось подъ вліяніемъ «ѥси».

XIV.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, отрывочность которыхъ обусловлена мало удовлетворительнымъ порядкомъ изложенія въ лекціяхъ, перехожу къ исторіи формъ склоненія и спряженія. Первымъ (склоненію) посвящено 42, послѣднимъ 32 страницы. Въ такомъ небольшомъ объемѣ нельзя было, конечно, подробно

изложить судьбу древнерусскаго склоненія и спряженія; надо было ограничиться лишь общими чертами. Дѣйствительно, изложеніе проф. Соболевскаго не въ уровень извѣстнымъ трудамъ Даничича по сербскому, Калины по польскому языку, и въ новѣйшее время Облака по словенскому нарѣчію. Оно уступаетъ имъ и полнотою и систематичностью. Примѣровъ приводится очень мало, такъ сказать только для того, чтобы намѣтить ходъ развитія. На черты діалектическія, насколько онѣ высказывались и въ этихъ данныхъ, указано только мимоходомъ и не всегда, напр. при родительномъ падежѣ ед. ч. на *у* не сказано, что и онъ въ извѣстныя столѣтія характеризуетъ языкъ русскій сѣверозападныхъ окраинъ. Едва ли можно удачнымъ назвать обозначеніе всѣхъ главнѣйшихъ отступленій древнерусскаго склоненія отъ обще-славянскаго словами «смѣшеніе основъ». Ни о какомъ смѣшеніи основъ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Развѣ напр. смѣшеніе основъ въ томъ, что уже въ изборникѣ 1073 г. читаемъ «отъ льноу»? Не вѣрнѣе ли было бы сказать такъ: въ извѣстное время существовалъ родительный падежъ ед. ч. существительныхъ мужескаго рода, оканчивавшихся въ именительномъ падежѣ безъ различія на ъ, съ двумя окончаніями: на *а* и на *у*. Древнерусскій языкъ унаслѣдовалъ оба эти окончанія; не желая же отказаться отъ одного, какого либо, изъ нихъ, какъ это сдѣлалъ напр. языкъ сербскій, онъ сталъ около окончанія на *у* группировать преимущественно существительныя одно- и двухсложныя, по большей части въ оборотахъ съ предлогами, существительныя выражающія обыкновенно матерію, мѣстность и т. п. То же самое повторилось въ дательномъ падежѣ, только что здѣсь языкъ распорядился двумя окончаніями *у* и *ови* нѣсколько иначе: второе отводилось главнымъ образомъ существительнымъ, выражающимъ названія лицъ или личныя имена. Какъ извѣстно, форма род. падежа на *у* сохранилась до сихъ поръ, тогда какъ окончаніе дательнаго на *ови* со временемъ (за исключеніемъ малорусскаго нарѣчія) исчезло. Итакъ не только о «смѣшеніи основъ», а также о «потерѣ падежей» слѣдовало бы говорить.

Прибавимъ къ этому родительный падежъ «гостя» вм. прежняго «гости»; здѣсь строго говоря нельзя толковать ни о «смѣшеніи», потому что нѣтъ рядомъ двухъ окончаній, которыя могли бы смѣшиваться; нельзя говорить ни о «потерѣ» падежа, потому что окончаніе род. падежа на *и* еще до сихъ поръ существуетъ, но только для словъ женскаго рода и для одного лишь слова мужескаго рода «путь». Стало быть перемѣна (преобразованіе падежей), случившаяся здѣсь, произошла подъ вліяніемъ рода; она же опять коснулась вовсе не «основъ», а извѣстныхъ падежей. Дательный падежъ «мѣстамъ» вмѣсто прежняго «мѣстомъ» тоже не можетъ быть названъ результатомъ смѣшенія основъ на *о* съ основою на *а*, потому что и здѣсь переходъ коснулся не основы, а готоваго падежа, да и причина перехода окончанія *омъ* въ *амъ* по всей вѣроятности заключалась не въ словахъ женск. рода, оканчивавшихся издавна на *амъ*, а въ именительномъ падежѣ мн. числа словъ средняго рода на *а*. Судя по параллельнымъ явленіямъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, кажется, и въ русскомъ языкѣ окончаніе на *амъ-ахъ* вм. *омъ-ѣхъ* (*охъ*) стало входить въ употребленіе прежде всего у словъ средняго рода. Можно ли наконецъ въ самомъ дѣлѣ говорить о «смѣшеніи твердыхъ и мягкихъ основъ на *о*» изъ-за одной формы мѣстнаго падежа на *ѣ* (солнцѣ), вытѣснившей окончаніе на *и*? Вѣдь *ѣ* тоже не твердый звукъ, не произносилось же «солнцо» или «солнцомъ»! Не лучше ли и здѣсь говорить лишь о преобладаніи одного изъ обоихъ окончаній, существовавшихъ прежде для одного и того же падежа, такъ что мягкость или твердость тутъ была не при чемъ. Обратное явленіе, т. е. вліяніе мягкихъ основъ на твердыя, авторъ замѣтилъ сначала «въ винительномъ падежѣ множ. числа» (стр. 128) и черезъ нѣсколько страницъ (на стр. 131) опять не только въ винительномъ мн. ч., но также въ родительномъ ж. р. ед. ч. Не слѣдовало ли подвести всѣ эти однородные случаи подъ одинъ уголъ зрѣнія?

Возраженія мои клонятся къ тому, чтобы убѣдить автора, во второмъ изданіи «лекцій» излагать судьбу русскаго склоненія по

очереди падежей: взаимное вліяніе различныхъ окончаній того же падежа другъ на друга, смѣна одного падежа другимъ или смѣшеніе ихъ между собою, наконецъ вліяніе рода на преобразованіе склоненія — всѣ эти качества древнерусскаго склоненія выступили бы гораздо нагляднѣе при изложеніи предмета въ другомъ порядкѣ, чѣмъ нынѣ.

XV.

Къ именительному падежу ед. ч. замѣчу, что нигдѣ не изложено, какъ далеко можно по памятникамъ прослѣдить формы «мати», «дчи» (дочи). Нѣсколько примѣровъ приведено мною выше (на стр. 59), сл. также въ грамотѣ 1508 г. акт. юр. № 13 «мати моꙗ», въ двинск. грамотѣ XV (акт. юр. 112): «его дочи Ѳедора», Кал. юр. б. I. 548 (1459 г.) «дочи». Относительно формы «церкви» (или «церкы»: «ꙗзыческаꙗ церкы» у Кирилла Туровскаго) авторъ какъ будто бы колеблется, не признать ли ему ее фактически существовавшей въ жизни народа (стр. 138). Напрасно. Это такая же литературная выдумка, какъ «есми», которую могли поддерживать еще и южнославянскіе тексты, гдѣ въ XII—XIII столѣтій тоже иногда попадается именительный падежъ «цръкви» (напр. въ болонской псалтыри). Къ именительному существительныхъ на *-ыни* укажу на примѣръ, доказывающій существованіе формы въ простонародномъ текстѣ еще въ XVII столѣтіи; въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ (ПДП. 1879 I. стр. 79) читаемъ: «государыни»; къ словамъ же на *ья* (вм. церковнослав. *ии*) прибавлю еще «лодьи» изъ смоленской правды по спискамъ D. E. F. (р. лив. акты, 441).

На вопросъ, какъ долго существовалъ звательный падежъ, не даютъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта и объясненія примѣры приводимые на стр. 136. Не можетъ быть, кажется, сом-

нѣнія въ томъ, что такіе звательные, какъ «брате», «господине» держались долго: «господине княѕь великии» читаемъ въ московской грамотѣ 1405 года (гос. гр. I. 71), гдѣ второе слово уже въ формѣ именительнаго, тогда какъ въ витебскорижской около 1300 г. имѣется еще и зват. падежъ «княже» и даже «княжо». Въ судной грамотѣ псковской XV вѣка находимъ: «азъ брате тобѣ заплатилъ», «оу мене, господо, тѣи приставы не бывали». Ипатская лѣтопись различаетъ еще звательный на *е* отъ звательнаго на *у*: «брате и свату» 467, «вы намъ сыну всегда надоби» 300. Къ примѣрамъ звательнаго «братия» припомнимъ себѣ изъ грамоты 1130 года звательный падежъ: «братиѣ», гдѣ *ѣ* вѣроятно еще выражало звукъ ѥ.

Въ виду довольно ранняго исчезновенія звательнаго падежа можно сильно сомнѣваться въ вѣрности объясненія (на стр. 137), предлагаемаго проф. Соболевскимъ, на счетъ новгородскихъ формъ «останъке», «иванке», «посаднике», которыя будто изображаютъ звательный падежъ! Какой звательный падежъ можетъ быть «посаднике»? не ожидали ли бы «посадниче» въ родѣ малорусскаго «козаче»? Удивляюсь, что авторъ послѣ очень разумнаго разсужденія, посвященнаго этимъ фактамъ въ статьѣ Шахматова, напечатанной въ моемъ «Архивѣ» VII 60 и слѣд., все еще продолжаетъ настаивать на своемъ звательномъ падежѣ!

Окончаніе род. падежа на *у*, какъ уже сказано выше, въ большинствѣ случаевъ ограничивается краткими одно- или двухсложными существительными, напр.: «со мху» ак. юр. 1504, стр. 22, «съ году на годъ» ib. 1532, стр. 40, «сроку» ib. 38, «съ дѣлу» ib. 40, «мошку» ib. 46, «лому» 1555, стр. 169, «мужественаго поту своего» ипат. 436, «съ бою того» Бусл. хр. 701 (XV в.), уже въ жит. Ѳеод. 22 d: «ѿ бою». Въ московской грамотѣ 1402 г. «того полону», въ югозападныхъ грамотахъ: «оба полъ Богу» 1376, «до дрѹгого рокѹ» 1386, «того листѹ» 1409, «краковского рѣзѹ» 1424, «ѿ бродѹ» 1430; въ литовскихъ грамотахъ: «до мостѹ» 1375 (сл. «отъ мостку» 1555 ак. юр.

168), «казателевого закону» ib., «ризького весу» 1405 (рус. лив. ак. 120). Здѣсь можно припомнить также «съ молоду» псковск. лѣт. I. 297, существующее до сихъ поръ, и замѣну двойственнаго числа «два года» въ «два году» акт. юр. № 13 (1508 г.), Кал. I. 190, № 62 (около 1501 г.). Еще безъ перехода въ новое склоненіе употреблена въ родит. падежѣ форма «без ремени» въ москов. грамотѣ 1389 г. (г. гр. I. 61), сл. «ѿ камени» XV в. (Бусл. хр. 700), «на одномъ корени» ак. юр. 1534 (р. 46), 1555 г. (стр. 168). Стоитъ упомянуть, что по той же аналогіи существовалъ также род. падежъ «пни»: «до осинового пни», «отъ того пни», «со пни» ак. юр. 1518, № 147, «у того пни» ib. 1554, стр. 167 (въ род. мн. ч. «у тѣхъ пней», но дат. ед. ч. «къ олховому пню» ib.). Къ этому колебанію языкъ былъ приведенъ формами род. падежа «гостя» и «гости», дательнаго «гостю», «гости» и даже «гостеви». Отъ существительныхъ «путь» и «тать» встрѣчается въ смоленской правдѣ родительный падежъ на *е* (въ изданіи Куника русско-лив. акты; по спискамъ D. E): «не боронити имъ того поуте» (въ спискѣ F: «пути того»), «иметь тате» (въ спискахъ А. В. С. F «татя»). Относительно «тате» можно полагать, что здѣсь *е* стоитъ вм. *я*, поэтому, должно быть, и «путе» стоитъ вм. «путя», формы засвидѣтельствованной въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (сл. Владиміровъ, др. Фр. Скорина, стр. 278). Какъ понимать въ псковской второй лѣтописи 40: «крове христіаньскыя»? остатокъ ли это старины? Сличи еще род. падежъ «дяди» въ моск. грам. 1362 г. № 27, и «мѣсяци» въ акт. юр. 1529 г. № 237 (это вѣроятно простая описка вм. мѣсяца). Нынѣшнее произношеніе нарѣчія *сегодни* (вм. сегодня), которое иные осуждаютъ какъ «фабричное», основано на историческихъ правахъ, сл. «до Дмитреева дни» акт. юр. № 179, стр. 197 (1577 г.), «съ Єгорьева дни» ibid. стр. 198 (1585 г.); «сегодни» Калач. I. 193 (1547 г.), «тогожъ дни» ibid. I. 234.

Уже у проф. Соболевскаге указано на замѣчательное количество примѣровъ на *ови — еви* въ дательномъ падежѣ ед. ч. Такъ какъ этой формы въ нынѣшнемъ великорусскомъ нарѣчіи

нѣтъ—она свойственна югу и юго-западу Россіи—то опять возникаетъ вопросъ, не обязанъ ли древнерусскій литературный языкъ — чисто народнаго мы и такъ не знаемъ — широкимъ распространеніемъ этой формы по всѣмъ памятникамъ какъ юга, такъ и сѣвера, зарожденію русско-славянской письменности именно на югѣ? другими словами, не есть ли дательный падежъ на *ови*—*еви* въ древнерусскомъ языкѣ—черта южнорусская? Я оставляю и этотъ вопросъ пока безъ окончательнаго отвѣта, будучи убѣжденъ, что дальнѣйшія изслѣдованія не обойдутъ его молчаніемъ.

Къ примѣрамъ, приводимымъ въ лекціяхъ (на стр. 121—122), прибавимъ еще такіе изъ ипатской лѣтописи, какъ: «зѧтеви», «тестеви», «медведеви»; или «гостеви» грам. смол. 1284 г., вит.-рижск. 1300, въ югозападныхъ грамотахъ: «Волъчкови» 1393, «Осташкови» 1386, «Клюсови» 1400, «Юркови» 1424, «Клѣсови» 1430; въ литовско-русскихъ грамотахъ: «королеви» 1340, «Василеви» 1383, «бискупови» 1399—1429 и т. д.

Что въ домостроѣ читаемъ: «подастъ телесе здравіе», «свекрове камка», здѣсь *е* замѣняетъ обыкновенное окончаніе *ѣ*, которое не въ свое мѣсто попало также въ «по отцѣ и по матерѣ» ак. юр. 1568 г., стр. 148.

Смѣшеніе родительнаго съ дательнымъ (мѣстнымъ), о которомъ говорится на стр. 143—144, по моимъ примѣрамъ встрѣчается преимущественно въ сѣверозападной области (напр. въ Псковѣ): «отъ великои рѣцѣ» псков. лѣт. II. 18, «съ дорозѣ» II. 41, «изъ него руцѣ» ib., «отъ Бурковѣ лавици» ib. 31, «отъ Куклинѣ лавици» 32, «по конецъ Враговкѣ улици» ib. (я принимаю здѣсь *ци* какъ окончаніе дат. падежа), «отъ Великои рѣкѣ» ib. 42 (ожидали бы «рѣцѣ»), напротивъ въ двин. гр. ак. юр. 112 (XV в.) «отъ рѣкѣ» вѣроятно ѣ родительный мягкаго окончанія вм. «рѣкы», сл. ibid. 271, «отъ рѣкѣ и до озера» (новг. XV в.); наоборотъ: «въ свѧтѣи Троицы» пск. лѣт. I. 180, «жены слѣпои отверзе очи» ib. 302. Примѣры, какъ «на Кролму отъ Псковѣ» пск. лѣт. II. 22. 23. 31 или «паче первыѧ воинѣ» ib. 37 могутъ быть также родительными падежами на ѣ вм. ы, хотя эта черта

преимущественно свойственна новгород. говору какъ въ род. ед., такъ въ винит. множ. числа: «половину отцинѣ» ак. юр. 119, «въ викѣ» ib. 111 (двин. грам. XV вѣка).

Для винительнаго падежа не лишнимъ считаю упомянуть постоянный оборотъ «на конь» въ вит. грам. 1300, въ грамотахъ московскихъ 1341 года, пск. суд. гр. § 110, пск. лѣт. I. 247 и т. д., сл. также «даите вы мнѣ конь» витебск. гр. 1300, въ новгородской грамотѣ 1301 г. «проводити сии гость» (но это можетъ быть также «nominativus cum infinitivo»), сл. лавр. лѣт. 237 «чтите гость»; въ грам. витебской 1300: «далъ жо есиприставъ», въ пол. вит. 1405 г. «надѣючеся на богъ» (рус. лив. акт., стр. 120).

Окончаніе мѣстнаго падежа на *у* подчиняется отчасти тѣмъ же условіямъ, какія выставлены выше для родительнаго падежа на *у*, напр. «на вору» жит. Б. Гл. по сп. XII в., «на низу» нов. гр. 1327 г. (Шахм. 263), двин. гр. XV в. акт. юр. 111, «на лѣсу» гр. 1526 г. ак. юр. 121, «у ставу» юж. гр. 1366 г., «на стану» пол. гр. 1330 г. (р. лив. а. 54), «въ стану» двинск. гр. 1501 г. ак. юр. 125, 1543 г. стр. 190, ипат. лѣт., «на броду» моск. гр. 1577 г. стр. 191, «на холму» лавр. лѣт. 221. 225, «на суду» пск. суд. гр., «на миру» пол. гр. ок. 1400, «во всякомъ весу» ib. 1405 (р. лив. а. 104. 119), «въ обчемъ ѣзу» ак. юр. № 19, стр. 40 (1532 г.), «на найму» ib., «на углу» ib. 55 (1571) и т. д. Уже съ давнихъ временъ тяготѣли къ *у* также существительныя, оканчивавшіяся на гортанную согласную, чтобы такимъ образомъ избѣжать переходъ ея въ свистящую, пока языкъ такъ сказать не вполнѣ еще освоился съ сочетаніемъ *кѣ*, *гѣ*, *хѣ*. Большинство примѣровъ, приводимыхъ въ лекціяхъ (на стр. 122), подходитъ подъ это условіе, сл. также въ моск. грамотѣ 1327—8 г. «на червчатѣ шолку», или въ двинской грамотѣ XV в. (ак. юр. 115) «на писку», въ гр. 1510 г. ак. юр. № 14 «въ семъ списку», ib. 1518, № 16 «въ томъ списку», ib. 1530, № 18: «въ судномъ списку», ib. 1534 г. № 20 «въ иску», «на островку» ib. 1568 г. № 85, стр. 126, «на томъ берегу» ib. 127, «въ долгу» № 126, стр. 152.

Преобладаніе окончанія *ѣ*, показавшагося языку должно быть болѣе выразительнымъ, чѣмъ окончаніе *и*, могло дѣйствительно начаться очень рано, хотя нельзя всѣмъ примѣрамъ довѣрять. Къ упомянутому на стр. 128 прибавлю еще изъ минеи 1097 г. стр. 310 «въ тисѣмь пристаници». Замѣчательно, что и праздн. минея Импер. публ. библ. XI—XII в. пишетъ на л. 123 б точно такъ! Мѣстный ли это падежъ или же переписчики ошибочно поняли «пристаници» въ смыслѣ именительнаго? Для полной убѣдительности хотѣлось бы встрѣтить форму «пристаницѣ», чего однакожъ, насколько я знаю, нѣтъ. Итакъ, хотя можно допустить, что единичные примѣры преобладающаго окончанія на *ѣ* появлялись уже въ XI — XII столѣтіяхъ, все-таки не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что еще въ XIV столѣтіи вообще умѣли различать *ѣ* отъ *и* по старому, напр. въ жит. Ниф. Ростовскаго 1219 г. читаемъ: «при кнѧзи при Василцѣ при сн҃оу Костѧнтиновѣ», «въ дворци пречюднѣ». Въ московскихъ грамотахъ второй половины XIV и въ началѣ XV столѣтія пишутъ рядомъ по старому и по новому: 1341 г. гр. «братьѣ», но еще «отци»; 1353 г. «кнѧгинѣ», «въ Переславлѣ», «на Кержачѣ», «въ кнѧженьѣ«, но еще «на кнѧзи»; 1356 г. «здоровьѣ», «на Рокшѣ» и уже «по своемь отцѣ».

Въ псковской суд. грамотѣ § 107 «по томъ времѧне» можетъ быть остатокъ старины, если *е* не замѣнило *ѣ*, какъ это случилось въ «дочерѣ» юр. Кал. I. 33 (1669 г.), «по матерѣ» акт. юр. стр. 148 (1568 г.), «весь въ кровѣ» акт. юр. 109 (1678 г.).

Судьба именительнаго и винительнаго падежей множ. ч. изображена въ лекціяхъ не такъ, чтобы легко было получить точное понятіе о всѣхъ фазисахъ ихъ. Преданіе первоначальныхъ формъ, совпадавшихъ повидимому съ церковнославянскими, было нарушено съ одной стороны вторженіемъ винительнаго въ область именительнаго и происшедшимъ оттуда смѣшеніемъ обоихъ падежей, съ другой стороны расширеніемъ области окончанія *ове*. Первое теченіе совершилось въ предѣлахъ всѣхъ нарѣчій

русскаго языка, послѣднее ограничивалось западной и югозападной полосою его. Это — самый общій выводъ, который можно сдѣлать на основаніи данныхъ, разбросанныхъ въ лекціяхъ по различнымъ мѣстамъ (сл. стр. 139 — 140 и стр. 122 — 123). Относительно многихъ подробностей остаемся въ недоумѣніи. Такъ напр. если въ московск. грам. 1327—8 г. читаемъ «мои люди коуплении», то здѣсь несомнѣнный имен. падежъ въ формѣ «мои» и «коуплении», «люди» же можетъ быть винительный, но также новый именительный, образовавшійся по аналогіи обыкновеннаго, именительнаго на *и*, подобно тому какъ въ сербскомъ языкѣ, гдѣ вообще именительный не уступилъ винительному, все-таки вм. «людие» рано вошла въ употребленіе форма «люди». Не такъ ли было и въ русскомъ языкѣ? Или же въ москов. грамотѣ 1402 г. «тотъ именуетъ три кнѧзи крестьѧньские» — здѣсь «три» и «крестьѧньские» формы винительнаго, а «кнѧзи» форма именительнаго, но могла бы быть также форма винительнаго падежа, если считать «кнѧзи» новымъ винительнымъ, образовавшимся по аналогіи съ «люди», формою существовавшей еще въ XV — XVI вѣку: «на ваши люди» моск. гр. № 60 (1440 г.), стр. 131[1]). Настоящій именительный падежъ въ значеніи винительнаго виденъ въ примѣрѣ грамоты 1423 г. «волостели свои и тиуни и доводщики судитъ кнѧгини сама». Здѣсь «волостели» и «тиуни» именительные падежи, «доводщики» по формѣ можетъ быть или винительнымъ (ки вм. кы) или именительнымъ (ки вм. ци). Послѣдній случай не подлежитъ сомнѣнію въ такихъ примѣрахъ: «на конюси свое» новг. лѣт. I. 194, «послались обои исцы на послуси» акт. юр. № 13 (1508 г.). Наоборотъ, винительный въ качествѣ именительнаго: «всѣ старцѣ» акт. юр. № 62 (1501 г.). Именительный множ. ч. на *е* — «боѩре» — употребляется также какъ винительный «въ боѩре» (напр. въ грамотѣ московской 1341 года).

---

[1]) Поэтому въ гр. 1508 г. (акт. юр. № 13, стр. 27) не слѣдуетъ читать: «велѣлъ Дмитрею нщей... оправити», потому что «нщеи» не родительный, а винит. падежъ множ. числа.

Изъ «боꙗре» вышло «боꙗрѧ», едва ли подъ вліяніемъ собирательныхъ на ꙑꙗ, какъ полагаетъ авторъ (на стр. 154), а по той же причинѣ, которая вызвала «есмѧ», «естѧ» изъ «есме», есте» (см. выше на стр. 48—51). Я полагаю, что формы на я: «боѧрѧ», «христьѧнѧ» и т. д. раньше попадаются на страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, чѣмъ тѣ, которыя по толкованію, предлагаемому въ лекціяхъ, должны были послужить для нихъ образцомъ. Форму «боѧрѧ» я могу засвидѣтельствовать подлинными памятниками XV вѣка: «кн҃зи и боѧрѧ» 1462—1466 г. Калач. юр. б. I. 107, «кн҃зи и мои боѧрѧ» 1479 г. Кал. юр. быт. I. 79. Вообще взаимное вліяніе формъ именительнаго падежа мн. ч. еще не вполнѣ выяснено. Я напримѣръ не могу удовлетвориться толкованіемъ (на стр. 154), что именительный «погреба́», «города́», «дома́», «рога́» и т. д. образовался по образцу «господа́». Это объясненіе уже потому мало удовлетворяетъ меня, что слово «господа́» обозначаетъ собирательное живыхъ существъ, тогда какъ приводимыя существительныя на -а́ выражаютъ множественность предметовъ. Съ другой стороны подлежитъ сомнѣнію также догадка (тамъ же), что «сыновья́», «сватовья́», «кумовья́» образовались по образцу «бра́тья». Этому сопоставленію мѣшаетъ уже различіе ударенія, а также различіе род. падежа множ. числа: «бра́тьевъ», «сынове́й». Ближе во всякомъ случаѣ было бы указать на параллель съ формами «князья́», «мужья́». Но какъ образовалось «князья́» и «мужья́». Проф. Соболевскій указываетъ на форму собирательнаго ед. числа жен. рода «кнѧжьꙗ» и думаетъ, что нынѣшнее «князья́» не что другое, какъ та же самая форма, понятая въ слыслѣ мн. числа, подобно тому, какъ «братьꙗ» безъ малѣйшей перемѣны формы только въ синтактическомъ отношеніи перенесено изъ един. числа въ множественное (стр. 152). Но и противъ этого соображенія можно возражать. Нѣтъ причины, кажется, полагать, что старинное «кнѧжьꙗ» въ ед. числѣ имѣло удареніе на послѣднемъ слогѣ; скорѣе можно утверждать, что произносилось «кнѧ́жьꙗ», по аналогіи съ «бра́тьꙗ», (сл. «бра́тъ-бра́та» и «кня́зь-кня́зя»). Въ такомъ случаѣ ожи-

дали бы и для множеств. числа произношеніе «кня́жья» — род. пад. «кня́жьевъ», по аналогіи« бра́тья-бра́тьевъ». Напротивъ, «князья́», а также «мужья́» образовались вѣроятно не перенесеніемъ собирательной формы изъ ед. ч. въ множ. число, а скорѣе изъ предполагаемаго именительнаго множ. числа «*князье́», «*мужье́» переходомъ ударяемаго, въ концѣ слова стоящаго *е́* въ *я*; точно такъ «сыновья́» образовалось изъ «сынове», но не безъ участія въ образованіи этой формы другихъ уже готовыхъ примѣровъ на *-ья*. Примѣры именительнаго мн. ч. «кнѧзье́», «мужье́» могутъ быть и для древнерусскихъ памятниковъ засвидѣтельствованы, по крайней мѣрѣ такими близко подходящими параллелями: «стражие стражахоу» новг. лѣт. I, 33, «и сташа дньє зли» ibid. 30, «звѣрье дивии» лавр. 131. По аналогіи этихъ существительныхъ могли образоваться также формы именит. падеж. «кнѧзье», «мужье»; онѣ существовали, по крайней мѣрѣ, въ церковнослав. языкѣ [1]) (сл. Миклошичъ-Брандтъ, стр. 750), а въ особенности сильно распространены въ нынѣшнемъ словенскомъ нарѣчіи (сл. Миклошичъ-Брандтъ 172. 805). Такой же переходъ въ именительный на *іе* былъ извѣстенъ также старочешскому языку (Gebauer, Staroč. skloněni substantiv kmene - o, str. 10 — 15) и старопольскому (Kalina, стр. 77). Поэтому очень можетъ быть, что онъ не былъ чуждъ также древнерусскому языку, только что здѣсь-то онъ не успѣлъ обнаружиться раньше, чѣмъ тогда, когда уже ударяемое *ье́* перешло въ *ья́*.

Миклошичъ и Брандтъ предпочитаютъ всѣ формы на *я* («бра́тья» «бато́жья» рядомъ съ «кумовья́» и «хозя́ева») разсматривать какъ собирательныя, и потому первоначально единственнаго числа (сл. Микл.-Брандтъ на стр. 412). Но едва ли этотъ на видъ болѣе простой способъ объясненія въ данномъ случаѣ самый вѣрный. Я согласенъ, что «бато́жья» или «кли́нья» или «кло́чья», «коло́сья», «поло́зья», «у́голья» дѣйствительно лишь

---

1) Поэтому встрѣчаются также въ русскихъ спискахъ церковныхъ текстовъ, напр. въ тактиконѣ 1397 года я отмѣтилъ себѣ съ листа 4-го «мужье».

собирательныя формы, перенесенныя по чутью внутренняго значенія въ множественное число. Но кто не видитъ разницы между этими словами и такими существительными какъ «князья́», «кумовья́», «друзья́», «сыновья́», «деверья́», «свекровья́»! Одна изъ этихъ формъ, «друзья́», просто по фонетическимъ причинамъ не можетъ быть собирательнымъ ед. числа; сообразно съ «кло́чья», «бато́жья», «су́чья» и т. д. ожидали бы «дру́жья». Я затрудняюсь даже допустить, чтобы форма «Татарва́» могла быть что другое, какъ собирательное, образовавшееся изъ «Тата́рове», «татаро́вя» — «татаровья́», съ которымъ по ударенію снова совпало «татаровя́» — «татарва́». Что языкъ не остановился на формѣ «татаровья́», тому я нахожу причину въ значеніи слова. Для названій не то мѣстъ, не то народовъ, русскій языкъ любитъ существительныя собирательныя женскаго рода ед. ч., сл. «**Мерꙗ**», «**Моурома**», «**Полꙗ**» и т. д. или въ пск. лѣт. I. 182: «**Поганаꙗ Латина**». Какъ въ послѣднемъ примѣрѣ «**Латина**» образовалось изъ «**Латинѧ**» вм. «**Латине**» (имен. ед. ч. было бы «**Латининъ**»), какъ «Ла́яна» (= жители деревни Ла́и) замѣнило форму «*Ла́яня» (вм. «Ла́яне» сл. Микл.-Брандтъ, I. 411, прим. 3), точно такъ «татарва́» вышло изъ «татаровя́», «татарова́». Можетъ быть такимъ же образомъ изъ «листвье́» (вм. «ли́ствіе») образовалось «листва́», но здѣсь скорѣе вліяла аналогія такихъ словъ, какъ «мурава́». Форма «хозя́ева» вышла изъ *«хозя́евя» (вм. «хозя́еве») точно такъ, какъ «боя́ра» изъ «боя́ря» (вм. «боя́ре»), какъ «мѣща́на» изъ «мѣща́ня» (вм. «мѣща́не»)—стало быть и здѣсь нѣтъ надобности говорить о переходѣ собирательной формы слова изъ единственнаго въ множ. число.

Труднѣе найти точку отправленія для многочисленныхъ именительныхъ на *а́* безъ предъидущаго смягченія. Какъ я сказалъ, не вѣрится, чтобы одно слово «**господа́**» могло сдѣлаться коноводомъ для всѣхъ тѣхъ существительныхъ, по большей части значеніемъ своимъ не укладывающихся въ рамку слова «**господа́**». Развѣ можно допустить, что «**господа́**», род. пад. «**госпо́дъ**», по-

тянуло за собою: берега́-берего́въ, бока́-боко́въ, вечера́-вечеро́въ и т. д.? Не думаю. Допустить это можно развѣ для такихъ словъ, какъ «лѣ́карь», «пи́сарь», «учи́тель», которыхъ а́ и безъ того легко объясняется изъ консонантическихъ формъ «лѣкаре́», «писаре́», «учителе́», формъ возможныхъ и для древнерусскаго языка, въ доказательство чего укажу на примѣръ изъ псковской судной грамоты: «а только тѣ приставе рекутъ то слово» (Влад. Будан. Христ. I. 149, § 57). Но для именительныхъ «берега́», «города́», «лѣса́» и т. д. повидимому и этихъ примѣровъ мало. Кажется, эти формы, довольно позднія, стали входить въ употребленіе только тогда, когда въ трехъ косвенныхъ падежахъ уже установились окончанія *а́мъ*, *а́ми*, *а́хъ*. Вѣроятно это преобладаніе окончанія, начинающагося съ *а́*, на которомъ было удареніе, хотя и не вызвало, но по крайней мѣрѣ значительно поддерживало и для именительнаго ударяемое *а́*. И такъ скажемъ, вслѣдствіе трехъ падежей «берега́мъ», «берега́ми», «берега́хъ» вышло наружу также для именительнаго «берега́». Нельзя однакожъ утверждать, что упомянутыхъ трехъ падежей было достаточно для воспроизведенія именительнаго на *а*; въ такомъ случаѣ примѣровъ именительнаго на *а́* было бы гораздо больше. Что же мы видимъ? Мы замѣчаемъ условія, сильно ограничивающія окончаніе *а́*. Подробно и внимательно распространяется о нихъ Я. К. Гротъ въ Фил. Разысканіяхъ[3] I. 441—они доказываютъ, что окончаніе на *а́* зависитъ еще и отъ различныхъ другихъ факторовъ, кромѣ помянутыхъ трехъ косвенныхъ падежей. Самымъ важнымъ изъ этихъ условій я считаю неударяемость окончанія въ род. падежѣ ед. числа. Разница же между «го́лоса» и «голоса́», «по́греба» и «погреба́», «о́корока» и «окорока́» напоминаетъ очень живо такое же различіе у существительныхъ средняго рода: «сло́ва» и «слова́», «по́ля» и «поля́», «мо́ря» и «моря́», «зе́ркала» и «зеркала́», «де́рева» и «дерева́». Спрашивается, не дѣйствовала ли тутъ въ самомъ дѣлѣ аналогія окончанія средняго рода на *а́*? Но это дѣйствіе я бы во всякомъ случаѣ распространилъ только на слова, обозна-

чающія конкретные предметы, какъ: бока́, глаза́, дома́, лѣса́, рога́, хлѣва́, берега́, вертела́, волоса́, вѣера́, города́, жолоба́, жернова́, колокола́, короба́, кузова́, образа́, острова́, погреба́, полога́, пояса́, тормоза́, терема́, черепа́; и на такія слова, которыхъ абстрактное значеніе можетъ перейти въ конкретное: года́, вѣка́, края́, цвѣта́, голоса́, вечера́, холода́, откупа́, промысла́ и т. д. Напротивъ для словъ, обозначающихъ живыя существа, какъ: конюха́, повара́, пристава́, сторожа́, перепела́, тетерева́, и для всѣхъ иностранныхъ словъ такого же значенія, какъ: доктора́, мастера́, цензора́, профессора́ — ближе и естественнѣе думать, что они развивались подъ вліяніемъ формъ: учителя́, писаря́ и т. д.

Да извинитъ читатель эту растянутость, свидѣтельствующую лишь о томъ, что нѣтъ еще достаточно подобранныхъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія вопроса. Дѣйствительно въ лекціяхъ не указано, съ какихъ поръ попадаются примѣры на *а́*; у меня по рукописи XV вѣка (1470—7, Уч. Зап. V. 61) отмѣчено «роукава же ризъ ихъ широци», но это можетъ быть еще двойственное число, какъ вообще въ этомъ словѣ форма «рукава» вѣроятно остатокъ дв. числа. Въ грамотѣ 1568 г. (юр. акт. 126) пишутъ: «жернова новые запасные», въ грамотѣ 1628 г. (у Иванова № 62): «на колоколне колокола».

Въ родительномъ падежѣ множ. числа хотѣлось бы нѣсколько подробнѣе узнать объ отношеніи между окончаніями мягкихъ основъ *евъ*, *овъ* и *ей*. Повидимому «рублевъ» («рублевъ» гр. 1388 г., «стѡ рублевъ»? гр. 1510 г.) и даже «рубловъ» (ак. юр. стр. 111. 260) старше чѣмъ «рублей», но уже въ гр. 1388 г. (гос. гр. I. 56) читаемъ «закладнии не держати» рядомъ съ «закладневъ», встрѣчающимся въ гр. 1362 г. стр. 44. Ср. также «сто лещовъ» ак. арх. эксп. I. № 66 (около 1460 г.). Старый род. падежъ сохранился не только въ «ис конь», «пятьдесятъ конь» моск. гр. 1353 г. (гос. гр. I. стр. 38 сл. «коневъ» 1432—43 г. Калач. I. 92), но также въ «мимо своихъ дядь» ак. юр. 1508 г. № 13, стр. 25. Существительное муж. рода

«жеребьи» пишутъ уже очень рано въ род. мн. ч. «жеребьевъ» (напр. въ гр. 1356. 1389 г. и т. д.), но «остожье», какъ существительное средняго рода, остается пока еще по старому: «шесть остожей» ак. юр. 124 (1550 г.), сегодня же говорится «деревьевъ».

Гораздо лучше и удовлетворительнѣе изложена въ лекціяхъ судьба дательнаго падежа множ. числа (на стр. 126—127) рядомъ съ предложнымъ и творительнымъ. Но и здѣсь хотѣлось бы еще узнать кой-какія подробности. Авторъ не высказалъ на словахъ того, что явствуетъ изъ приводимыхъ имъ примѣровъ: совпаденіе всѣхъ родовъ существительнаго въ окончаніяхъ *амъ*, *ахъ*, *ами* началось съ дательнаго падежа, за дательнымъ послѣдовалъ предложный, послѣдній же, поддавшійся той аналогіи, былъ творительный падежъ. Кажется, не трудно это доказать и подтвердить примѣрами, что ходъ развитія новыхъ формъ дѣйствительно шелъ въ этой очереди. Легче всего было дательному падежу перейти изъ *омъ-емъ* въ *амъ*; переходъ изъ *о* въ *а* вообще самый близкій. Кромѣ того, я полагаю, и для русскаго языка не подлежитъ сомнѣнію, что первыя стали переходить въ окончаніе на *амъ* слова средняго рода, для которыхъ уже въ именительномъ падежѣ предшествовало образцомъ окончаніе на *а*; при именительномъ «сёла» легко было дательному «сёломъ» перейти въ «сёламъ», при «ловища» образовалось «ловищамъ» (вм. «ловищемъ», что тогда уже переходило въ «ловищомъ») и т. д. Существительныя мужескаго рода, совпадавшія прежде въ окончаніи дательнаго падежа съ среднимъ родомъ, примкнули тотчасъ же къ нимъ и по отношенію къ новому окончанію *амъ*. Если же все это происходило такъ, какъ здѣсь изображено, тогда не нужно даже говорить о «смѣшеніи основъ на *о*, *ъ*, *ь* и на *а*»; никакаго «смѣшенія основъ» не было, а просто дательный и предложный передѣлали свое окончаніе подъ вліяніемъ именительнаго падежа, причемъ языкъ находилъ нѣкоторую поддержку въ существовавшихъ конкретныхъ «формахъ» (не «основахъ») женскаго рода на *амъ*, *ахъ*.

Древнѣйшій примѣръ дательнаго муж. рода на *амъ* попадается уже въ XIII столѣтіи, если вѣрно напечатано у Срезневскаго послѣсловіе матигорскаго паремейника 1271 года: «написахъ книгы сиꙗ азъ попъ с҃тго дмитрьꙗ съ сыи҃мь своимъ *матигорьцамъ*». Зато еще въ XVI вѣкѣ существовали такія формы: «холопемъ и боꙗромъ и мꙋжикомъ» 1578 г.

Предполагая, что дательный падежъ мн. ч. былъ коноводомъ въ этомъ преобразованіи нѣсколькихъ формъ множ. числа, я опираюсь на данныя древнерусскаго языка, доказывающія, какъ мнѣ кажется, что мѣстному падежу труднѣе было уступить аналогіи, чѣмъ дательному, что въ то время, когда въ дательномъ падежѣ уже преобладало окончаніе *амъ*, въ мѣстномъ еще происходила борьба стараго съ новымъ, выходили наружу даже формы не старыя и не новыя, а какія-то среднія, какъ доказательство, что языкъ былъ уже выдвинутъ изъ старой колеи, но на новую попалъ не сразу. Мы читаемъ въ двинской грамотѣ (акт. юр. № 71, VI. стр. 111) «тремъ селамъ» и рядомъ «на тихъ трехъ селѣхъ» (но также «въ ловищахъ» рядомъ съ «въ хмелникѣхъ»); тамъ же VIII (стр. 112): «ловищамъ» и рядомъ «на всихъ угодьѣхъ»; тамъ же XV (стр. 114): «по малымъ озеркамъ», XVIII: «у перевѣсищахъ» рядомъ съ «въ ручьѣхъ; тамъ же № 75 (1494 года): «къ пустошамъ», «дѣтꙗмъ» (чаще въ это время еще «дѣтемъ»), но «на пустошѣхъ». Въ грам. 1555 г. (Калач.-юр. б. I. 82—83): «къ селищамъ», «въ селищахъ», но также «въ полехъ». Въ одномъ послѣсловіи 1380 г. (у Срезн. 266) примѣръ «о людьскыхъ тꙗжестѣхъ» представляетъ такую же среднюю форму. Сл. въ полоцк. гр. 1409 г.: «на конехъ». Въ тактиконѣ 1397 года читаемъ уже «о раздорахъ» 6ª (именит. «раздоръ» ib.) [1]) Въ толк. еванг. 1441 г. (сѣверномъ):

---

[1]) Примѣръ «при первыхъ кнꙗзꙗхъ», приводимый въ русско-ливонскихъ актахъ на стр. 13, принадлежалъ бы къ древнѣйшимъ примѣрамъ, еще изъ XIII столѣтія, но—вопервыхъ грамота сохранилась въ спискѣ съ конца XIV столѣтія, вовторыхъ же въ подлинникѣ написано «при первъıхъ кнꙗ͡зхъ», что еще не даетъ полнаго права читать «кнꙗзꙗхъ».

«по селахъ своих ходящимъ», 103б, «въ градѣх и селах» ib. 104а Въ домостроѣ существуютъ рядомъ «в коробѣхъ» и «в коробьяхъ», рядомъ «в мешечкахъ» и «в сундукехъ».

Говоря о колебаніяхъ, замѣчаемыхъ въ окончаніи мѣстнаго падежа множ. числа, нельзя обойти молчаніемъ формъ на *охъ*. Кажется, онѣ встрѣчаются преимущественно въ западнорусскихъ текстахъ XV и XVI столѣтія, напоминаютъ же собою наклонность древнепольскаго языка къ этому окончанію. Въ псковской судной грамотѣ читаемъ: «на приказникохъ» § 14; въ ипатской лѣтописи[2] 590: «в ляхохъ», часто у Скорины: «домохъ, станохъ, мехохъ, рядохъ, языкохъ» и т. д. (Владиміровъ, стр. 283). Съ этими народными формами западнорусскаго нарѣчія (или хоть бы только книжными, но проникшими въ письменность не изъ церковнославянскаго языка, а скорѣе изъ польскаго) не слѣдуетъ смѣшивать формы церковнославянскія на *охъ*, которыя занесены въ письменность въ этотъ позднѣйшій періодъ времени по образцу южнославянскихъ текстовъ того времени, въ которыхъ мѣстный на *охъ* встрѣчался не рѣдко. Такъ мы читаемъ въ одномъ церковномъ (апокрифическомъ) текстѣ XV вѣка «по мѣстохъ» (Тихонр. отреч. кн. II. 371), въ одномъ текстѣ XVI вѣка «ѡ началникохъ» (Бусл. ист. хр. 730).

Послѣдній, примкнувшій къ аналогіи, о которой рѣчь идетъ, былъ творительный падежъ; примѣры окончанія *ами* встрѣчаются изрѣдка уже въ XIV и XV столѣтіи: «съ полями» западр. грам. 1883 г., «зъ лугами», ib. «копьями избодоша», Бусл. ист. хр. 706, «орамыми земляами и пожнѣми и ловищи *и хмельниками*» двин. грам. XV в. (ак. юр. 111), «съ сѣнными наволокы и съ бобровыми ловищи и съ полѣшими *лѣсами* и съ *путиками*» ib. 115, «землями и пожнями и *ловищами* и всѣми *угодьями*» ак. юр. 39 (1532 г.). Старыя формы оставались долго въ употребленіи, въ особенности *ѣми* не легко и не скоро поддалось общей аналогіи. Въ грамотахъ 13—14 вѣка часто попадаются формы: «мужьми», «коньми». Съ тѣхъ поръ, какъ окончаніе *ами* стало брать верхъ для всѣхъ существительныхъ

безъ различія, окончаніе же на *ы* еще не прекратило существованія, языкъ началъ терять чутье для различія обоихъ окончаній. Такимъ образомъ могли появиться мимоходомъ и такія формы, какъ: «съ двѣма комнаты» ак. юр. 1568 г. стр. 126; или въ псковской грамотѣ «подъ полубы» (вм. «полубами»).

XVI.

Въ склоненіи мѣстоименій есть формы, о происхожденіи которыхъ можно сомнѣваться и предлагать различныя объясненія. Авторъ лекцій (на стр. 133—4) не затрудняется объяснять род. падежъ «меня», «тебя», «себя» вліяніемъ существительныхъ мужескаго рода. По его мнѣнію «меня́» образовалось по образцу родительнаго «коня́». Не считаю возможнымъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Склоненіе личныхъ мѣстоименій не обнаруживаетъ никакихъ точекъ соприкосновенія со существительными мужескаго рода. Дательный падежъ на *ѣ* и творительный на *ою* напоминаютъ скорѣе склоненіе существительныхъ женскаго рода на -*а* (жен*ѣ*, жен*ою*). Формы «меня, тебя, себя» должны быть объясняемы иначе, т. е. по моему онѣ вышли, какъ уже сказано выше на стр. 49, изъ «мене́», тебе́, «себе́». Что же касается формъ «менѣ», «тебѣ», «себѣ» въ качествѣ родительнаго падежа— примѣровъ не очень много, но все же столько, что они должны обратить на себя вниманіе — эти формы могли бы дѣйствительно состояться подъ вліяніемъ стариннаго окончанія родительнаго падежа женскаго рода на *ѣ* («доушѣ»), если бы этому толкованію, предлагаемому проф. Соболевскимъ, не мѣшало то важное обстоятельство, что склоненіе мѣстоименій, какъ видно изъ обоихъ выше приведенныхъ окончаній *ѣ* и *ою*, не примыкаетъ къ существительнымъ женскаго рода съ мягкою согласною, съ мягкими окончаніями. Какъ скоро въ дательномъ падежѣ существуетъ

«мнѣ, тобѣ, собѣ», въ творительномъ же «мною, тобою, собою», трудно допустить, чтобы въ родительномъ падежѣ на преобразованіе окончанія могли вліять слова типа «душа», вмѣсто типа «жена». Другими словами, допустивъ съ авторомъ «лекцій» вліяніе существительныхъ женскаго рода на образованіе родительнаго падежа ед. ч. мѣстоименій личныхъ, мы непремѣнно ожидали бы не «менѣ», «тебѣ», «себѣ», а «меньі», «тебьі», «себьі». Поэтому для объясненія этихъ формъ надо искать другихъ причинъ. Сказать ли, что въ окончаніи *ѣ* просто отразилось вліяніе дательнаго падежа? Припомнимъ себѣ, что и въ дательномъ падежѣ существуетъ такое же колебаніе между окончаніями *е* и *ѣ* («тобѣ — тебе»). Но возможно еще и другое соображеніе. Я указалъ выше (см. стр. 51) на примѣры употребленія буквы *ѣ* въ такихъ случаяхъ, гдѣ потомъ народное произношеніе изъ прежняго *е* образовало звукъ *я* («болѣре — болѧрѧ»). Спрашивается, не передавали ли очень многочисленные формы именительнаго падежа мн. ч. на *ѣ*, а также и упомянутыя родительнаго «менѣ, тебѣ, себѣ» именно это переходное состояніе между *е* и *я*?

Мѣстоименіе перваго лица ед. числа «азъ» чередовалось уже въ XII столѣтіи съ народною формою слова *я* (ꙗ). Въ грамотѣ 1130 года (Мстислава и Всеволода) читаемъ рядомъ: «азъ мьстиславъ», «ꙗзъ далъ» и по народному «а се ꙗ всеволодъ». Причина отпаденія согласной *з* (по произношенію иногда *с*) въ лекціяхъ Соболевскаго не указана. Я нахожу ее въ аналогіи мѣстоименія перваго лица съ одной стороны съ «ты», съ другой стороны съ косвенными падежами тѣхъ же мѣстоименій (перваго и второго лица). Произношеніе формы «азъ», съ консонантическимъ окончаніемъ, не находило опоры нигдѣ въ ближайшей области подходящихъ сюда словъ; всѣ формы оканчивались чистыми гласными (ты, мнѣ, мене, менѧ, мною). Вотъ по моему причина, почему языкъ пожертвовалъ согласною также въ формѣ «азъ». Помнится, какъ въ моемъ родномъ городкѣ дразнили произносившихъ по словенски «*яз*» (вм. обыкновеннаго «*я*»), прибавляя въ насмѣшку «*тиз*» (т. е. «ты» второго лица съ такимъ

же *з*), желая этимъ какъ будто сказать, кто произноситъ «*яз*», тотъ долженъ произносить и «*тиз*». Я вижу въ этой психологической чертѣ самое наглядное доказательство для того, что дѣйствительно «ты» могло повліять на «аз҃» или «ıаз҃» и передѣлать его въ «ꙗ» (я).

Относительно именительнаго падежа множ. числа мѣстоименій оканчивающихся на *ѣ* («тѣ», «онѣ», «всѣ») авторъ не высказался опредѣленно; онъ говоритъ только, что это окончаніе состоялось «подобно именамъ» (на стр. 134). Стало быть — подобно именамъ женскаго рода съ мягкимъ окончаніемъ (напр. «душѣ»)? Такъ ли? Вотъ съ этимъ объясненіемъ я никакъ не могъ бы согласиться. Не подлежитъ, думаю, ни малѣйшему сомнѣнію, что «тѣ» — выводъ языка, сдѣланный для именительнаго падежа изъ совокупности косвенныхъ падежей, обнаруживающихъ всегда передъ окончаніемъ основу формъ «тѣ». Какъ въ «тѣхъ», «тѣмъ», «тѣми» всѣ роды безъ различія совпадали въ одной формѣ, точно такъ и для именительнаго новообразованная форма «тѣ» совмѣстила въ себѣ всѣ роды безъ различія. Число примѣровъ, приводимыхъ въ лекціяхъ, можно бы увеличить множествомъ другихъ, изъ грамотъ XIV и XV вѣковъ, но они не даютъ ничего новаго. Прибавлю только, что основа «тѣ» такъ крѣпко засѣла въ языкѣ, что на основаніи ея развились нѣкоторыя новыя формы: въ грамотѣ 1462—1505 г. (у Калачева юр. быт. I, 170) читаемъ нѣсколько разъ «тѣе земли», «на тѣе земли»; даже въ единственномъ числѣ «тѣю деревнею», «тѣю землею» (въ грамотѣ 1473 г. ак. юр. № 411).

Впрочемъ въ склоненіи мѣстоименія «тъ» видно также вліяніе склоненія обыкновенныхъ прилагательныхъ. Когда въ именительномъ мн. числа пишутъ «тии людье» грам. витеб. риж. о. 1300, или «тие люди» рус. лив. акт. стр. 13, или «тіи люди», «тіи люде» грам. галицкая у Головацкаго № 1 (1375 года), или же въ винительномъ «тые люди», «тые коне», грам. вит. р. о. 1300 г., «тые люди дали есмо» гал. гр. 1375 г. ib. № 5, «оу тыи часы» гр. 1388 г. ib. № 8—9, нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь вліяли формы

прилагательнаго склоненія. Это вліяніе распространилось также на косвенные падежи множ. числа. Мы читаемъ преимущественно въ югозападныхъ и сѣверозападныхъ памятникахъ: «кнѧзь тыихъ» р. лив. акт. 13, «тымъ мнихомъ» 1375 г. Голов. гал. гр. № 5, «отъ тыхъ мѧсопѹстъ» ib. № 8—9 (1388 г.), «тыми же колоколы» рус. лив. ак. 1407 г., «тыхъ именеи» югозап. гр. 1438 г. № 20, «къ тымъ селомъ» ib., «къ тымъ имѣньѧмъ» ib., «во всихъ тыхъ имѣньѧхъ» 1442 г. № 25, «о тыхъ имѣньѧхъ» ib. № 39 (1503 г.), «на тыхъ мостѣхъ» ib. № 55 (1510 года). Изрѣдка попадаются такія же формы въ грамотахъ новгородскихъ и московскихъ: «ис тъіхъ селъ» новг. гр. 1327 г., «с тъіхъ», «тъіхъ» ib. 1373 г., «къ тъімъ свободамъ» ib. 1305 г., «тыми волостми» моск. гр. 1328 г. № 25, «тыми», «тымъ» ib., «у тыхъ людии» 1353, № 24, «ис тыхъ мѣстъ» 1356 г. № 25. Это двоякое склоненіе стоитъ въ связи съ двоякимъ именительнымъ падежомъ ед. числа. Старинное «тъ» могло остаться не тронутымъ въ своемъ окончаніи, принявъ изъ косвенныхъ падежей лишь слогъ «то» для подпоры: получился именительный падежъ «тотъ» (напр. «тътъ товаръ» смол. гр. 1229 г., «тотъ въ сто, а тотъ потѧгнеть» новг. гр. 1270 г. Шахм. 243, «тотъ дастъ ѿвѣтъ» Срезн. 263). Къ этому именительному принадлежитъ правильное старинное склоненіе. Но «тъ» могло также, поддавшись вліянію прилагательныхъ, передѣлать именительный падежъ изъ «тъ» въ «тъи», «тыи», «той». Форма «тыи» встрѣчается дѣйствительно иногда въ грамотахъ новгородскихъ (въ грам. 1305 и 1327 гг.), но гораздо чаще въ грамотахъ западно-русскихъ, напр. въ витебско-рижской о. 1300 г. «тъи товаръ», «тъи конь», въ галицкой 1375 г. «тои маннъ», ib. 1401 г. «тои рокъ». Въ грамотахъ южно-русскихъ попадаются, какъ еще нынѣ въ языкѣ южно-русскомъ, обѣ формы рядомъ: напр. у Головацкаго, въ грамотахъ отпечатанныхъ въ Науковомъ сборникѣ, пишутъ: «тъи листъ» № 1 (1350), «на тои день» № 8—9 (1388), «оу тыжь днь» № 13 (1398), «тъи листъ» № 20 (1400), «тои слюбъ» № 23 (1388), «на тои рокъ» № 24

(1401) и т. д., но тамъ же рядомъ: «тотъ миръ», «тотъ ѿповѣсть», «тотъ истиньнъıи» № 1, «тотъ обьѣздилъ» № 4 (1371), «на тотъ рокъ» № 7 (1386), «на тотъ листъ» № 8—9, «тотъ зъıскалъ», «тотъ стратилъ» № 24 (1401).

При существовавшей формѣ «тъıи», «тои» простая послѣдовательность заставляла языкъ итти еще дальше, онъ образовалъ для женскаго рода форму «таꙗ», для средняго «тое»: «таꙗ ѡбида» гр. 1300, «таꙗ околица» лит. гр. 1387. Срезн. 267, «оусѧ таꙗ волость» ib., «тая половина» грам. 1403 г. у Голов. № 26, «тое ѡзеро» ib. № 19 (1392—1429), «тое село» лит. гр. 1387; для винительнаго падежа ж. р. форму «тую»: «про тую жалобу» р. лив. а. 1284, «тȣю жь правдȣ» гр. 1350 г. Голов. № 1, «тȣю земьлю», «оу тȣю землю» ib. № 26 (1403), «оусю тую дань» лит. гр. 1387 г.; для винительнаго средняго рода множ. числа «таꙗ»: «оу таꙗ ловишча» ib. № 18 (1392), «оусѧ таꙗ села» лит. гр. 1387 г.

Для винительнаго падежа ж. р. ед. ч. существуетъ также форма «тое», она появляется довольно поздно, кажется, не раньше XVI вѣка, ср. напр. «тое кабалу», «тое свою отчину» кал. I. 197, 199 (1547 г.), «на тое деревню» ак. юр. № 183, стр. 198 (1585 г.), «тое пустошь» кал. I. 75 (1593 г.); это «тое» конечно не что другое какъ родительный падежъ ж. р., колебавшійся уже давно между «тоѣ» и «тое». Какъ это случилось, что это *е* произносится *ё* вм. ожидаемаго *я*? Проф. Соболевскій думаетъ (стр. 57), что здѣсь, по всей вѣроятности, оказали вліяніе формы средняго рода на *о* — моё, твоё, своё. Едва ли это такъ. Аналогическія вліянія происходятъ обыкновенно внутри рода или внутри падежа. Поэтому мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь на родительный падежъ ж. рода вліялъ родительный же падежъ м. рода, т. е. что *тоё* поддалось вліянію произношенія *тогó*, или, лучше сказать, *егó* вліяло на *её*.

Что касается формъ множ. числа съ основнымъ *и* вм. ожидаемаго *ѣ* въ такихъ памятникахъ, какъ новгородскія, московскія, двинскія грамоты, то мнѣ сдается, что здѣсь вліяніе про-

исходило не съ окончаній мягкихъ на твердыя, а съ именительнаго падежа на косвенные. Мы присутствуемъ такъ сказать при борьбѣ именительнаго падежа съ косвенными, при борьбѣ для существованія. Именительный падежъ «ти», «вси» напрягаетъ свои силы и на время притягиваетъ къ себѣ даже косвенные падежи: «тимъ», «тихъ», «тими»; «всимъ», «всихъ», «всими», но силы его вскорѣ истощаются и онъ самъ уходитъ со сцены, уступивъ мѣсто новой формѣ, свидѣтельствующей о перевѣсѣ косвенныхъ падежей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ двинскихъ грамотъ XV вѣка, въ актахъ юридическихъ № 71: «тими землями» IV, «всимъ тимъ сябрамъ» V, «тихъ селъ», «тихъ земель», «на тихъ трехъ селѣхъ», «ти три села», «на ти земли» VI, «на всихъ угодьѣхъ» VIII, «со всимъ володѣньемъ», «со всими угодьи» X. Въ доказательство, что здѣсь формы вліяли другъ на друга, можно привести примѣръ ib. XI. «цѣмъ владѣлъ... тѣмъ владѣти», гдѣ подъ вліяніемъ формы «тѣмъ» вышло даже «цѣмъ».

Гдѣ о мѣстоименіяхъ рѣчь идетъ, не лишне было бы упомянуть словомъ о параллелизмѣ между *тотъ* — *той* и *сесь* — *сей*. Форма «сесь» существуетъ преимущественно въ юго-западныхъ текстахъ: «на сесь листъ» гал. грам. 1398 г. № 13 у Голов., «на сесь нашь листъ» ib. № 26 (1403 г.); въ юго-зап. актахъ: «сесь мои записъ» № 48 (1508), «сесь нашь листъ» ib. № 59 (1512). Примѣръ «такоже и сесь сложилъ» Бусл. ист. хр. 750 — выходитъ уже изъ рамки юго-западнаго края, сл. также у Кал. I. 187 «сесь списокъ», то же самое ак. юр. 28. Я нашелъ также «сеси»: «кто на сеси листъ позритъ» грам. 1421 г. у Голов. № 32. Въ той же грамотѣ читается также довольно рѣдкая форма «тонъ»: «а тонъ листъ далъ панъ Васко». Винительный падежъ ж. рода мѣстоименія «сь» въ церковно-славянскомъ языкѣ былъ «сиѭ» — «сьѭ», въ русскомъ «сю» и даже «сюю»: «сюю грамоту» читаемъ въ литовско-русской гр. 1387 г. рядомъ съ «сю грамоту» Срезн. 266. 267, «сю кабалу» Кал. I. 201 (1547 г.). Есть также «сее» (радомъ съ «тое»): «сее грамоту» ак. арх. эксп. I.

380[б]. Въ грамотѣ полоцкой 1264 г. «сую грамоту» теряетъ значеніе потому, что тамъ же есть также «сию». Именительный ж. рода «сіа»: «грамота сіа» русско-лив. ак. 131 (1407 г.); сл. ак. арх. эксп. I. 389[а]. Средняго рода мн. числа: «по сѧ мѣста» Кал. I. 222 (1561 г.).

Авторъ приписываетъ мѣстоименію «тотъ» значеніе члена уже для древне-русскаго языка (стр. 158). Приводимые примѣры мало убѣдительны. Въ сущности мѣстоименіе не лишняя прибавка, оно выдвигаетъ существительное какъ нѣчто читателю уже знакомое, съ нарочнымъ указаніемъ на него. Обыкновенно о такомъ словѣ, снабженномъ мѣстоименіемъ, заходила уже рѣчь въ предыдущемъ. Въ примѣрѣ изъ лѣтописи сказано: «смердовъ жалуєте и ихъ кони», поэтому въ продолженіи разсказа можно было прибавить: «начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою». Точно такъ во второмъ примѣрѣ: «въшедша два лѧха на увозъ... лѧха та ловѧшета его». Подобныхъ примѣровъ очень много. Въ этомъ смыслѣ написалъ также Аблесимовъ, на котораго авторъ ссылается: «коней ищу... а кони-та, кони-та какіе добрые были». Вся разница въ томъ — и за это указаніе мы признательны автору — что встарину мѣстоименіе еще склонялось, въ новомъ же языкѣ остались лишь нѣкоторыя формы его, преимущественно *то*. Если же говорить о употребленіи мѣстоименія въ качествѣ члена, отчего не указать на то «тотъ», которое въ русскомъ языкѣ служитъ опорою для существительнаго, имѣющаго возлѣ себя относительное предложеніе? Вѣдь и въ этомъ случаѣ мѣстоименіе играетъ роль члена, такъ какъ, судя по другимъ языкамъ, безъ него можно обойтись. Примѣры такой прибавки мѣстоименія имѣются уже въ старомъ языкѣ, напр. въ грамотѣ витебско-рижской о. 1300 г. читаемъ: «а имуть ть того чловѣка, кто разбои оучинилъ», «про тую дѣтину, что товаръ его былъ съ разбоиниковъымъ товаромъ», «тыи товаръ ѡтдаи, что еси взѧлъ».

XVII.

Относительно склоненія прилагательныхъ и причастій надо будетъ въ слѣдующихъ изданіяхъ кое-что прибавить. Напримѣръ, желательно бы увидѣть по примѣрамъ, какъ долго въ старомъ языкѣ именное склоненіе прилагательныхъ продолжало существовать на ряду съ формами сложными. Встарину писали: «поѧсъ золотъ» моск. гр. 1328, стр. 32, «поѧсъ великии золотъ» ib. 1356, стр. 40, «ковшъ великии золотъ» ib., «чечакъ золотъ» ib., «дати ти пу́тъ чистъ» моск. гр. 1368, стр. 48, «блюдо серебрьно» ib. 1328, стр. 32, рядомъ съ «блюдо великое» ib., «шапка золота» ib. 1356, стр. 40, «сабля золота» ib. рядомъ съ «шапка золотаѧ» 1328, стр. 32, «чепь золоту колчату» 1356, стр. 40, рядомъ съ «коробочку золотую» 1328, стр. 32, «поѧсъ сердониченъ» 1328, стр. 31, рядомъ съ «кожухъ черленъıи» ib. 32, «на червчатѣ шолку» рядомъ съ «въ великомъ свертцѣ» ib.; сл. «по чепи по золотѣ», «по поѧсу по золоту» ib. 1356, стр. 40. Въ актахъ юрид. № 103 (1540 г.): «ель же на покляпую» рядомъ съ «ель покляпу» стр. 136, ib. № 104 (1556): «земля добра» рядомъ съ «земля средняя» стр. 138; «сушило велико» ib. № 86, 126 (1568 г.). Въ ипат. лѣтописи 473: «созда церковь камену» рядомъ съ «святи церковь каменую». Сл. еще Кал. I. 548 (раньше 1459 г.): «лошакъ рыжъ, лысъ, ib. 573: «меринъ карь, кобыла бура», ib. 540 «мерина темносѣра, да мерина рыжа, да кобылу карю, да кобылу чалу».

Такая же свобода существовала въ выборѣ формы для прилагательнаго въ аппозиціи: «ожерелье на цкахъ, на золотыхъ, разрушано съ яхонты и зъ жемчуги» моск. гр. 1509 г. стр. 406; «приде Лестько к Белзу, убѣженъ Александромъ» ипат. 487; «кто на пиръ придетъ пити незванъ» ак. арх. эксп. I, № 143, стр. 115а.

Потеря именнаго склоненія у причастія настоящаго и прошедшаго времени, о которой на стр. 156—7 рѣчь, не можетъ

быть названа особенностью древне-русскаго языка по отношенію ко всѣмъ примѣрамъ, приводимымъ авторомъ: иные изъ нихъ несомнѣнно существовали уже въ южно-славянскихъ подлинникахъ. Отъ вниманія автора несомнѣнно не ускользнула попытка профессора Іо. Шмидта объяснить формы на *-и* при дательномъ самостоятельномъ ед. числа какъ остатокъ консонантическаго окончанія этого падежа (K. Z. XXVI, 369, 370). По моему съ почтеннымъ лингвистомъ нельзя согласиться, но наблюденіе его доказываетъ многочисленность отступленій отъ правильнаго употребленія причастія въ дательномъ падежѣ, замѣну его окончаніемъ на *-и* или на *-е*. Если бы объясненіе Шмидта было вѣрно, мы ожидали бы какъ остатокъ консонантическаго дательнаго только окончаніе на *-и*, но какъ извѣстно, въ старинныхъ текстахъ это окончаніе чередуется съ окончаніемъ на *-е*. Колебаніе же между *и* и *е* могло произойти оттого, что въ именительномъ множ. числа употреблялись оба окончанія, для окончанія *и* кромѣ того напрашивался въ единственномъ числѣ именительный ж. рода. Раньше другихъ пошатнулся конечно дательный самостоятельный, напр. въ первой новгор. лѣтописи (фототип. изд. стр. 77) читаемъ: «кн҃зю же очютивъше» (вм. очютивъшю), или же тамъ же на стр. 215: «фоминѣ не҃ исходѧче»; въ особенности въ множ. числѣ чутье для правильной именной формы утратилось очень рано, ее стали замѣнять формою сложною, напр. «слющимъ послы межи собою о мирѣ, Олговичемъ же и Половцемъ не дадущимъ миритисѧ... стоѧщимъ же имъ до вечера» ипат. 301. Гдѣ не было нарочно выраженнаго дательнаго имени или мѣстоименія, тамъ и причастіе покидало форму дательнаго, довольствуясь окончаніемъ на *и*: «повелѣ имъ ездѧчи воевати» ипат. 468, «не погнетши пчелъ меду-не ѣдѧтъ» ib. 509, «назадъ ѣдучи приставаютъ къ берегу» акт. арх. эксп. I, № 263, стр. 293 (1563 г.), сл. ib. № 65 (о. 1460) «кому будетъ стати ѣдучи». Есть также примѣры на *е*: «тѣмъ поудъ изверѧче оучинити, а дроугъи ковати изверивше тѣмь» смол. грам. 1330 г., рядомъ съ «правити емоу поемъши дѣтьскъи». Замѣна винительнаго падежа

номинальнаго склоненія тѣмъ же окончаніемъ на *и* видна также въ примѣрахъ, подобныхъ слѣдующему: «видѣвъши же княгини его примъши мнискыи чинъ» ипат. 472. Позднѣйшимъ шагомъ, кажется, была утрата чутья для разницы числа, напр. «ѡже буду не исправи^{л}, исправя чтите» еванг. синод. 1357 г., «радуется заецъ избѣгши ис тенета» маргар. 1499 г. послѣсл., «Некрасъ живучи въ той отчинѣ да тѣ деревни запустошилъ» Кал. I. 219 (1576 г.), ibid. 176 (1534 г.): «меня не жалуя а наровячи игумену да велѣлъ». «не ходя на судъ помирились» акт. арх. эксп. I, № 263 (1563 г. стр. 292), и наоборотъ «везучи дорогою беречи не учну» ак. юр. № 200 (1655), или тамъ же, стр. 164 (1559 г.): «вы въ тѣхъ разбоиниковъ имали жъ да обыскавъ и доведчи на нихъ и пытавъ накрѣпко казнили».

Остатокъ стариннаго винительнаго падежа имен. склоненія сохранился въ оборотѣ «влѣжачь»: ак. юр. № 61 стр. 102 (1676 г.).

Не понимаю, почему авторъ (стр. 157) называетъ форму «видя», «увидѣвъ» — старою, окончаніе же *и* въ «идучи», «видѣвши» — формою новою? Я не вижу для этого названія ни малѣйшей причины въ исторіи рус. языка. Вѣдь формы «видя» или «увидѣвъ» настолько же новы для существительнаго женск. рода или мн. чис., на сколько стары формы «идучи», «видѣвши», если онѣ относятся къ существительнымъ женскаго рода или множ. числа! Ново развѣ то, что языкъ уже не отмѣчаетъ разницы рода или числа, и давая предпочтеніе той или другой формѣ, руководится соображеніями другого свойства. Такъ напр. форму на *чи* любитъ простонародный и, подражая ему, книжный языкъ въ концѣ предложенія: «взяться за дѣло *умѣючи*» Тург., «ступилъ... переваливаясь какъ бы *крадучись*» id., «сердце изныло на родителей нашихъ *глядючи*» id. Точно такъ форма на *ши* становится все болѣе правиломъ у глаголовъ возвратныхъ: «она стосковалась не *простившись* со мною какъ слѣдуетъ» Аксак. сем. хр., «старикъ долго ходилъ *задумавшись*» ib., «они станутъ тосковать *разставшись* съ семействомъ» ib.; «*поднявшись* съ ночлега, мы

имѣли возможность не заѣхать въ село», ib. «не *дождавшись* охлажденія, уходилъ отъ меня» Гонч., «*обувшись, взявъ* ружье и осторожно *отворивъ* дверь... вышелъ на улицу» Турген., «сидѣлъ *сгорбившись* ib., «уже *промотавшись*, онъ въ п. не порывался» Гонч., «*повертѣвшись* около себя опять улеглась» ib., «*закутавшись* въ плащъ, погрузилася въ мечты» ib., «*проснувшись* на ранней зарѣ, Левинъ попробовалъ будить товарищей» Толст. Невозвратные глаголы употребляютъ безъ различія формы на *-въ* или на *-вши*, хотя и здѣсь второе окончаніе кажется выразительнѣе, поэтому дается предпочтеніе ему, когда оно выставлено въ концѣ: «жутко умирать *не полюбивши*» Тург. У глаголовъ перваго разряда длинныя формы на *-ши* уже потому почти исключительно въ употребленіи, что короткія совпадали бы съ причастіемъ другого рода: «*протекши* болѣе двухъ тысячъ пяти верстъ, впадаетъ въ Касп. море» («протекъ» совпадало бы съ церковносл. «протеклъ») Пушк., «*зажегши* свой лагерь, пошелъ обратно» («зажегъ» совпадало бы съ церковнославянскимъ «зажеглъ») id., «строевую службу онъ прошелъ, *протерши* лямку» Гонч, («протеръ» совпадало бы съ церковнославянскимъ «протерлъ»), «она сидѣла *подперишсь*» Толст.

Къ примѣрамъ особеннаго употребленія несклоняемой сравнительной степени прибавляю форму «больши» возлѣ «боле»; значитъ встарину языкъ останавливался пока еще на одной изъ правильныхъ формъ именительнаго падежа, такими же были «боле» изъ средняго, «больши» изъ женскаго рода: «котораѧ деревнѧ болши пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню болши корму и поборовъ положатъ» ак. арх. эксп. I. № 150, стр. 121 а, «больши того» ак. юр. № 70, стр. 109 (1678 г.), «а болши того есми денегъ у нихъ не имывалъ» Кал. I. 176 (1534 г.), «верьсты по двѣ и по три и болши» ib. 211 (1547 г.).

Говоря о судьбѣ формъ прилагательныхъ на *-ги* и *-ыи* (стр. 159—160), профессоръ Соболевскій употребляетъ такія выраженія, по которымъ можно бы вывести заключеніе, что формы

на *-ой, -ей* водворились въ великорусское нарѣчіе лишь въ теченіе XV столѣтія, вытѣснивъ мало по малу бывшія раньше въ употребленіи окончанія *-ый* и *-ий*. Можетъ быть это въ самомъ дѣлѣ такъ и было въ литературномъ языкѣ. Но вѣдь цѣль изслѣдованія въ родѣ «лекцій» не довольствуется изложеніемъ фактовъ, она стремится изъ-за написаннаго слова глубже вникнуть въ характеръ народнаго произношенія. Дорожа этой высокою, хотя трудно достижимою цѣлью, мы должны и въ данномъ случаѣ поставить вопросъ прямо: слѣдуетъ ли окончанія *-ой, -ей* признать въ великорусскомъ нарѣчіи чертою сравнительно новою, или же они существовали въ живомъ языкѣ уже давно, но долгое время были покрыты слоемъ формъ литературныхъ? Я склоняюсь въ сторону послѣдняго мнѣнія, и какъ уже сказано выше (на стр. 29), считаю возможнымъ допустить, что въ примѣрахъ «тѣлообразнои видъ» мин. 1096 г. 36ᵃ, «нестере чюдьнои» ib. 107ᵃ, «вѣчьнои животъ» мин. 1097, 4ᵇ, или «нощьнои вранъ», «истиньнои» пс. толст. XII в. (Лавр. 29) мелькаютъ раннія слѣды народнаго произношенія. Что же побуждало писцовъ замѣнять въ этихъ примѣрахъ окончаніе *-ъи* окончаніемъ *-ои*, если не желаніе поддѣлаться подъ народное произношеніе? Можетъ быть даже не что другое какъ привычка произносить окончаніе именительнаго падежа на *ой* вводила иногда въ заблужденіе относительно косвенныхъ падежей въ такихъ примѣрахъ: «болѣзньноихъ» мин. 1097, 9ᵃ, «неистьлѣньноихъ» ib. 14ᵇ.? Впрочемъ подобныхъ примѣровъ очень немного. Изъ раннихъ случаевъ окончанія *-ои* приведу изъ послѣсловія евангелія 1339 года (у Срезн. малоизв. пам. № 86): «кнѧзь великои».

Въ женскомъ родѣ слова «третїй» ожидали бы по аналогіи съ «перваꙗ», «втораꙗ» форму «третьꙗ», вмѣсто чего нынѣ пишемъ *третья*. Въ старомъ языкѣ можно встрѣтить также полную форму: «да третьꙗꙗ верьвь» акт. юрид. 1544 г. стр. 123ᵇ, № 81.

Окончаніе родительнаго падежа прилагательныхъ на *во* (вм. *го*) объясняется авторомъ изъ произношенія *ho* переходомъ согласной *h* въ *в* (на стр. 90). Объясненіе это не хуже другихъ

попытокъ, но пока не засвидѣтельствованы формы въ родѣ «доброо», какъ напр. засвидѣтельствованы слова «осподарь» (двин. гр. 1397, моск. грам. I. 117) или «великою кнѧинею» (моск. гр. I. 147), любознательность наша остается и впредь неудовлетворенною. Столь замѣчательный фактъ русскаго языка заслуживалъ освѣщенія нѣсколькими примѣрами. Сказано же только на словахъ, что «формы съ *в* встрѣчаются уже въ московскихъ и сѣвернорусскихъ актахъ XV в.». Мнѣ встрѣтилось дѣйствительно въ одной подмосковной грамотѣ, относимой къ 1462 — 1466 г., но сохранившейся въ «современномъ спискѣ»: «волосново чловка», «в правово» (Калач. юр. б. I. № 31, стр. 107), потомъ же въ подлинной грамотѣ московской 1445—1446 г. Троиц. Серг. мон. «в правово» (тамъ же I. 97) и въ грам. Бѣлозерскому Кириллову монастырю 1471 г. «переж сево», «ни ставленово», «въ волостново», «манастырьсково» тамъ же № 31, стр. 113. Изъ XVI в.: «старово ръзводу» гр. моск. 1566 г. у Иванова № 41, (тамъ же № 65 (1630 г.): «да подьячево Ондрѣѧ». Много примѣровъ даетъ домострой по списку XVI вѣка: «кнѧзѧ молодово», «новобрачново», «ветшаново», «зеленово», «тово і тово» «коліке ис чево бѹдетъ» и т. д. Въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ по списку XVII в. (въ изданіи О. Д. П. 1879, I): накормите прохожева старца 66, «лѹтчева повара ѹшибъ» ib., «иново государѧ» 1613 г. Бусл. 1008, «ево друзи» 1665 Тихонр. II. 437.

Кому угодно довольствоваться объясненіемъ этихъ формъ путемъ перехода *г* черезъ *h* въ *в*, тотъ съ удовольствіемъ будетъ указывать на «повост» (вм. погостъ) какъ произношеніе Вятской губерніи, на «восподь», «восударыня» тамъ же, на «блавородіе», «вербовой лис(т)» въ Екатерин. губерніи.

XVIII.

Прибавимъ наконецъ нѣсколько замѣчаній къ послѣдней, десятой, главѣ, излагающей «исторію формъ спряженія» (стр. 163—194). Авторъ начинаетъ съ потери имперфекта, полагая что эта потеря могла произойти въ самое раннее время. Но такъ какъ выше (на стр. 96—97) сказано, что уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имперфектъ формою своею значительно отступалъ отъ правильно образованной церковнославянской—то надо допустить, что въ первое время древнерусской письменности имперфектъ еще существовалъ и въ народномъ употребленіи, только формы его были, конечно, лишь терпимы, нисколько же не принадлежали къ любимымъ средствамъ народнаго выраженія. Мнѣ кажется, положеніе имперфекта въ древнерусскомъ языкѣ было нѣсколько похоже на состояніе нынѣшняго сербскаго языка, въ которомъ имперфектъ уже совсѣмъ вымираетъ, но въ литературномъ языкѣ онъ употребляется еще довольно часто и это употребленіе вовсе не обусловлено знакомствомъ писателей съ церковнымъ языкомъ, а вытекаетъ изъ живого чутья. Точно такъ, должно быть, и въ древнерусскомъ языкѣ формы имперфекта уже охотно обходились, но если иногда писали ихъ, то не потому только, что выучивались имъ изъ церковныхъ книгъ, а потому, что черпали изъ не пересохшаго еще родника живой рѣчи. Такое впечатлѣніе производятъ на меня многочисленные случаи имперфекта въ разныхъ текстахъ русскаго происхожденія, напр. въ житіи Ѳеодосія, написанномъ Несторомъ, въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, и т. д. Такіе примѣры, какъ въ Лавр. лѣт. 11: «си же (Обри) воевахꙋ на словѣнѣх... и насилье творѧхꙋ женамъ дꙋлѣпьскимъ· аще поѣхати бꙋдѧше ѡбъринꙋ, не дадѧше въпрѧчи конѧ ни вола, но велѧше въпрѧчи...» или тамъ же, стр. 180: «и тако изидѧше ӥз монастырѧ, взимаѧ мало коврїжекъ въшедъ в печерꙋ и затворѧше двери печерѣ и засыпаше перстью... аще ли бꙋдѧше нꙋжьное

ѡрудье, то ѡконцемъ малъї бесѣдоваше», или тамъ же, 184: «аще кого видяше в помышленьи, обличаше и в таінѣ и наказаше блюстися аще которыи братъ оумышляше ити из манастыря и оузряше и, пришедъ к нему обличаше мысль его и оутѣшаше брата · аще к нему что речаше, сбудяшется старче слово», или тамъ же: «изидяше ис црькви шедъ въ кѣлью и оусняше и не възвратяшется в цркві до ѿпѣтья. аще ли вержаше на другаго и не прилняше к нему цвѣтокъ, стояше... дондеже ѿпоѭху оутренюю и тогда изидяше в кѣлью свою», или въ 1-й новгор. лѣтописи: «оже купляху по ногатѣ хлѣбъ» 6631 (такъ часто), «ядяхоу люди листъ липовъ» 6636 (и это часто), «чадо свое всажаше въ ладью» ib., «стражье стрежаху день и нощь» 6644, «по вся дни загарашеся, не съмѣяху людье жировати въ домъхъ, нъ по полю живяхуть» 6702, «вожаше съ собою посадника» 6704, «жяляху по немъ... и радовахуся» ib., «дѣти своѣ дяяхуть одьрень» 6723 — и т. д. — многочисленные примѣры подобнаго рода производятъ на меня, повторяю, впечатлѣніе чуткаго отношенія къ живой народной рѣчи. Для подражанія языку церковнославянскому заключается въ этихъ и подобныхъ оборотахъ слишкомъ много самостоятельности и оригинальности, но и неправильность не доходитъ еще до тѣхъ размѣровъ, какіе видны въ формахъ XV — XVI столѣтія. Поэтому, мнѣ кажется, можно считать несомнѣннымъ, что формы имперфекта, въ древнерусскомъ языкѣ X—XIII вѣка жили еще въ памяти народа, хотя съ кой-какими измѣненіями противъ церковнославянскаго языка. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что на большомъ пространствѣ русскаго языка потеря имперфекта произошла не въ одно и то же время, но я не считаю возможнымъ, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ изслѣдованій по исторіи русскаго языка, съ точностью опредѣлить или указать, съ какого конца эта потеря началась. Можно догадываться, что на сѣверозападной окраинѣ, но пока это такъ и остается простой догадкой.

Основательно возражаетъ авторъ противъ «бишь» какъ им-

перфекта; съ объясненіемъ, предложеннымъ покойнымъ Шлейхеромъ, нельзя согласиться. Но не знаю, почему не сказано, какъ другіе объясняютъ это «бишь»? Кажется, съ производствомъ частицы «бишь» изъ «баишь» (отъ глагола «баить») можно согласиться.

Аористъ могъ гораздо долѣе существовать въ живой рѣчи русской, чѣмъ имперфектъ, судя по тому, что въ нынѣшнемъ сербскомъ языкѣ аористъ находится еще въ общемъ употребленіи, тогда какъ имперфектъ, какъ сказано, уже вымираетъ. Нельзя однакожъ утверждать, что всѣ формы древнерусскаго аориста вполнѣ совпадаютъ съ церковнославянскими. Отступленія замѣтны уже въ памятникахъ XIII — XIV вѣковъ. Къ примѣрамъ, вычисленнымъ въ лекціяхъ на стр. 165, прибавимъ еще тотъ -другой. Прежде всего отмѣтимъ отсутствіе окончанія *тъ* въ третьемъ лицѣ ед. числа такихъ примѣровъ, какъ «поча кнѧжити» 1283—4 Срезн. 237, «нача» 1350 Срезн. 259, «приꙗ» о. 1350 Ср. 260, «възѧ» ib. 233, «из-д-роукы изѧ ѥмоу мечь» жит. Ник. Срезн. мал. пам. № 32, «почѧ оубывати с҃лнцѧ» новг. лѣт. I. 20, «възѧ новыи търгъ» ib. 40, «и приꙗ слы всѧ» ib. 43, «поꙗ дъчерь» ib. 79. Чередованіе въ послѣднемъ глаголѣ двухъ основъ, неопредѣленнаго наклоненія «поꙗти» съ настоящимъ временемъ «поиму», заставило языкъ образовать иногда аористъ изъ основы, свойственной только настоящему времени, и вотъ появились такія формы аориста: «дроугыꙗ изма роукама» новг. лѣт. I, 31, «и ту ꙗ изма, и посла пълкы, изма жены и дѣти, а градъ ихъ зажеже» ib. 150, «изма дворѧнѣ», ib., «осѣкы ихъ възьма» ib. 156, «а дроугыꙗ измаша» ib. 73, «многы побиша а иныхъ измаша» 167, «поути заѧша и сълы изьмаша» 68, «измаша кънѧзѧ» 232, «и дани поима по всѣмоу вьрхоу... и ꙁа волокомь възьма дань» ib. 115 (сличи напротивъ «воротивъшесѧ възѧшѧ всю дань» 71), «не идѧ къ городоу поима дары» 172, «поима около озера сѣна» 212, «оубиша ихъ м҃., а жены ихъ и дѣти поимаша» ib. 124 (сл. «възѧшѧ дѣти ихъ» 14), «поимаша слоужьбьное еуг҃лие» 140,

«дворъ зажьгоша а житие ихъ поимаша» 148, «на нихъ серебро поимаша» 150. Форму «поимаша» можно читать какъ «поимаша» и какъ «поймаша», потому что существуютъ рядомъ «изимаша» и «изьмаша» ib. 64, сл. «изима» 230. Такъ «съима» ib. 6. 7 вѣроятно произносилось *сойма*, не *соима*, т. е. *сънима*, сл. «переимаша» ib. 21. 59. И въ простомъ глаголѣ рядомъ съ «яша» встрѣчаемъ также «имаша» съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ различія въ значеніи; послѣдняя форма стоитъ въ связи нестолько съ «имати—имаѭ», сколько съ настоящимъ временемъ «имѫ — имѣть»: «възяша на разграбление домы ихъ... имаша на нихъ нѣ съ полоуторы тысяще грвнъ» 36, «възяша оу него... такоже и оу нихъ имаша» 42, «имаша искоупъ князи» 239. Къ этому аористу примкнуло наконецъ также неопредѣленное наклоненіе «поимати»— хотя въ новгор. лѣтописи еще правильно «пояти», напр. 218 — со значеніемъ совершеннаго вида, оттуда и причастія «поимавъ» (читай: *поймавъ*) или «измавъ»: «а новгородьце измавъ всеволодъ... дьржаше оу себе» 115 — 116, «измавъ я вся посла» 165, «ано тамо измано вячьшие моуж» ib., «поиде къ торожкоу поимавъ старейшие моужи» 168. И съ окончаніемъ настоящаго времени: «поимѫ съ собою» 105. 161.

Такъ какъ аористъ былъ живучее имперфекта, то не удивительно встрѣтить иногда форму аориста тамъ, гдѣ ожидали бы имперфектъ, напр. въ той же новгородской лѣтописи (фотол. изд.) стр. 22: «вода бяше велика въ волховѣ а снѣгъ лежа до якова дни» (вм. «лежаше»); ib. 38 «и стоя всѣ лѣто осмьнька великая по з̃. резан» (вм. «стояше»); или же аористы отъ основъ несовершеннаго и многократнаго вида, которые болѣе свойственны формамъ имперфекта, въ новг. лѣт. 61—62 читаемъ «княгыню въпоустиша въ манастырь ст҃ыя варвары а дроужиноу его въ погрѣбъ въсажаша» (ожидали бы «въсадиша», напротивъ примѣръ на стр. 24 «оць и мти чадо свое въсажаше» можно понять какъ 3-е лицо ед. ч. имперфекта, поэтому и не нужно съ проф. Соболевскимъ, на стр. 165, предполагать здѣсь смѣшеніе окон-

чаній имперфекта и аориста[1]); ibid. 202 «много оуимаша и не могоша юго оумолити» (здѣсь было бы лучше «оуимаху»); тамъ же «повоювaша около тържкоу бещисла и не догонѧша тържкоу» (ожидали бы по крайней мѣрѣ «не догониша», какъ 190 «съгониша»); ibid. 204: «съзва влдкоу антонию и посадника иванка и всѣ новгородце и запраша братию свою и всѣхъ новгородьць» (и здѣсь ожидали бы «запрашаше», т. е. «молюше»).

Примѣрами, приводимыми въ лекціяхъ (стр. 165—6), конечно еще не исчерпаны всѣ странности въ употребленіи аориста. Количество ихъ безчисленное, начиная съ смѣшенія основъ, примѣры котораго указаны выше — сравни тамъ же 29. 97 «роубоша» при неопредѣленномъ «роубити» или въ текстѣ XVI в. (Тихонр. отреч. пам. I. 10) «аз же листвие беро^х»—и кончая съ полнѣйшею потерею чутья для различія лицъ, что конечно встрѣчается не раньше XVII столѣтія: яко слышахъ азъ, распалихся сердце мое Тихонр. I. 4 (XVII в.), благословенъ господь Богъ вышнии иже научиша тебѣ с нашего ученію мудрости» сем. мудр. I. 12 (изд. О. Л. Д. П.), введе его въ свои полаты и посади его подле себя и смотриша на него ibid. 14, жена его ключі украдоша и хожаше к ыному юноше ibid. 33, «от конскаго ржаниа град трясяхуся (ск. о Бовѣ кор. XVII в. П. Д. П. 1879. I. 50), и т. д.

Смѣшеніе 3-го лица ед. числа въ значеніи аориста прибавкою окончанія *тъ* съ настоящимъ временемъ въ значеніи будущаго я могъ бы засвидѣтельствовать однимъ примѣромъ уже первой новгородской лѣтописи, на стр. 11: «аще кто изъ істьбы вылѣзеть, напрасно оубьенъ бываше», хотя здѣсь не немыслимо также будущее время въ такомъ смыслѣ: сколько разъ ни кто выйдетъ. Примѣръ, приводимый въ лекціяхъ «родить» (на стр. 165) изъ евангелія 1355 г., нельзя назвать надежнымъ потому, что точно такъ пишутъ «родитъ» вм. «роди» уже южнославян-

---

[1]) Въ другомъ примѣрѣ изъ той же лѣтописи, стр. 130: «и вся мѣста обискаша а из бъчькъ гвозды вынимаша, и видеше водоу текоущю, идоша прочь» несомнѣнно надо исправить «видеше» въ «видѣвъше».

скіе тексты (ср. Мар. ев. стр. 3. 17). Замѣтимъ кстати, что и Кириллъ Туровскій употребилъ для аориста «оумреть» 34, «поможеть» 50.

Еще обращу вниманіе на одну особенность древнерусскаго аориста, характеризующую его по отношенію къ старославянскому. Какъ извѣстно, въ древнѣйшихъ памятникахъ южнославянскихъ имѣются аористы «пожръхъ» и болѣе употребительное «пожрѣхъ», «оумръхъ» и болѣе употребительное «оумрѣхъ» и т. д. (см. Миклошичъ-Брандтъ 134, Wiedemann, Beiträge 92—93, 103). Въ древнерусскихъ памятникахъ, насколько они не передаютъ буквально формы церковнославянскія, преобладаетъ аористъ перваго типа, если рѣшимся отожествить «оумьрохъ» съ церковнославянскимъ «оумръхъ», если же не лучше будетъ, сказать, что это аористъ новѣйшаго типа на *-охъ*: «оумьре» (vl. оумре) мин. 1096, 010. 17, «оумре онтонъ» новг. лѣт. I. 49, «измьроша» ib. 24, «измроша» ib. 127, «оумроша» еванг. 1393 г., «простьре» тріод. постн. Ср. 151.

XIX.

Взамѣнъ аориста и имперфекта русскій языкъ сталъ очень рано, уже въ первыя столѣтія древнерусской письменности, употреблять причастіе прошедшаго времени на *-лъ* со вспомогательнымъ «есмь» и безъ него. Объ этомъ излагается въ лекціяхъ на стр. 169—172, гдѣ достаточнымъ количествомъ примѣровъ освѣщенъ фактъ, что при 3-мъ лицѣ ед. числа глаголъ «есть» могъ отсутствовать уже въ древнѣйшее время, начиная съ надписи на тмутороканскомъ камнѣ и такихъ коротенькихъ записей въ различныхъ рукописяхъ, какъ «Лавра псалъ» (мин. типогр. библ. за апрѣль), «городѣнъ пьсалъ» 1096, «завидъ псалъ» ев. 1097, «оугриньць ѱалъ» (юр. ев. 1119), «а писалъ

юкило» 1232 г. сл. отмѣтку «чи кдѣ дѣтина помалъ, ѿць ѱалъ до сюду» парем. 1271 г. Вѣрно указано въ лекціяхъ также, что и для перваго лица могло отсутствовать «есмь», но лишь при нарочной прибавкѣ мѣстоименія «азъ» или «а»: «и юзъ далъ роукою своею» читаемъ уже въ грамотѣ 1130 г. рядомъ съ «азъ... повелѣлъ юсмь» и «се ю Всеволодъ далъ юсмь». Нѣсколько позже, т. е. не раньше конца XIII столѣтія, попадаются уже и второе лицо ед. и мн. числа и первое лицо мн. ч. безъ «еси», «есте» и «есмы»: въ грамотѣ витебскорижской около 1300 г. (Ср. 240—241) читаемъ: «мы вашее братие не ѡбидѣли ни грабили товара... аже ты его товаръ оузалъ... то ты ему не далъ... а ты ему велелъ продати... ты кнажо тые коне ѡбизрелъ ты его хотелъ безъ измены... тоть ты реклъ кнажо». Но рядомъ съ этими примѣрами въ той же грамотѣ еще чаще прибавляется «еси»: «еси товаръ ѿюлъ... ты его ѡковалъ еси и дѣржалъ его еси... а товара еси ѿюлъ... кнаже то еси неправду дѣлалъ, забылъ еси... шолъ еси, товаръ еси взалъ, и то поималъ еси, тоть еси неправду дѣлалъ, что еси взалъ, оу чемь то еси неправду дѣюлъ, то еси неправою думою думалъ, и велелъ еси, ажо еси свое кртное челование забылъ, оулюбилъ еси, ты кнажо давалъ еси, далъ жо еси, не дослужилъ са еси, что еси самъ давалъ». Точно такъ и къ первому лицу мн. ч. прибавляется еще чаще «есме»: «както есме не чювали... приготовили са есме были и рекли есме... какъ то есме не чювали».

Проф. Соболевскій отзывается (на стр. 172) о сложномъ прошедшемъ времени такъ: «мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ точностью, когда исчезли эти формы; но въ актахъ XVI—XVII в. мы еще встрѣчаемъ полныя формы 1-го и 2-го лицъ прошедшаго сложнаго». Эти слова, передающія вѣрно фактическую сторону, способны вызвать возраженіе по отношенію къ дѣйствительному смыслу приводимыхъ фактовъ. Неужели авторъ лекцій считаетъ такіе примѣры какъ «далъ есми» отраженіемъ живой народной рѣчи? неужели онъ вѣритъ въ дѣйствительность формы 1-го лица «есми»? На стр. 118 онъ оставилъ благоразумно этотъ

вопросъ нерѣшеннымъ, сказавъ только, что «есмп» «мы находимъ... въ памятникахъ XIV вѣка и слѣдующихъ, какъ сѣверно-, такъ и западно- и южнорусскихъ, между прочимъ въ грамотѣ Андрея Полоцкаго до 1399 года». Примѣры XIV вѣка еще такъ рѣдки, что стоило перечислить ихъ. На грамоту Андрея Полоцкаго трудно ссылаться, потому что она сохранилась только въ спискахъ: да хоть бы и придать значеніе подлинности нѣсколькимъ примѣрамъ съ конца XIV вѣка, какъ напр. въ грамотѣ о. 1400, гдѣ читаемъ «положилъ кесми», «придалъ кесми» (Срезн. обозр.[2] 290) — въ грамотѣ полоцкой 1396-го года: «иж позволи есми» теряетъ значеніе уже потому, что тамъ же написано еще «писана бысти» — все-таки эти примѣры, если взглянуть на нихъ критически, теряютъ значеніе уже потому, что въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ, начиная съ конца XIV столѣтія, всплываетъ наружу «есми», во всѣхъ древнѣйшихъ текстахъ писалось еще только «есмь». Въ грамотахъ московскихъ 14-го вѣка постоянно писали: «есмь роздѣлъ оучинилъ», «далъ есмь» (1328 г.), «велѣлъ есмь», «положилъ есмь» (1353 г.), «писалъ есмь» (1371 г.) и т. д., только въ 15-мъ столѣтіи, да и это сначала въ спискахъ, начинаетъ появляться «есми»: «что есми съ тобою одинъ человѣкъ» 1433 г. № 48 (стр. 96), «а со кнѧземъ есми любовь взѧлъ» ib. 97, «а что есми посылалъ» ib. 98, въ грам. 1434 г. (тоже въ копіи № 51, стр. 103): «есми далъ», въ подлинникѣ, въ двухъ грамотахъ 1434 года, № 54—55 (стр. 107—112): «далъ ти есми», «а что еще въ цѣлованье будучи есми съ тобою, не додалъ ти есми», ibid. № 60 (стр. 131, 1440 г.): «далъ есми вамъ во очину», «што сѧ былъ есми отъступилъ». Такъ въ одной рязанской грамотѣ 1356 г. читаемъ «далъ кесмь», «кесмъ выкхалъ», «кесмъ оучинилъ» и даже съ причастіемъ на *въ*: «возрѣвъ кесмь», «сгадавъ кесмь», а въ рязанской же грамотѣ великой княгини Анны (1464—1501) пишутъ «пожаловала есми». Всѣмъ этимъ примѣрамъ я не придаю больше значенія, чѣмъ пресловутому сербскому изъ XIV столѣтія, на который авторъ не пропустилъ сослаться!

Въ памятникахъ, употребляющихъ еще имперфектъ, передается также давнопрошедшее время чрезъ причастіе со вспомогательнымъ глаголамъ «бѧхъ-бѧше», напр. въ новгород. лѣт. I, 79 «оумьрлъ бѧше», «тоу бо бѧхоу вышли соуждальци пълкомь» ib. 86. Съ исчезновеніемъ имперфекта долженъ былъ выйти изъ употребленія и этотъ синтактическій оборотъ; форму «бѧхъ-бѧше» замѣнило причастіе «былъ», опять съ глаголомъ «есмь» или же безъ него: въ выше упомянутой грамотѣ витебско-рижской: «приготовили сѧ есме были», или въ грамотѣ новгородской 1270 года (Шахм. 242): «а что былъ ѿялъ братъ твои», въ смол. рижской грамотѣ около 1300 (Куникъ, Нап. № 8): «како есте были въ л(юбъ)ви», въ московской грамотѣ 1388 г. (С. Г. Гр., № 33, стр. 56): «а что ти сѧ есмъ былъ отступилъ дани въ Растовцѣ». Гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ это сдѣлано на стр. 166, надо было заявить, что нынѣшнее вставочное *было* вынулось изъ указаннаго оборота давнопрошедшаго времени. Параллель къ этому замѣчательному синтактическому развитію представляетъ вставочное *будетъ* или *буде*, подобный же остатокъ синтактическаго оборота причастія на *-лъ* со вспомогательнымъ глаголомъ *буду*, о которомъ говорится на стр. 167—168. Напрасно авторъ возражаетъ противъ названія этого оборота сослагательнымъ будущимъ; вѣдь названіе грамматической формы не должно обнимать всѣ случаи синтактическаго употребленія ея; для большинства же славянскихъ нарѣчій, въ томъ случаѣ и древнерусскаго языка, этотъ оборотъ представляетъ дѣйствительно не что другое какъ сослагательное будущее. Если въ грамотѣ о. 1300 г. (Срезн. 240) написано: «будуть тобе кнѧжо лишии людье тую думу повѣдали... то есть тобе кнѧжо достоино аже бы тые люди казнилъ», то здѣсь конечно рѣчь идетъ о событіи прошломъ, уже совершившемся, но написавшій изреченіе «будуть повѣдали» взглянулъ на этотъ фактъ съ своей точки зрѣнія какъ на нѣчто подлежащее еще повѣркѣ, какъ будто бы прибавляя отъ себя: «если окажется, что тебѣ повѣдали». Въ такомъ смыслѣ нужно понять всѣ завѣренія старыхъ записей:

«аҷи кде... боудоу криво ,написалъ» прол. 1262 г., «аще кде боудоу изъгроубилъ» 1307 г. Ср. 242, «гдѣ буду не исправилъ или описался» 1369 Ср. 264, «кдѣ боудоу не дописалъ или преписалъ» 1370 Ср. 265. Сл. также Калач. I. 90 (1391—1425): «што емоу далъ... или што боудет к тѣмъ поустошем потягло иныхъ земль», въ грамотѣ 1427 года (Ср. м. п. № 54): «мѣста потягли будутъ к литвѣ... а подать будуть давали ино имъ и нинеча тягнути». Настоящимъ будущимъ сослагательнымъ становится этотъ оборотъ, коль скоро главное предложеніе содержитъ въ себѣ будущее время; къ числу такихъ формъ принадлежитъ, конечно, также неопредѣленное наклоненіе въ значеніи повелительнаго, напр. «а коуны имати на нихъ оу истцевъ своихъ, оу кого боудеть кто коупилъ» новг. гр. (1307—1308, Шахм. 249), «взяти емоу коуны, колико боудеть далъ по исправѣ» ib. (1305—1308 Шахм. 251), «кто боудеть коупилъ... кто боудеть даромь ѿилъ,.. а то поидеть бес коунъ к новоугородоу» ib. (1325—1327, Шахм. 262). Въ смоленской правдѣ о. 1230 г. (Срезн. 223—224): «аже оубьють моужа вольного, тъ выдати разбоиникы, колико то ихъ боудѣтъ было»; (р. лив. акты, стр. 420—443): «а боудеть переже на неи не было сорома» § 12, «аже боудеть на неи первѣе соромъ былъ» ib., «што боудетъ имъ соулилъ наима, черес то имъ боле не взяти» § 37 по редакціи D. E. F. (въ A. B. C.: «что имъ посоулишь, то даи а болѣ не даи»). Сущность новаго оборота заключается въ томъ, что «будетъ» прекращаетъ дополнять причастіе какъ вспомогательный глаголъ и присоединяется къ предложенію въ родѣ самостоятельной вставки, вліяющей на глаголъ въ значеніи: *пусть будетъ* или *положимъ*, что равняется союзу *если*. Въ грамотѣ № 52 у Калачова, акты юр. быта (стр. 222, 1561 г.) читаемъ: «язъ господине того не вѣдаю, кому будетъ Некрасъ являлъ и гдѣ у него записано». Здѣсь можно будетъ отнести къ причастію «являлъ», но также считать самостоятельною вставкою. Такое же двусмысленное положеніе занимаетъ будетъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «изъ лавокъ денги и платье и сукна и вся-

кой товаръ кралъ ли, и будетъ кралъ, и кто съ нимъ товарищи были». Кал. I. 268 (1647 г.). Самостоятельное положеніе вставочнаго будетъ виднѣе тамъ, гдѣ главнымъ глаголомъ предложенія состоитъ не причастіе на *-лъ*, а настоящее время: «та будетъ пожилина росолная лежитъ пуста» грам. 1578 г. у Иванова № 42, «а будетъ наши земли... намъ очистетца» 1686 г. ib. № 70, «кто будетъ роду его тое вотчину похочетъ выкупить, и ему та вотчина выкупать» Кал. I. 87 (1625 г.), «и бѹде вы не здадите моего изменника» о Бовѣ корол. XVII в. ПДП. I, 64, «а буде кто изъ тое вотчины возметъ крестьянина, а я не очищу, и мнѣ дать крестьянина» Кал. I, 484 (1692), «а буде кто станетъ въ тѣхъ людеи вступатца, и мнѣ очищать отъ крѣпостей» ib. 487 (1695).

Выраженію *буде* вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнее *если*, старшее *есть*: «а есть де бы кто къ нему подкинулъ, и онъ де бы челобитье свое записалъ» Кал. I, 519 (1680 г.).

XX.

Указывая на разные способы передачи будущаго сложнаго (на стр. 168—169), проф. Соболевскій находитъ, что передача черезъ «начьноу» съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ была очень рѣдка. Кажется, это не такъ; число примѣровъ съ начну, почну, учну, не меньше чѣмъ примѣровъ будущаго сложнаго съ хочу и неопредѣленнымъ: «а почьнѣть ся кто ѿ нихъ просити» смол. правда 1230 г. Ср. 224, «а кто почне наступати на ти земли, ино очищивати ти земли Онцифору» двин. гр. XIV—XV в. (юр. ак. № 71, стр. 111), «а кто почнетъ настоупать, ино спасъ на него» Кал. I, 441 (XV в.), въ новгород. грам. 1317 г. (Шахм. 259): «а въ которого чл҃вка почнутъ шкупа(ти) села, шкупити кму и доброк и худок»; въ акт. юр. б. Калач. I. № 15, стр. 35

(1673 г.): «а кои нынѣ крестьяня... живутъ и... учнутъ жить», «которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ и впередъ на пустошахъ учнутъ жити» ib. 55 (1612 г.), «всѣмъ крестьяномъ, которые въ тѣхъ деревняхъ живутъ и впередъ учнутъ жити» ib. 74 (1588 г.). Эта фраза «учнутъ жити» повторяется часто (сл. Кал. I. 83: 1555 г. и т. д.); взамѣнъ ея въ другихъ, кажется, болѣе древнихъ грамотахъ, читаемъ «иму»: напр. въ московской 1388 г.: «коли имоу слати» стр. 56—«а хто имет жити люди старожилцев, и тѣмъ людемъ... ни котораꙗ дань» Кал. I. № 30 (стр. 78, 1443 года), «кто оу них имет жити» ib. 91 (1443); сл. тамъ же I. 92 (1433 г.), 104 (1463). Сличи также Кал. I. 101 (1449 г.) «коли... оучнут соль продавати», «учнетъ судити», «учнутъ искати»; ib. 443 (1443): «оучнут ловити», а въ грамотѣ смол. 1230 г. (Срезн. 224—225): «имоуть сѧ бити», «тъть ли емѣть хытрити». Такое же разнообразіе и въ прошедшемъ времени: ib. 253 (1620 г.) «учялъ говорити» Кал. I, 184 (1534 г.): рядомъ съ «искати сталъ», «отвѣчать не стали» Кал. ib. 185, а въ галицкой грамотѣ 1401 г. «тожъ емꙋ ялъ штповѣдати» (Голов. Наук. Сборн. 1866. I. 37).

Судьба сослагательнаго наклоненія со вспомогательною частицею *бы*, превратившеюся въ неизмѣняемое словечко изъ бывшаго когда-то аориста «быхъ-быша», изложена на стр. 166—167. Не вполнѣ точнымъ нахожу выраженіе автора, будто «старая форма сослагательнаго наклоненія стала превращаться въ форму прошедшаго сложнаго съ неизмѣняемою частицею *бы*». Не о прошедшемъ сложномъ рѣчь идетъ, а о измѣненіи которому подвергалась форма вспомогательнаго глагола быхъ. Примѣры, приводимые самимъ авторомъ, доказываютъ, что это такъ. Развѣ въ примѣрахъ «любили бы мя бысте», «грѣха бы не быша имѣли», «знали бы бысте и отца», «аще бы быша силы былы бы» и т. д. можно говорить о прошедшемъ сложномъ съ прибавкою *бы*? Не лучше ли сказать, что 3-е лицо ед. числа *бы*, вслѣдствіе частаго употребленія его рядомъ съ союзомъ *а*, *аще*, примкнуло къ этимъ союзамъ какъ нѣчто нераздѣльное, причемъ «быхомъ»,

«бысте», «быша» сначала еще не опускались, а все-таки оставались въ предложеніи настоящими выразителями условности и заодно указателями лицъ. Только во второмъ лицѣ, сначала лишь множественнаго числа, вмѣсто «аще бы бысте» вошло въ обычай писать также «аще бы есте». Происхожденіе этого оборота мнѣ представляется такъ: когда чутье для правильнаго употребленія глаголовъ «есмь» и «быхъ» начало колебаться, на форму *бысте* стали смотрѣть какъ на сложившуюся изъ *бы* и *есте*, поэтому при выставленномъ уже *бы* рядомъ съ союзомъ *аще* (или *а* или *что*) вм. повторенія полнаго *бысте* довольствовались формою *есте*, какъ мнимымъ сокращеніемъ полнаго *бысте*. Примѣровъ для *бы есте* и даже *бы естя* — количество громадное, начиная съ XIV столѣтія; два примѣра изъ московской грамоты 1353 года приведены у Соболевскаго — по образцу же множ. числа развился потомъ, гораздо позднѣе, и для единственнаго числа оборотъ *бы еси*: «аще бы еси хотѣлъ избавити, избавилъ бы еси» читаю въ одномъ прологѣ XVI вѣка, гдѣ конечно *еси* такая же вставка книжной мудрости, какъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ; ср. «во истинȣ былъ бы еси на сѣм конѣ» Бусл. хр. 703 (XV в.), «и со княгинями бы еси поговорилъ» ib. 755 (1533 г.). Въ грам. 1649 г. (Кал. I. 271): «и ты бъ... сыскалъ бы еси», въ сказаніи о семи мудрецахъ I. 10: «прошу у тебя, что[б] еси посла[л] посла своего». Встарину не знали такихъ цвѣтковъ краснорѣчія, напр. въ грамотѣ о. 1300 (Срезн. 241) писали: «аще бъы тъы оу своемь слове стоıалъ а нашю братию проводилъ бъы, мъы бъыхомъ не поминали».

XXI.

Къ изложенію того, что называется «Исторіею формъ настоящаго времени» (на стр. 172 — 176), позволю себѣ прибавить слѣдующее. Я былъ изумленъ, прочтя у автора (на стр. 173),

что онъ считаетъ 2-е лицо ед. числа глаголовъ дашь, ѣшь — повелительнымъ наклоненіемъ. Мнѣ до сихъ поръ казалось самымъ естественнымъ дѣйствіемъ аналогіи 2-го лица всѣхъ прочихъ глаголовъ, что и даси, ѣси, черезъ дась, ѣсь, перешло въ дашь, ѣшь. Да и единственный примѣръ, приводимый авторомъ изъ псалтыри XIV в. «до избытка ѣши» не говоритъ въ пользу его толкованія потому, что «ѣши» ужъ никакъ не указываетъ на повелительное наклоненіе. Но формы дадимъ—дадите, ѣдимъ — ѣдите, не повелительное ли это наклоненіе? Допустимъ, что это такъ, хотя легко представить себѣ, что бывшія (дадѧтъ) и существующія до сихъ поръ (ѣдятъ) окончанія 3-го лица легко могли, по анологіи съ прочими глаголами, вполнѣ независимо отъ повелительнаго наклоненія, развить новыя формы для 1-го и 2-го лица мн. ч.: дадимъ—дадите, ѣдимъ—ѣдите (по образцу родятъ—родимъ—родите).—Это объясненіе тѣмъ вѣроятнѣе, что дадите—ѣдите для повелительнаго вовсе не употребительны, по предложенному же въ лекціяхъ объясненію выходитъ страннымъ, что формы повелительнаго наклоненія, на дѣлѣ не существующія, могли вытѣснить формы настоящаго времени. — Но повторяю, хоть бы и допустить, что нынѣшнее дадимъ — ѣдимъ формы стариннаго повелительнаго наклоненія, слѣдуетъ ли оттуда, что и дашь—ѣшь должны быть формы повелительнаго наклоненія? По моему вовсе нѣтъ. Поэтому я буду и впередъ смотрѣть на ѣшь, дашь, какъ на аналогическія формы настоящаго времени, пока мнѣ не укажутъ хоть бы на одинъ примѣръ съ окончаніемъ *жь* въ значеніи настоящаго времени. Не имѣю примѣровъ, да и у Соболевскаго нѣтъ ихъ, для настоящаго времени: ѣдимъ — ѣдите, дадимъ — дадите; — въ концѣ XIII столѣтія еще писали «даси» («или того не даси» рижск. гр. о. 1300 Срезн. 241) и мн. ч. «мы правдоу дамъ» гр. смол. 1284—1297, «мы не дамъ ни продамъ» ibid. Ср. 241; повелительное «дан» существовало уже въ XIV столѣтіи: «а еуаглие дан емоу» Срезн. м. п. № 20, «данте» ib. № 35; но для множ. числа повелительнаго наклоненія могу засвидѣтельствовать новыя формы уже примѣ-

ромъ XIV вѣка: «мы же, братіе, ѩжьмы» Бусл. хр. 498. Вмѣсто нынѣшняго совпаденія повелительной формы «ѣшь», съ нястоящимъ «ѣшь» встарину различали то отъ другого: «не ѩжъ всѧкоѧ нечистоты» мин. XVI в. ОЛДП. № 11. 168; «даи свою дочь за меня с любви, а не дашъ с любви» Бов. кор. XVII в. ПДП. 1879 I. 54.

Какъ изъ даси вышло дашь, такъ изъ хощи—извѣстной формы желательно-повелительнаго наклоненія—вм. хощь развилось хошь по той же аналогіи обыкновеннаго окончанія второго лица на *шь*: «ты въ кабалѣ послухъ, а вотчину хошь выкупать назадъ»? Кал. I. 190 (1534 г.), «не могла яз Бовы прелстить хошь его повѣсь, хошь его на колъ посади» Бов. кор. ПДП. 1879 I. 63. Встарину было «хощи»: «не хощи приѩти» Срезн. 193 (около 1200), «въсхощи въздьржанию» ефр. сир. XIII—XIV в. Къ единственному «хощи» принадлежитъ правильное множ. число желательнаго наклоненія «хотимъ», вошедшее въ новомъ языкѣ въ общее употребленіе. Простонародный языкъ, а также древніе памятники, знаютъ множ. число дѣйствительнаго настоящаго времени: «мы хочомъ бу жаловатисѧ» грам. пол. 1300 г. Срезн. 241, «нжь хочемъ» югозап. гр. 1389 г., «хочютъ» грам. пол. вит. 1407 г.

Относительно глагола «дышать» было бы достаточно указать автору на Я. К. Грота (Русск. правоп.[4] 30, Филол. Разыск.[3] II. 322). Лучше всего умѣетъ соблюдать это различіе нарѣчіе словенское, въ которомъ dišati—dišim—diši значитъ: распространять запахъ, а dihati—dišem: дыхать; первый глаголъ ставитъ удареніе на послѣдній слогъ: dišîm, dišîš, dišî, второй на предпослѣдній: dîšem, dîšes, dîše.

Для правильнаго настоящаго времени «слову» вм. нынѣшняго слыву укажу на примѣры, отмѣченные у меня: «што руськаѧ землѧ словеть полочькаѧ» вит. пол. грам. 1264 г., «деревнѧ на котороп вы стоите, словетъ Борозовскаѧ» акт. юр. № 19 (стр. 41, 1532 г.). Къ случаямъ же утраты правильнаго настоящаго времени прибавлю гнать—гоню (вм. жену).

Окончаніе 3-го лица ед. числа безъ -ть вовсе не такъ рѣдко, какъ могло бы показаться, судя по словамъ проф. Соболевскаго. Для меня «само собою» *не* «разумѣется», что многочисленныя формы безъ -ть въ изборникѣ Святослава принадлежатъ не русскому, а церковнославянскому языку. Это надо было доказать. Да и самъ проф. Соболевскій не считаетъ этого вопроса столь простымъ и легкимъ, какъ казалось бы по его слегка брошенной формулѣ «само собою разумѣется». Вѣдь и онъ прибавляетъ многозначительную оговорку, окончательно разрушающую его увѣренность. Онъ говоритъ, что если не всѣ, то многія формы могутъ быть считаемы за принадлежащія не русскому, а церковнославянскому языку (стр. 175). Но если многія формы — церковнославянскія, то хотѣлось бы узнать, какія же все-таки русскія? Авторъ допускаетъ и самъ, что 3-е лицо единст. числа безъ -ть особенно часто попадается въ галицко-волынскихъ памятникахъ. Не будетъ ли кстати по отношенію къ этой особенности признать также изборникъ Святослава близкимъ родственникомъ галицко-волынскихъ памятниковъ? Во всякомъ случаѣ этотъ довольно важный вопросъ нуждается въ болѣе подробномъ разборѣ и изслѣдованіи. Не вдаваясь въ перечисленіе примѣровъ изъ изборника 1073 или 1076 годовъ, напомню только, что и въ словѣ Ипполита объ Антихристѣ, памятникѣ, отличающемся впрочемъ замѣчательною выдержанностью церковнославянскаго языка, все-же попадаются примѣры безъ -ть: «боуд8 видѣли» 6, «хоще» 67, «да почьте» 73, «да не може» ib., «не поѣдаю ли землю ихъ инии, не держа ли ю ромеи» 44, «да положи еже има» 54. Въ торжественникѣ XII вѣка, въ которомъ чудо св. Николая (Срезн. м. п. № 32), нѣсколько разъ читаемъ «ѥ» (вм. «ѥсть») и также: «отъ стои оу тебе» (стр. 28). Въ житіи св. Савы только «что пророкъ вѣщаѥ» 209, «да буде бес троуда» 229, «ꙗкоже ѥ лѣпо» 253, «что ти е» 455.

Въ обозрѣніи формъ повелительнаго наклоненія не все излагается въ такомъ видѣ, чтобы дѣйствительные историческіе про-

цессы выходили вполнѣ ясно наружу. Во главѣ всѣхъ отступленій древнерусскаго повелительнаго отъ церковнославянскаго я бы поставилъ то, что было главною причиною ихъ, т. е. рѣшительное вліяніе 2-го лица ед. числа на 2-е лицо мн. числа. Начиная уже съ Остромирова евангелія, какъ хорошо указано на стр. 178, постоянно повторяются примѣры уравненія 2-го лица множественнаго числа 2-му лицу ед. числа, такъ что вся разница заключалась только въ прибавкѣ къ единственному числу окончанія -те для множественнаго числа. Напрасно авторъ увѣряетъ (стр. 178), что «старыя формы на -ѣмъ, -ѣте были еще въ полномъ употребленіи въ сѣверно- и зап.-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV в.». Я съ этимъ не могу согласиться въ виду такихъ фактовъ, какъ у Срезн. м. п. № 32 (XII в.) «съ великою вѣрою поидивѣ», «идивѣ» стр. 26, въ грамотѣ смоленско-рижской о. 1297 (Кун. Нап. № 3): «какъ то мозите стояти», или въ гр. новгор. XIII в. (Срезн. м. п. № 35): «възмите», въ двинской грамотѣ XIV в. «станите на судъ» (ib. № 29), въ минеѣ новгородской 1369 года «не клѣните», въ грамотѣ новгородской послѣ 1300 (Срезн. 242): «томоу вѣры имите», въ грамотѣ витебско-рижской около 1300 г. (Ср. 241): «се мы готови, поедимъ», въ послѣсловіи одного новгородскаго евангелія 1232 года (Срезн. обзор.[2] стр. 106) «кде боудоу помял̑ъ ся, чтите исправливаюче». Даже въ новгородской лѣтописи I. 158: «и мы поидимъ». Наконецъ въ сѣверныхъ двинскихъ грамотахъ XIV—XV вѣка читаемъ: «постерегите» акт. юр. 430, «возмите», 432, «не двиньте», «не обидьте», «постерегите» ib. Не хочу этимъ отрицать, что иногда оставались формы на *-ѣте* по церковнослав. преданію, но это лишь остатки литературной формы. Какъ извѣстно, на сокращеніе окончанія *и* въ *ь* въ современномъ языкѣ вліяетъ удареніе, падающее на предыдущій слогъ; встарину быть можетъ случаевъ съ удареніемъ на *и́* было больше, чѣмъ нынѣ. Сл. напр. у Кал. I. 217 (1555 г.): «поѣди господине за нами, и мы тебѣ укажемъ», произносилось несомнѣнно «поѣди́».

Въ южнорусскихъ говорахъ сохранилась разница между «веди» и «ведѣте», между «неси» и «несѣте» до сихъ поръ въ степени мягкости: веди, неси—ведіте, несіте; эта разница проведена тамъ же и для глаголовъ III[б] и IV-го класса: гори, хвали—горіте, хваліте, гдѣ конечно горіте хваліте формы аналогическія, поддавшіяся подъ образецъ повелительныхъ ведіте, пніте, мріте, двигніте. Сюда, должно быть, относятся также примѣры, приводимые авторомъ изъ разныхъ южнорусскихъ памятниковъ: «отвалѣте», «хранѣтеса», «творѣте», «молѣтеса». Но съ этими примѣрами не должно смѣшивать встрѣчающіяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ формы «ищѣте», «покажѣте», «важѣте», ѣ которыхъ чередуется съ а («ищате», «покажате», «важате»). Въ послѣднихъ примѣрахъ нѣтъ повидимому ничего діалектическаго-русскаго, это скорѣе рабское подражаніе формамъ, занесеннымъ въ древнерусскую письменность съ юга. Не всегда легко рѣшить, принадлежитъ ли форма на -ѣте къ старымъ (т. е. южнославянскимъ) или новымъ (южнорусскимъ). Напр. въ житіи св. Савы, памятникѣ, какъ уже сказано, несомнѣнно южнорусскомъ, можно бы «възищѣте» стр. 169 считать новизною южнорусскою, но такъ какъ здѣсь во всѣхъ прочихъ случаяхъ строго выдержана разница между -ите и -ѣте (напр. «идѣте», но «помолчите» ib.), то можетъ быть здѣсь и форма «възищѣте» такая же, какъ въ прочихъ древнѣйшихъ памятникахъ (напр. въ Остром. ев.).

Къ примѣрамъ, доказывающимъ силу и способность стариннаго языка отдѣлить возвратное мѣстоименіе отъ своего глагола (на стр. 180), прибавлю нѣсколько ихъ изъ грамотъ, отличающихся свѣжестью народной рѣчи XVI вѣка: «а ты са на тѣхъ шлешь ли?.. на тѣхъ са, господине, шлюжъ» Кал. I, 177 (1534 г.), «истецъ и понатые со кназемъ Юрьемъ за поле поимали жъ са» ib. I, 195, «на дѣло шлешь ли са» ib. 204 (1547 г.), «и кназь Юрьи съ ними за поле поималъ же сь» ib. 209. Какъ и нынѣ, сокращалось возвратное мѣстоименіе изъ са въ сь, если предыдущее слово оканчивалось гласною, напр.

акт. юр. № 20 (1534 г.): «шлемсѧ господине», «шлюсь господине», «на поле битись», «на поле битьсѧ».

О неопредѣленномъ наклоненіи и причастіяхъ была уже рѣчь выше. Къ формамъ существительнаго глагола прибавлю очень рѣдко попадающуюся сокращенную «есь»: «у кого есь то серебро заимовалъ» моск. гр. 1433 г. (I. стр. 104).

XXII.

Профессоръ Соболевскій заканчиваетъ свои лекціи главою XI объ удареніи, съ общими разсужденіями которой я согласенъ, не знаю только, почему онъ къ ударенію хроматическому причисляетъ лишь языки санскритскій, греческій и латинскій, какъ будто бы литовскій и славянскій не принадлежали къ тому же числу языковъ съ удареніемъ хроматическимъ. Или развѣ не сохранилась до сихъ поръ музыкальность ударенія въ высокой степени въ языкѣ сербскомъ? Она существуетъ также въ языкѣ чешскомъ, съ ограниченіемъ однакожъ только на долгіе слоги. Въ словенскомъ же нарѣчіи, напротивъ, все болѣе преобладаетъ безцвѣтная экспираторность, взявшая верхъ также въ языкѣ болгарскомъ и русскомъ. Но съ такими общими разсужденіями далеко не уйдешь. Пора взяться за изслѣдованіе ударенія по частямъ. Въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка рѣчь конечно можетъ быть лишь объ удареніи, встрѣчаемомъ въ рукописяхъ, но какъ разъ на эту сторону вопроса еще никто не обратилъ вниманія. Удареніе древнерусскихъ рукописей, гдѣ оно появляется съ конца XIV и начала XV столѣтія и потомъ переходитъ въ старопечатныя книги, надо будетъ изучать въ связи съ рукописями южнославянскими съ одной, и съ произношеніемъ живой

русской рѣчи съ другой стороны. Въ первомъ отношеніи сдѣлано пока еще очень немного. Но и въ послѣднемъ далеко не все. Пока еще и пособій, облегчающихъ изученіе современнаго русскаго ударенія, не очень-то много. Нельзя не отозваться съ особенною признательностью о нѣкоторыхъ новѣйшихъ попыткахъ напечатать тексты простонародныхъ говоровъ съ удареніями. Къ такимъ принадлежитъ тоже прекрасное изданіе сочиненій Квитки, вышедшее подъ редакціею профессора А. А. Потебни. Неотразимый научный аксіомъ о принадлежности всѣхъ нарѣчій русскаго языка къ одному цѣлому по отношенію къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ беретъ одинъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу свою какъ разъ изъ совпаденія всѣхъ русскихъ нарѣчій въ одинаковомъ удареніи.

Этимъ кончаются и мои замѣтки. Не воображаю себѣ, что ими предметъ исчерпанъ, хоть бы въ скромныхъ размѣрахъ, намѣченныхъ ему въ «лекціяхъ». Собственно говоря, и авторъ и рецензентъ вращаются пока преимущественно въ старшихъ столѣтіяхъ русскаго языка, приблизительно до конца XV столѣтія. Позднѣйшія столѣтія внесли въ ихъ анализъ лишь очень немногое. Историческое развитіе русскаго языка, какъ онъ двигался въ продолженіе многихъ столѣтій своей письменными памятниками ознаменованной жизни, изображено здѣсь еще въ очень неполномъ видѣ. Изъ каждаго огородка по цвѣточку, выходитъ пестрый составъ, который все-таки не можетъ замѣнить впечатлѣній живого цѣлаго. Дѣйствительно, по этимъ отрывкамъ, очутившимся вмѣстѣ иногда чисто случайно, нельзя составить себѣ точное представленіе о судьбахъ, постигшихъ русскій языкъ въ различныя эпохи его жизни. Гдѣ, когда и какъ развертывалось богатство его въ словахъ и формахъ, его оригинальность въ синтактическихъ оборотахъ, его плавное теченіе народной рѣчи съ особенною силою и удачею, гдѣ ли и когда убывало этихъ качествъ его и по какимъ причинамъ — обо всемъ этомъ мы такъ и не узнаемъ ничего удовлетворительнаго изъ этихъ лекцій и другихъ подобнаго рода обозрѣній. Даже нынѣшній литературный языкъ, этотъ

продуктъ и наслоеніе многовѣковой жизни и работы всѣхъ частей русскаго народа, сложившійся при участіи какъ церковнославянскаго языка, такъ и всѣхъ живыхъ нарѣчій, это «великое зерцало» воспріимчивости русскаго духа — и онъ останется неразгаданнымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ раскрыты и оцѣнены всѣ факторы, принявшіе участіе въ созданіи различныхъ типовъ этого языка въ теченіе столѣтій.

Особенно важнымъ я считаю въ исторіи русскаго языка одинъ моментъ, на которомъ и остановлюсь двумя словами. Я имѣю въ виду поворотъ къ архаистическому направленію, совершившійся въ теченіе XV столѣтія въ церковнославянскомъ языкѣ, какъ органѣ древнерусской литературы. Безъ правильной оцѣнки его становится непонятнымъ то большое количество славянскихъ элементовъ, словъ и оборотовъ, которое до сихъ поръ существуетъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Было бы ошибочно думать, что всѣ «славянизмы» нынѣшняго литературнаго языка русскаго восходятъ къ очень ранней эпохѣ. Напротивъ, по памятникамъ древнерусской письменности XII—XIV столѣтій можно прослѣдить и убѣдиться, что уже тогда въ очень внушительныхъ размѣрахъ церковнославянскій языкъ сталъ «русѣть», уступая медленно, но безостановочно, то въ звукахъ и формахъ, то въ синтактическихъ оборотахъ, вліянію окружавшей его народной среды. Но вотъ наступила эпоха реакціи, подъ гнетомъ тяжелыхъ временъ, постигшихъ Россію, пустилъ глубокіе корни аскетизмъ и отшельничество, возобновились и ожили прерванныя на нѣкоторое время сношенія съ центрами грекославянской духовной жизни на югѣ, съ царствующимъ градомъ Константинополемъ, съ святой горой Аѳономъ, съ Іерусалимомъ. Навѣстить эти мѣста, почерпнуть новую силу вѣры и поученія, стало завѣтной мечтой русскихъ монаховъ и безмолвствуюшихъ отшельниковъ. Оттуда получались опять книги, которыми дорожили болѣе чѣмъ обыкновенными дома сготовленными русскими изводами. Стефанъ Новгородецъ прямо говоритъ, что изъ студійскаго монастыря посылали въ Русь много книгъ: уставъ, тріодь и иныя книги. По сви-

дѣтельству одной рукописи (Р. М. № 360) въ Константинополѣ былъ въ 1392 году списанъ русскимъ монахомъ сборникъ повѣстей и поученій (изъ патериковъ и прологовъ); въ 1421 списали тамъ же «убогій Евсевій и непотребный Ефремъ» творенія св. Іоанна Лѣствичника, въ 1431 году какой-то «смиренный инокъ Аѳанасій русинъ» списалъ опять сборникъ различныхъ житій и похвальныхъ словъ въ одномъ монастырѣ на Аѳонѣ (Опис. сл. рук. библ. св. Троицкой Серг. лав. № 746 (III, стр. 141). Но дорожили не только книгами, полученными съ юга, или же свѣренными съ южнослав. подлинниками, а также людей пріѣзжихъ съ юга принимали съ большимъ почетомъ. Достаточно указать на митрополита Кипріяна, на Григорія Дзамблака, на Пахомія Логоѳета.

Стеченіе этихъ обстоятельствъ сильно повліяло на церковнославянскій языкъ древнерусской письменности, оно дало ему другое направленіе, оторвало его отъ слишкомъ близкаго общенія съ народною средою, вмѣсто оборотовъ простонародной рѣчи водворило пышную витіеватость византійскую. Даже на внѣшнихъ признакахъ графики отразилась эта эпоха реакціи; въ памятникахъ церковной письменности этого времени неожиданно стали снова появляться юсы и на болгарскій ладъ смѣшанное ихъ употребленіе, начали входить въ моду знаки ꙃ и ѯ, на сербскій ладъ писалось иногда ь послѣ твердыхъ согласныхъ, и т. д. Но эта реформація церковнославянскаго языка захватила только сѣверовосточную и центральную Россію, московское государство; сѣверозападная же часть Россіи, великое княжество Литовское, въ этомъ движеніи участвовало гораздо слабѣе, здѣсь авторитетъ церковнославянскаго языка уступалъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ то простонародной стихіи, то культурному вліянію польскому. Такимъ образомъ отселѣ выступили на сцену два русскихъ языка: одинъ московскій русскославянскій, другой литовскій русскославянскій; стройнѣе, правильнѣе, какъ мнѣ кажется, двигался первый, въ которомъ принимали участіе только два фактора, русскій и церковнославянскій; пестрѣе, шероховатѣе

шло развитіе второго, въ которомъ помимо церковнославянскаго фона участвовала примѣсь бѣлорусская и примѣсь южнорусская, да кромѣ того на всемъ этомъ тяготѣлъ языкъ польскій. Исторія русскаго языка должна съ полною справедливостью отнестись и къ этому второму двигателю культурныхъ интересовъ; не малая задача выпала на долю его, которую онъ исполнялъ при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ съ большимъ усердіемъ.

I. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

II. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТА.

А. Русскій языкъ вообще.

Б. Звуки.

а) *Гласныя.*

б) *Согласныя.*

в) *Сочетаніе гласныхъ съ согласными.*

В. Формы.

Г. Слова.

